

Яков Шехтер
Вокруг себя был никто

«Автор»

2004

Шехтер Я.

Вокруг себя был никто / Я. Шехтер — «Автор», 2004

Глубокое мистическое проникновение, которое не оставит равнодушными поклонников Пауло Коэльо и Карлоса Кастанеды. Путь от обычного человека – со всеми присущими ему недостатками и бытовыми проблемами – до Мастера, управляющего своей судьбой, доступен каждому из нас. Одна из главных сюжетных линий романа – история убийства Талгата Нигматулина, происшедшего в восьмидесятые годы Вильнюс. Истинная причина этого загадочного убийства так и осталась непонятой. Героиня романа – здравомыслящая выпускница Тартуского университета – незаметно для себя самой вовлекается в секту и превращается в сексуальную рабыню. Вместе с героиней читатель погружается в самую сердцевину ощущений члена секты, видит Среднюю Азию изнутри, глазами дервиша, оказывается в таких местах, куда не пускают людей, разговаривающих по-русски. Другая линия романа рассказывает о представителе учения психометристов, обладающим необычным влиянием на человека. Герой приезжает в Одессу, разыскивая Мастера, имя которого выбито на одном из памятников старого кладбища. Поиски таинственной надписи приводят героя к рассказу о Реховотской крепости, последнем оплоте мамлюков, о страшных обычаях Хозяина башни, преемника Старца Горы, главы секты ассасинов. Главный герой романа, психометрист, распутывающий переплетения истории и психологии, пытающийся собрать разбросанные по разным странам и эпохам звенья единой цепи, находит в Одессе просветление и исчезает, словно растворившись в хрустальном воздухе черноморской осени.

© Шехтер Я., 2004

© Автор, 2004

Содержание

От автора	6
6 ноября	7
История реховотской крепости	19
7 ноября	26
История реховотской крепости	65
8 ноября	71
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Яков Шехтер

Вокруг себя был никто

«Читать литературное произведение – значит, принимать участие в игре, позволяющей придать осмысленность бесконечному разнообразию вещей, которые произошли, происходили или еще произойдут в настоящем мире. Погружаясь в текст, мы бежим от тревоги, одолевающей человека, когда он пытается сказать нечто истинное об окружающей его реальности. В этом-то и состоит утешительная функция литературы: придать форму и структуру хаосу человеческого опыта».

Умберто Эко

От автора

Я не пришел сказать ничего нового, лишь прогуляться по утоптаным дорожкам, приласкать следы знакомых зверей. Все слова уже сказаны, и я, будто ныряльщик, извлек жемчужины из глубин книжных морей, чтобы собрать их под одной обложкой.

Возможно, дорогой читатель, ты обнаружишь ошибку или неточность. Ведь я писал эту книгу не только для тебя, но и для себя, и спешил закончить свой труд, ибо человек смертен. Ты знаешь, насколько мы далеки от совершенства, поэтому прости меня.

Самое чудесное на свете – человеческая память, убежище, в которое мы прячемся от мира. Она всегда с нами, словно домик улитки, без дверей и окон, закрытый для всех, кроме его хозяина. И если в крике сойки тебе почудится вкус горчичных зерен, то в этом не моя заслуга – все таится внутри тебя. Присмотрись, кто сидит на ветке. Это не сова кричит...

Все действующие лица в романе придуманы. Любое сходство с реальными людьми или событиями является случайным.

6 ноября

Жалеть о поездке я начал уже в зале регистрации. Под сверкающими рекламами «Эль-Аля» беззастенчиво дребезжали русские матюги. Народ не стеснялся, как думал, так и говорил. Ведь туземцы кроме иврита и английского ничего не понимают...

Увы, я все прекрасно понимал, и столько воспоминаний потянули за собой эти смачные словечки, что захотелось тут же развернуться и уехать домой.

Выражение лиц стоявших в очереди на регистрацию в «Эль-Алевском» зале Бен-Гуриона раздражало не меньше, чем лексикон. Мужчины носили гримасу прищуренной придурковатости, только глаза выдавали: бронепоезд на запасном. Не зевай.

Женщины, одна другой краше, рядились под проституток. Стандарт красоты видимо такой, идеал. Полустарые бабули с сединой во всю голову, и те ухитрялись изображать налет порока и зазывающей доступности. Старушечки бодро сучили ногами в обтягивающих рейтузах и поминутно меняли позы. Одна другой горестнее.

Я на секунду представил замечательно-варикозное зрелище, скрываемое этими рейтузами. Но только на секунду, и сразу обеими руками оттолкнул видение. Мало ли какие мысли приходят нам в голову? Многие из них вовсе не наши, а услужливо подкинута внешним «помощником». Если такую оторопь сразу выдавить из себя, считай – проскочил. Но если оставил и принялся смаковать, значит, она стала твоей.

Забавно, кому в Одессе нужны мои лекции по психометрии? Своих специалистов там не хватает, книг, Интернета мало? И сколько их там вообще осталось, психометристов?

С другой стороны, за последние годы я вышел на приличный уровень. Должность ведь – не только деньги и почет, но, главным образом, информация. Электронная карточка сотрудника отдела «железной кровати» открыла передо мной такие двери, люки, лазейки и замочные скважины, о существовании которых не догадываются даже довольно высокопоставленные психометристы.

Я ведь не обязан докладывать, что работаю всего лишь в бюро «информации и связи». Услышав название отдела, публика широко раскрывает глаза, считая меня одним из «тех самых», немеет и вываливает наружу содержимое тайников. По мнению широкой общественности, сопротивление бесполезно, лучше отдать все самому и с улыбкой. Я хорошо использовал этот миф, годы, проведенные в архивах и над старыми книгами, не пропали даром. Ну, и, конечно, общение со стариками психометристами. Немного их осталось. Но каждый – целая история. Впрочем, каждый человек – это история.

Когда-то давно, в Одессе, в самом начале моего духовного путешествия, я с друзьями собирал по крупицам рассказы стариков. Мы любовно называли их «старыми психами». Они потихоньку разъезжались из Одессы, кто в Америку, кто в Израиль, но в основном – на кладбище. Выбор страны проживания для большинства из них был вопросом личного предпочтения: для «психов» их уровня препятствия, возводимые людьми, давно перестали существовать. Они считали себя нужными в Одессе и тихо делали свое дело, незаметную работу психометристов, благодаря которой весь этот огромный город получал право на существование.

Удивительное было время, чудеса просто валялись под ногами, но нагибаться не хотелось. Зачем гнуть спину, если можно протянуть руку? Потом, когда все кончилось, вернее, перешло на другую стадию работы, эти чудеса представились мне помочами, на которых держат ребенка, пока он учится ходить. Когда учеба заканчивается, взрослые прячут помочи в шкаф, до следующего малыша,

Но тогда мне казалось, будто чудеса происходят исключительно для меня одного. Благодаря моему удивительному прилежанию, выносливости, постоянству. Представляю, как посмеивались старики.

Каждый из них казался нам исполином, даже скорее целой крепостью исполинов: с могучими башнями, цитаделью, подъемным мостом, рвом, наполненным водой. Пробриться на ее территорию, подняться на одну из башен представлялось высшим достижением жизни.

Попав в Израиль, я обнаружил сотни старых «психов» со всех уголков мира. Они скромно ходили по улицам, стояли в очередях в банке, на почте, в магазине. Пробриться к ним было не менее сложно, чем в Одессе. Но к тому времени я уже научился видеть и мог отличать обыкновенного старика от старого «психа».

Есть, есть, что сказать... Только способно ли новое поколение услышать? И захочет ли? Ведь наполнить можно только полный сосуд, вытеснив из него прежнюю жидкость. Если нет емкости – некуда лить. Учителей всегда хватает, в учениках нехватка! Это может оказаться главной проблемой поездки. Впрочем, зачем гадать. Еще несколько часов, и все станет на свои места.

Чиновница в Главном управлении утверждала, будто меня ждут. Но разве можно верить чиновникам! И вообще, кому можно верить? Только старым книгам по психометрии, да старикам, чудом уцелевшим после гонений.

Я часто задумываюсь о главном выборе своей жизни, и каждый раз прихожу к мысли, что, на самом деле, никакого выбора перед нами не стоит. Отец мой был психометристом, дед, прадед, прапрадед. Ну, разве я мог стать кем-нибудь другим?

Курить в аэропорту запрещено, и мужички, возмущенно похрюкивая, то и дело удалялись за пределы, выстраивались на кромке зала и старательно вдвухли клубы дыма вовнутрь, когда автоматически открывающиеся стеклянные двери пропускали очередного пассажира. Одушевленный хрен с винтом украинского производства.

– Мужчина, вы на Одессу?

Ко мне уже пятнадцать лет никто так не обращался. Неопределенного возраста дама блондинистого профиля, в кожаном плаще, с черным замшевым обручем в рдеющих волосах.

– Да, в Одессу.

– Та не возьмете документики? Мои дети встретят, заберут.

– Простите, не могу.

– Боитесь, мужчина. Понятно.

И дальше пошла, вдоль очереди. Бесполезно, кто же после 11 сентября примет пакет от незнакомого человека. Тем более, если самому и лететь.

Я вышел из очереди и покотил тележку в другой зал. Немного поразмять ноги, сорок минут стою на одном месте. Перед уходом вежливо предупредил – скоро вернусь.

В других залах оживление, толпы народа. Летят на Америку, Цюрих, Барселону, Марсель. Лица другие, атмосфера другая. Веселая атмосфера, словно все в отпуск летят. А может, так оно и есть. Я, правда, тоже вроде как в отпуск.

Возвратился в «Эль-Алевский» зал и попытался пробиться на прежнее место в начале очереди, но куда там! Народ сдвинул тележки в каре, словно старая гвардия под Ватерлоо, и смотрит в сторону. Не узнают. Советские люди, успел позабыть. Ну ладно, постою в конце. Без меня все равно не улетят.

Появились милые девчушки в голубой форме и принялись за досмотр. Очередь потихоньку начала продвигаться, и я вместе со всеми. Надо сказать, что за полтора часа совместного стояния глаз слегка замылился, и многие лица перестали раздражать, а некоторые начали казаться симпатичными. Трудяги, экипаж украинского судна. Оставили корабль в Хайфе и летят домой, увозя в набрюшниках честно заработанные сотни в зеленой валюте. Но все равно не люблю, когда матерятся при женщинах. Противно.

Девочки в синей форме привычно вычленили мою израильско-паспортную физиономию из толпы и вызвали на досмотр. Дознание заняло три минуты, и я, под завидующие взгляды экипажа, сдал багаж и поднялся на эскалаторе в «Дьюти фри».

Сидел за столиком небольшого кафе, пил сок, смотрел на летное поле. Больше всего я люблю эти моменты: еще дома, но уже за границей.

Прежде чем ступить на трап, несколько раз потер подошвы об асфальт. Святая Земля, тяжело расставаться. Как там дальше будет, кто знает, а пока покидает человек Эрец-Исраэль, опускается прямо под облака.

На весь самолет оказалось всего три израильтянина, но все объявления долго и подробно шли на иврите, с коротким английским пробормотом после. Некрасиво. Но публика не ропщет, привыкнув считать себя вторым сортом. Первое объявление на русском прозвучало только после посадки в Одессе: спасибо ..., надеемся еще..., шалом и до свидания. Ненавязчивое хамство. Я бы обиделся, если бы со мной так обращались.

Возле меня оказалась пара, муж и жена, из того же рейса. Половину дороги пересчитывали доллары. Толстая пачка. Несколько тысяч; наверное, их совместный заработок за полугодовой рейс. Перепроверяли, раскладывали на кучки. Снова перемешивали. На Украине, видимо, нет ни чеков, ни кредитных карточек. Все наличными. Меня совершенно не стеснялись, наверное, по их соображениям, я не представлял опасности.

При подсчете долларов лица у обоих были совершенно нормальные: деловито-напряженные, с налетом тревоги – обычные лица нормальных людей. Маски придурковатости и порока еще не успели нацепить.

Жена не смогла меня проводить. Деловая женщина. Руководитель. Сам ее втянул в эту мясорубку, подталкивал, когда поначалу не шло. А потом пошло, засвистело! На меня времени почти не остается, на дочку тоже. Впрочем, та в ее времени уже не нуждается. Выросла, солидная двадцатилетняя девица.

– Папа, главные вопросы своей жизни человек должен решать сам. И не главные тоже. Короче, не мешай мне делать свои ошибки. Дай лысинку поцелую. Бай! Ауф-ку-ку!

Поговори с такой. «Ауф» – это сокращенное «ауфвидерзеен». Языки она расщелкивает, точно зернышки жареного хумуса, играючи. Русский, иврит, английский, арабский, французский, немецкий. Сейчас учит санскрит. Просто так, для души. Все удивляются таким необычайным лингво-способностям. Только я знаю, откуда. Силы, отпущенные на психометрию, девочка разменивает на семечки. И не объяснишь, сколько ни бился. Слушать не хочет. Дочь у меня одна, и другой, скорее всего, уже не будет. Как бы я хотел видеть ее психометристой! Сколько бы мог подсказать, передать. А она – суахили с горящими глазами. Бенгальский тигр, да и только.

Я очень люблю свою жену. Разве можно не любить человека, с которым шестнадцать лет проспал в одной постели. Много всякого между нами было, но хорошего больше. Помогали друг другу, поддерживали. Успокаивали. Люблю ее, конечно же, люблю. И она меня любит. Мы очень хорошая семья.

Самолет опустил нос и пошел на посадку. Пробили тучи, под крылом море, а город на берегу – Одесса. Ничто не шевельнулось, сердце пусто во мне. Пассажиры загалдели, принялись выкрикивать названия, тыкать пальцами в иллюминаторы. Вот и земля, два удара колесами и аплодисменты. Крикнуть, что ли, «бис»? Типа, взлети обратно, и посади снова, нам очень нравится, как ты это делаешь. Мальчишество.

Очень медленно потянулись к месту высадки. Самолет сильно вздрагивает на стыках плит, такой тряски я не помню ни в одном европейском аэропорту. Асфальт сэкономили, или плиты плохо стыковали. Дыр-дыр, дыр-дыр, езда на тракторе.

Долго стояли в ожидании трапа. Стемнело. Наконец, распахнули двери, и народ повалил. На трапе пограничник проверяет документы. Видимо, отчаявшиеся граждане Израиля пытаются нелегально проникнуть на территорию щедрой Украины. Ах, бдительные украинцы! Теперь я понял, почему в «Бен-Гурионе» вся публика летела по другим направлениям. Видимо, хотела прорваться на Украину с территорий более благополучных государств.

Пограничник зыркнул в паспорт, окинул меня взглядом и кивнул: проходи, мол. Я поднял до упора молнию куртки и вышел на трап. Плюс пять. Ночной воздух осени, с ароматом палой листвы и дымом костров. В глубине запахи стылой росы, сырой земли, гниющих паданцев, чуть уловимые йод и соль моря. Запах Одессы.

– Мужчина, вы проходите или здесь прилипли?

– Прохожу.

Автобуса нет, вместо него промерзлый вагон, прицепленный к грузовику. К перилам невозможно прикоснуться, обжигает. На весь вагон одна тусклая лампочка. Сильно воняет бензином. Я и забыл, что в автобусах может так пахнуть. Ели бы так заблагоухал израильский «Эгед» или «Дан», пассажиры бы бросились наружу, в полной уверенности, что лопнул бензобак и через минуту все запыляется. Но публика только перешучивается:

– Воздух Родины, он особенный!

Вагон заполняется до предела. Водитель забирается в кабину грузовика, заводит двигатель. Со страшным скрежетом одна из дверей закрывается, однако вторая остается открытой. Водитель несколько минут борется с неподатливым агрегатом, щелкая тумблерами и нажимая на рычаги, но агрегат оказывается сильнее.

– Та ездай так, – кричат из вагона, – не выйдем.

Водитель не отвечает на провокации. Он глушит мотор, выходит из кабины и налегает плечом на непослушную дверь. Дверь пищит, но лезет, оставляя солидную щель.

– Ага! – многозначительно произносит водитель и возвращается в кабину.

С воем и кашлем мотор снова заводится. К непослушной двери подходит пограничник и решительно прилагает усилия. Он на посту, он при исполнении и, словно сознавая важность государственной службы, дверь, скрежеща, закрывается. Внутри безответного механизма трещат кулисы и рвутся навсегда резьбы, но граница на замке.

Поехали. Медленно наплывает плохо освещенное здание с давно не мытыми окнами. Неужели это одесский аэровокзал? А я-то помню его в блеске огней, забитым до последней скамейки изнывающими транзитниками.

«К сведению пассажиров, вылетающих рейсом пятьсот одиннадцать Одесса-Тмутаракань. По метеоусловиям Тмутаракани рейс откладывается до двадцати трех тридцати. Повторяю, к сведению пассажиров...»

Милые юные были! Сколько ночей я провел в этом здании, разглядывая витрины киосков, коротая время в туалетной очереди, подремывая на краешке скамейки. Сколько тут было света, яркого, ослепительного, мешающего спать. И эти бесконечные машины для чистки кафельного пола. Их возили по залам с каким-то нечеловеческим остервенением. Машина утробно урчала, засасывая бумажки, и оставляла после себя влажный след, словно гигантская улитка. Правда, улитки не двигаются с такой быстротой и в такое время суток уютно спят где-нибудь на ветке, а не бережат сон ожидающей публики. Но чистота и порядок превыше всего! Куда же вы подевались, чистота и порядок, за что мы страдали ночами в залах ожидания? Дай ответ! Не дает ответа.

Н-да, понесло меня, понесло. Дыханье почвы и судьбы. Казалось, совсем выдавил из себя скоморощий, ухарский тон, а стоило снова оказаться в Одессе – полез горлом.

Сейчас два часа ночи. Я пишу эти строки, сидя в своем гостиничном номере на десятом этаже. Никогда не вел дневник, хоть все учебники по психометрии, включая мой собственный, рекомендуют это делать. Поездка свалилась на меня неожиданно, и чем дальше я влезал в подготовку, тем больше надеялся, будто Одесса откроет для меня дверь, которую я давно и безуспешно пытаюсь отворить. Впрочем, «дверь» – не более, чем образ, сравнение.

Движет мною не вечное человеческое стремление остановить момент, зафиксировать хотя бы на бумаге уползающую действительность, а совершенно конкретный интерес. Мне надо

понять, что происходит со мной: остраниться, взглянуть на свою жизнь, как на текст, записанную, а значит, уже немного чужую историю, и понять. Потому и пишу.

До двух часов я досидел не случайно, хочется посмотреть, почувствовать ауру города. Днем, когда атмосфера забита эмоциями его жителей, уловить основание, подкладку практически невозможно. По всем каналам несется одно и то же – деньги, власть, похоть. Не только в Одессе, но и в любой другой точке мира. Недаром психометрию изучают лишь глубокой ночью, когда население отправляется спать, и поле очищается. Тогда можно услышать фон места, понять, куда направлено его влияние.

Аура нынешней Одессы мне не нравится. А ведь я хорошо помню те чудесные ночи, когда мы ходили по этим улицам. Желтый свет фонарей дробился в мокрых булыжниках, терпко ипряно дышала листва. Было томительно сладко, хотелось танцевать до самого утра.

Утром все выглядело иначе, даже во время каникул, когда не нужно было бежать в институт. Но наступал вечер, а за ним ночь, и чудо повторялось. Теперь я понимаю, что делали с Одессой «старые психи». Если бы власть предрежащие знали, сколько пользы приносят городу психометристы, они бы поставили возле каждого из них взвод спецназа с автоматами навскидку и заставили бы учить психометрию, не разгибая спины.

За отдернутой шторой окна – Одесса, темный, глухой город. Тускло светятся окна домов, все остальное погружено во мглу. Темна Пушкинская, погасли знаменитые гирлянды в кронах платанов, черной громадой высится Оперный. Лишь напротив гостиницы ярко освещена крыша исламского центра. Деньги у арабов есть. На сияющем во мраке белом фасаде зеленая, стилизованная под вязь надпись – «Бог един».

И динамит тоже. Не время, наверное, шутить, но я обязан как можно точнее зафиксировать льющийся через меня поток. Даже если кажется глупым и не к месту. Возможно, именно такая шутка послужит потом, при анализе, отправной точкой.

Наш разум отслеживает только часть информации, основной массив же перерабатывает подсознание, выдавая заключение в виде эмоции – нравится, не нравится. Мелочи часто оказываются куда важнее того, что нам кажется главным. В любом письме настоящего психометриста интересует не текст, а описки, там, где истинные побуждения прорывают защиту интеллекта и воспитания. Находясь в гуще ситуации, мы не всегда отличаем главное от второстепенного. Поэтому я буду записывать все, а потом, вернувшись домой и выйдя из-под влияния воздуха, новых знакомств, воспоминаний и прочей сентиментальной чепухи, спокойно перетрясу все факты и фактики, но главное – мою реакцию на них.

Понять себя – значит понять мир. Дверь, которую я так долго разыскиваю, скрывается не за нарисованным очагом, а внутри меня, внутри самой сокровенной части меня – в моем разуме. Поймать самого себя – нелегкая задача. Китайцы выразили ее красивой картинкой – дракон, пожирающий собственный хвост. Но пиршество – это уже финал, праздничный банкет. Главное – изловить хвост, а, изловив, суметь засунуть в рот и, не подавившись, приступить к трапезе.

Итак, автобус закрипел и остановился возле коричневой стены аэровокзала. Пограничник в фуражке с высокой тульей у входа. Форма сменилась. Такие фуражки носили фрицы в фильмах «пятидесятых», а сегодня ее и украинскому пограничнику не зазорно надеть. Зал выдачи багажа тускло освещен, по углам осторожно горят скромные светильники. «Экипаж» немедленно достает сигареты и устанавливает дымовую завесу.

Страна третьего мира. Ни в одном цивилизованном месте государство не позволяет себе так обращаться со своими гражданами. Сегодня курение точно определяет место на социальной лестнице – ниже середины им бравируют, с середины и выше стыдятся и стараются изжить. Это относится и к частным лицам, и к государственным системам. Мысль о том, что во внут-

реннем кармане моей куртки лежит паспорт с золоченой менорой на синей обложке, греет сердце.

Жду мелких пакостей, но таможенники вежливы. Лица мне их не нравятся, определенно не нравятся. На них четкие следы борьбы за выживание и больше ничего. Ни тени улыбки.

Улыбка – тоже символ, знак. Позволить себе улыбаться может спокойный, уверенный человек. Не растягивать рот по-американски, обнажая десны и просовывая сквозь зубы кончик языка, демонстрируя лучезарную самоуверенность, а относиться к миру, как к нормальному месту обитания, дружески воспринимая его уловки и увертки.

Нет, ты многого хочешь от украинских таможенников. Они вежливы, не придираются. Вот и все, а этого достаточно.

Машина для проверки багажа только одна, пассажиры дисциплинированно выстраиваются в очередь и медленно движутся к ее широко распахнутому зеву.

Крашенная блондинка в черном кожаном пальто выбегает на середину зала и, сморщив лицо в гримасу маленькой обиженной девочки, обращается к публике.

– Тут пакет стоял, с детскими игрушками, и пропал. Отдайте, пожалуйста, люди добрые, племяннице везу, больной ребенок, осложнение после гриппа, ножки отнялись. Отдайте! Ради ребеночка!

Звучит она вполне искренне, но голос, прокуренный голос выдавшей вида барменши нарушает целостность картины. Впрочем, у барменш тоже бывают племянницы, и они тоже болеют гриппом. Блондинку жалко, несмотря на крашенные волосы, неестественно-красный помадный рот и отставленный круп хорошо поработавшей кобылы.

– Та еще ж никто не выходил, – отвечают из толпы, – куда ж он денется, пакет твой. Пошукай по залу, сама, поди, обронила в спешке, а теперь паникуешь.

«Барменша» кивает, и, словно пророк, получивший пророчество, устремляется на поиски. Толпа раздается перед ее доминирующим бюстом, словно волны под форштевнем танкера. Через минуту с другого конца зала доносится ее торжествующий вопль.

– Нашла, дура, – меланхолически отмечают в толпе.

Вот и моя очередь. Сумка с вещами скрывается в недрах «проверяльной» машины, а я предстаю пред светлы очи блондинки с усталым лицом. Голубая пилотка с трезубцем с кокетливо сдвинута набок, форменный пиджачок хорошо притален, а верхняя пуговица небрежно расстегнута. Под напором, так сказать, упругого достояния. На международных рейсах и миллионеры летают, а место таможенницы ничуть не хуже места продавщицы в рассказах О.Генри. Девушка на посту. Во всех смыслах.

Блондинка, похоже, натуральная. То есть уловка природы натуральна, а не подделана. Сколько мужчин попадают на нехитрый психологический ход, толком не понимая, почему их влечет к дамам светлой масти.

Самец опасается ловушки, преследуя жертву, он постоянно ждет подвоха, страшится его. Черный цвет – самый сильный из всех цветов, свет любого цвета, попадая на черное, исчезает, растворяется в его глубине. Черное – символ глубины, тайны, а потому – опасности. Белокурое создание словно подчеркивает – я безобидна. И преследующий добычу хищник охотно идет в западню, превращаясь из хищника в жертву. Моя жена, кстати, натуральная брюнетка. То есть, когда-то была натуральной.

Виза общества психометристов делает свое дело. Блондинка улыбается и, возвращая паспорт, одаривает:

– Добро пожаловать в Украину.

Где же придирки, мелкие пакости, личный досмотр!? Ничего, просто совсем ничего. Даже сумку не открыли.

Перед высокой дверью, последней преградой, отделяющей свободный мир от не менее свободной Украины, меня внимательно осматривают два пограничника. Наверное, они рас-

считывают, что под их укоризненными взглядами я сам «расколуюсь» и добровольно вытасываю из тайников наркотики и не указанные в декларации доллары. Но я не «колуюсь», а спокойно ожидаю, пока ребятишки насмотрятся вволю.

Спокойствие – это главное оружие в борьбе частного лица с государственной машиной. Расставляя препоны, чиновник уповает на истерику и повышенный тон. Стоит подать ему искомый сигнал, и вы в его руках. Навсегда. Потом можете сколько угодно сохранять каменное выражение лица, вам никто не поверит, вы его клиент, и пока не рассчитаетесь сполна, не проникнете сквозь вверенный ему участок.

Но, если с первого момента на вашем лице играет безмятежная улыбка, если, не взирая на подножки и пинки, вы доброжелательны и спокойны – чиновник теряется. Возможно, его дурят, но возможно, за вами стоит сила, с которой лучше не связываться. И, как правило, он не связывается, отыгрываясь на следующем в очереди.

Ребятки медлят, вероятно, ожидая мзду, и я бросаю им спасательный конец, выход из ситуации. Им всегда служит самый идиотский вопрос. И я задаю его, доставая из нагрудного кармана мобильный телефон:

– Не подскажите, господа, Джи эм си тут работает?

Дверь открывается моментально. Что такое Джи эм си, ребятки не знают, впрочем, как и я. Но это не главное, они изобразили строгих стражей закона, я – безмятежного туриста. Все в порядке, проходите, пожалуйста.

За дверью волновалась толпа родственников экипажа. Н-да, кончились торжественные прибытия флотилии «Слава»: оркестр, белые платочки встречающих, парадная форма прибывающих. Публика одета буднично: джинсы, кожаные куртки, кепки. Плюс пять, все-таки. Я одет точно также, специально уточнял, вполне могу сойти за своего, особенно в полутьме.

Сумерки, почти интим. Встреча прошла в интимной обстановке... Режим повальной экономики, чуть не блокада. Куда же уходит весь донецкий уголь и киловатты Днепрогэса? Ну что ж, начинаю разминку.

– Сколько ребята ходили? – осведомляюсь с бывалым видом.

– Восемь месяцев, – отвечает дедок с запорожскими усами. Впрочем, какой он мне дедок? Лет всего на 15 старше. Почти ровесник.

– Сына встречаете?

– Жену.

– Куда ж ее в такие годы в море?

Дед зло ощеривается:

– А тебя забыли спросить!

– Звыняйте, диду! Я ж только спросил.

– Ты еще и пойти можешь, и прямо на хрен, внучек долбаный!

Первые шаги на родине. Первые слова. Первые запахи. Первые реакции. По ним легко вычисляется общее настроение. Когда обстановка нормальна, не посылают на хрен незнакомого человека, даже за глупый вопрос. Да еще с такой злобой. Резко снижаю профиль и начинаю выбираться из толпы. Сумку держу впереди, наплечную сумочку прижимаю локтем.

Кто-то сзади подхватывает ремешки сумки и пытается вырвать ее из моих рук. Тянет вежливо, но упорно. Вряд ли вор, воры так не работают, скорее всего, встречающий. Оборачиваюсь. Так и есть, ошибиться невозможно – передо мной психометрист.

– С приездом! Испугались за сумочку? Всеж-таки Одесса!

– Испугался, – включаюсь в игру. Психометрист бывалый, неплохого уровня – работает красиво, за каждым словом стоит осторожная прокачка. Но и я не ребенок.

– Отдел «железной кровати»? – моментально соображает встречающий. – Говорили, что ожидается важная птица, но такую не ожидали...

Он действительно на хорошем уровне. Отпускаю «защиту» и протягиваю свободную руку.

– В., приятно познакомиться.

Встречающий шуточно вытирает свою о куртку и вкладывает ее в мою ладонь с легким полупоклоном.

– Мотл. Вдвойне приятно. Только сумочку отдайте. Вы наш гость.

Он красив, зрелой красотой сорокалетнего мужчины. Густая борода, еще без седины, крупный нос, широко расставленные, смеющиеся глаза с искрой. Даже залысины не портят, а скорее украшают. Он моего роста и похожей комплекции – крупен без грузности. Излучает спокойствие и уверенность. Симпатичен сразу, и впервые за последние четыре с половиной часа мне хочется завязать беседу. Не разминку или прокачку, а просто разговор. Отдаю сумку.

– Пошли?

– Пошли!

Сразу за дверью начинается забытое счастье одесской осени. Сеется сверху мелкая морось, блестят деревья, блестят крыши машин, блестит асфальт. Острый, одуряющий запах прелой травы. Ах, как я устал от вечного лета, от бескрайнего, неисчислимого голубого неба над головой, яркого солнца, тропической зелени. Сырости хочу, мокрого чавканья под ногами, по три дня солнца не видеть, вообще, никогда, только сквозь тучи туманным ореолом. А в дом заходя, радостно растирать руки над горячей батареей.

Справа, там, где перед стоянкой такси всегда клубилась очередь, сейчас пусто. То есть, абсолютно пусто, ни живой души. То ли у всех автомобили завелись, то ли слишком дорого ездить на такси.

– Нам налево, – направляет Мотл. Его скромный «Ниссан-Альмера» припаркован у самого конца площадки. На таких в Израиле разъезжает низ среднего класса, неплохо, значит, живет психометристам в нынешней Одессе.

Мотл заводит мотор и элегантно щелчком вправляет кассету в щель магнитофона. Через несколько секунд раздается знакомое вступление флейты, и голос моей жены заполняет кабину.

– Слыхали, наверное? – осведомляется Мотл.

– Да уж, наслышан.

Впервые я услышал эти напевы много лет назад, на сборище у «старых психов». Меня долго мурыжили, проверяли, прежде чем решились пригласить. Я шел туда, словно первый осенний дождик, нерешительно и замирая на каждом шагу. Мне почему-то казалось, будто предстоящая встреча многое переменит в моей жизни. Но так не произошло – все продолжалось по-прежнему еще несколько лет. Лишь сегодня, спустя целую жизнь в психометрии, я понимаю, какие зерна посеяли тогда «старые психи», и не могу не восхититься их виртуозной работой.

Они пели старческими, хрипылыми голосами, слегка раскачиваясь и чуть запрокидывая головы. Слов не было, только мотив. Мы не видим звуки, и для нашего разума они бестелесны, в том смысле, что разум не придает им зримо воспринимаемой формы. Поэтому мы не расцениваем их как нечто внешнее, выделенное, а словно часть самих себя. Слова здесь только мешают, чистый мотив проникает внутрь сознания и меняет душу, переносит ее из одного состояния в ему противоположное. Мелодия может сказать больше, чем десятки правильных слов.

Жена моя, Вера – женщина с консерваторским образованием и прекрасным голосом, дружбу со «старыми психами» переживала бурно, даже болезненно. Поначалу она отнеслась к ней, как к минутной забаве. Следуя советам мудрых подружек, она окружила меня еще большей заботой и любовью, в порыве компенсировать эмоциональную нехватку, которую, по их

мнению, я пытался восполнить. Не пошло. Тогда начались скандалы и упреки. Не помогло. Самым правильным выходом из этой ситуации был бы развод.

Моя жена – очень красивая женщина. Мы прожили вместе много лет, но до сих пор, когда она, вернувшись с работы, переодевается в спальне, мое сердце начинает дрожать. Семейные пары с нашим стажем давно перестают стесняться друг друга, и обыкновенное снятие юбки начисто утрачивает сакральный смысл. Но не у нас. А шестнадцать лет назад я терял самообладание при виде ее бюстгальтера, забытого на спинке кровати. Разводиться в такой ситуации немислимо.

Выход нашелся сам собой. Однажды, забывшись, я затянул один из напевов, услышанных на сборище «старых психов».

– Что ты такое мурлычешь? – жена прибежала из другой комнаты. – Ну-ка, ну-ка?

Я повторил. Она слушала, будто зачарованная.

– А еще?

Я напел еще, и в тот момент вся наша жизнь перевернулась. С тем же напором, с каким она сопротивлялась психометрии, Вера погрузилась в изучение напевов. По ее требованию я приносил на сборища карманный магнитофон и записывал. Женщин туда не приглашали, и Верино увлечение довольно долго оставалось нашей семейной тайной.

Вообще-то женщины у психометристов не поют, но ради сохранения семьи я готов был пренебречь большим, чем простое нарушение условностей. Тем более что под влиянием напевов жена не только примирилась с моим образом жизни но и сама начала принимать в нем участие. Я ликовал мне казалось будто выход, наконец, найден, но как выяснилось я собственными руками выстроил куда более запутанный лабиринт.

Вера снова начала петь. Сначала только для меня, потом для ближайших подруг, а потом на публике. Исполняла она, разумеется, напевы психометристов и популярностью пользовалась просто бешеной. Старики, услышав об этом, несколько охладели ко мне. Я пробовал говорить с Верой, но бесполезно.

– У каждого своя дорога в психометрию, – заявила она. – Ты идешь своей, не мешай и мне идти по своей.

Слова оказались вещими, Вера прочно застряла на пути, сделав его целью и средством. Ее вполне устраивает вечное положение начинающей, причастной без всяких обязательств. С тех пор прошло много лет, но ничего не изменилось.

В Израиле подобных моей жене оказалось довольно много. Вера быстро завязала знакомства, обросла связями. Женщина она яркая, к ней тянутся. Какие-то лихие бабенки сочинили слова к мотивам, высокопарный набор глупостей, нравящийся публике, и – пошло-поехало. Сначала выступления в клубах, потом на профессиональной эстраде. Пластинки, кассеты, концерты. Тайну, сомнение и грусть моя жена разменяла на стертые монетки популярности. В исполнении «старых психов» эти напевы открывали вход в иную реальность, моя жена, напичкав их бустерами, синтезаторами и удоблив словами, обратила в расхожие мелодии, которые играют в свадебных залах. Но зато в нашем доме появились деньги.

– Нравится? – переспросил Мотл. – Доводилось слышать?

– Конечно, – отвечаю я, – конечно, доводилось.

– Нам очень нравится, просто балдеем. Я эту кассету каждый день гоняю, а иногда по два раза. Вернетесь, передайте певице благодарность от всей нашей общины. Вы ведь знакомы?

– Знакомы, знакомы.

Мотл чуть заметно улыбается. Вот ведь змей, знает, что Вера моя жена, а ваньку валяет.

«Нисан» приемисто трогается с места. Улицы темны, редко где горят витрины магазинов, иногда фонарь у перекрестка. Фары освещают щиты дорожных указателей с надписями на украинском языке.

– Самостийное государство, – поясняет Мотл, – великий и могучий теперь у нас другой. Покатаемся по центру?

– Спрашиваешь!?

На «ты» мы переходим без всякого напряжения и тут же начинаем находить общих знакомых. Мотл на два года младше меня, мы ходили всю жизнь по параллельным улицам, чудом не пересекались у знакомых. Я едва заметно проверяю его искренность; нет, все гладко, все по сердцу.

Час не поздний, около одиннадцати, но улицы пусты, пешеходов словно отменили, да и машины редки. При въезде на Пушкинскую нас останавливает патрульная машина, и я инстинктивно хватаюсь за ремень безопасности.

– Ерунда, – улыбается Мотл, – у нас можно не пристегиваться. И вообще, цена любому нарушению правил – десять гривен. Вручил «гаишнику» и – счастливого пути. Ночью они просто так останавливают, без всяких нарушений, собирают дань. Есть-то надо. А зарплата у больных – пшик с хвостиком!

Милиционер, угрюмый парнишка лет двадцати пяти, долго листает права. Мотл, небрежно полуотвернувшись от окна, терпеливо ждет.

– Счастливого пути! – наконец выдавливает блюститель порядка.

Мотл молча принимает документы и резко трогает с места.

– Десять гривен? – понимающе спрашиваю я.

– Вот еще! У меня бумажка есть, пропуск такой, разрешает въезд под любые знаки и всякие прочие нарушения. Теща начальника транспортного отдела милиции болеет, мигрени страшные, таблетки не помогают. А я помогаю.

Пи-пи-пи – верещит мобильный телефон. Мотл извлекает его из кармана пальто и прикладывает к уху. Разговор длится не больше минуты.

– Извини, – Мотл прячет мобильник. – С прогулкой не получится, в Белгород-Днестровске убили парня, психометриста, похороны завтра, значит, я должен к восьми быть там, вставать, следовательно, около пяти.

– Как так убили, пристали на улице?

– Да нет, он деньги занял, пытался раскрутиться, да не пошло, его на счетчик поставили.

Ну, и порешили в конце концов.

– А ты уверен, что он из наших? Странное поведение для психометриста.

– Такие нынче пошли. Инфляция, понимаешь, девальвация. Не только у рубля или гривны.

Н-да, если песни моей жены слушают по два раза в день, то немудрено, что психометристы занимают деньги и пытаются раскрутить бизнес. Но звучит это дико.

– Мотл, а в каком качестве ты туда поедешь?

– Как в каком? – недоуменно поворачивает голову Мотл. Но сразу спохватывается:

– Та я ж председатель похоронной конторы психометристов. Звучит гордо, но всю работу, кроме бумажной, приходится самому делать. Могилы у меня двое подручных роют, секретарша на бланки и прочую отчетность посажена, а все остальное сам, вот этими вот, – он снял руки с руля и энергично потряс ими в воздухе, – этими вот самыми руками.

«Нисан» плавно остановился.

– Приехали. Общество тебе номер тут сняло. Узнаешь место?

Еще бы не узнать. Гостиница «Черное море». На первом этаже, в ресторане, мы с Верой гуляли свадьбу. Круг замкнулся.

У входной двери неспешно прогуливались два гаврика – охраняют, значит. Дежурная на первый взгляд показалась родной сестрой таможенницы. Усталая блондинка, синий пиджачок хорошо притален, верхняя пуговица расстегнута. Только вместо пилотки с трезубцем – кокетливо повязанный шейный платок. Кокетливо – значит, не скрывать, а подчеркивать. На кар-

точке, прищипленной там, где сердце, написано «М.Стороженко». Наверное, чтобы не спутали с «сестрой». В гостиницах такого класса останавливаются только солидные люди, часто из-за границы. Мало ли ...

Но кнопки в лифте западают, а в номере, на вид вполне приличном, холодина.

– Не топят, бандиты, – разводит руками Мотл. – Свитер есть?

Свитер! Звоню дежурной.

– Ах, – вздыхает усталая блондинка, – отопление еще не включили, но там, у стенки стоит такой большой коричневый лист с вилкой. Вставьте ее в розетку, и сразу станет теплее.

Возле кровати действительно прислонен к стене здоровенный лист коричневого пластика, толщиной в два– три миллиметра со змеящимся шнуром.

– А, – догадывается Мотл, – это они обшивку из подводных лодок приспособили. Врубаешь его в сеть, и начинается химическая реакция. Во дают, кулибины, народные умельцы.

От листа начинает исходить ощутимо заметное тепло. Я снимаю куртку. Мотл прощается.

– Завтра с утра за тобой заедет Лора, методист общества, повезет в музей изобразительных искусств. Там выставку открыли – художники-психометристы Одессы, потом до шести свободное время, а в шесть – лекция.

– Лора, – забавное имя.

– Очень милая женщина. Большая умница, да с пути сбилась. Навалилось на нее большое женское счастье, понимаешь... Но это отдельный разговор, сначала познакомься.

– Слушай, – я изображаю на лице внезапно пришедшую мысль, – если ты из похоронной конторы, то еврейское кладбище наверняка знаешь.

– Знаю, – соглашается Мотл. – У меня правда, свое, психометрическое, но иногда приходится и здесь работать, если клиент просит.

– А как он просит: из-за завесы вещает, или во сне является?

– Иди ты! – улыбается Мотл, – клиент – в смысле заказчик, тот, кто процедуру оплачивает. Жена, дети, родственники.

– Так ты сможешь завтра со мной походить, мне целый список вручили. Посетить, проверить и вообще, а где искать, понятия не имею.

– Если успею вернуться – обязательно. Скорее всего, успею. Из музея раньше двенадцати не вырваться, Таня, организатор выставки, заговорит до последнего дня Помпеи, а там я налечу и спасу. Ну, давай. Хоп!

На прощанье Мотл протягивает руку. Хорошая ладонь, чуть выступающие бугорки мозолей, видимо, лопатой тоже приходится махать, ровное тепло пальцев, не вялое, но в меру наполненное пожатие.

Я разложил вещи, принял душ, заварил чаю в серебряном чайничке и сел у стола с тетрадью. В ней рукопись непонятно какого жанра. Материалы о реховотской крепости я собираю много лет, и они потихоньку превратились в некое литературное произведение. Исторический рассказ? Документальное исследование? Очерк? Даже не знаю. Я взял ее с собой, рассчитывая, что в отрыве от накатанных дорожек смогу по-новому взглянуть на хорошо знакомые строки.

Нужно решить, куда повернуть штурвал. Штука довольно тонкая, все зависит от интонации, прямой речи, эпитетов. Короче, от приправы, от соуса. Если текст приплывет не в ту кастрюлю, блюдо может показаться малосъедобным. Об этом, собственно, я и хотел поразмышлять, разглядывая с десятого этажа гостиницы ночной профиль Одессы. Но повело меня совсем в другую сторону.

Есть много разных определений, кто такой психометрист. Поскольку мир не плоский, то дать одно всеобъемлющее описание такому объемному явлению невозможно. Каждое определение рассматривает одну из граней, а дальше человек отыскивает ту, что ему представляется наиболее заслуживающей внимания. Или не рассматривает, а просто проходит мимо.

Мне больше всего по душе следующее: психометрист – тот, кто прислушивается. Космос постоянно ведет с нами диалог. В узорчатой тени листвы, в числе автомобильных гудков, в клочке газеты на скамейке, во всем кроется сообщение. Мир – единая гармония, и самые глубокие тайны мироздания можно прочесть на коре дерева перед газетным киоском. Надо только уметь слушать и видеть.

На уровень понимания тайн мироздания выходят очень немногие психометристы. Но разгадать намеки, обращенные непосредственно к тебе, может даже начинающий. Собираясь в дорогу, я понимал: Космос заворачивает эту поездку не просто так. Потому и боялся ехать, потому и сожалел о каждом шаге, приближающем меня к гостинице «Черное море».

Да, я должен, наконец, сказать самому себе слова, которые давно собирался написать или произнести. Удачнее всего мы дурачим самих себя. В этом искусстве человек достигает необыкновенных высот, упражняясь почти с самого рождения. Завеса обмана крепка; казалось бы, нет никакой возможности увидеть истинное положение вещей. Но это не так! В психометрических книгах приводится рецепт, простой и понятный со стороны, но почти никогда не приводимый в исполнение.

На самом деле, человек точно все про себя знает. Если сесть в закрытой комнате за стол и честно, только действительно честно поговорить с самим собой, то айсберг переворачивается. Увы, мы боимся переворотов и бежим от них. И я такой же, хоть числюсь сотрудником отдела «железной кровати». Только числюсь, но вовсе не соответствую. Есть какая-то задержка по сути, остановка в дороге. Возможно, устремившись изо всех сил к вершинам психометрии, я пропустил очередную ступеньку, и ее-то мне сейчас не хватает. Годами я избегал разговора с самим собой, но вот, пришло время. Дневник станет моей закрытой комнатой, моим столом.

Раздевшись, еще раз подхожу к окну. Оп-па-па! Вот так перемены, поле сильно посветлело, словно кто-то зажег маленькую лампочку. Остались, значит, Мастера в Одессе, не все вымерли или уехали. Еще не пропала наша надежда...

Светает. Мне нужно два, три часа для сна, не больше. Чему-то я все же научился. Сразу уснуть вряд ли удастся, но история реховотской крепости поможет скорее закрыть глаза.

История реховотской крепости

Сегодня от реховотской крепости остались лишь несколько арок из выгоревшего под солнцем хевронского камня. На улице имени первого президента, между мебельным магазином «Рим» и овощным ларьком, просвечивает сквозь виноградную листву узкий проход. Обычно такие лазейки заканчиваются тупиком, густо пропахшим кошками, но эта выводит на небольшую лужайку, посреди которой высятся арки.

В начале двадцатого века возле основания одной из них располагался спуск в подвал, где первые предприимчивые поселенцы хранили бочки с вином. Из подвала вел ход в громадные подземелья, не уничтоженные Мухаммадом Али сто девяносто лет тому назад. Именно из-за подвалов барон Ротшильд долго колебался, где расположить крупнейший в Палестине винный завод, в Ришон Ле Ционе или Рехоте. Все решили связи: тогдашний председатель поселкового совета Ришона был женат на сестре инженера, составлявшего по поручению барона пояснительную записку. Инженер осторожно упомянул об опасности обвала старых погребов реховотской крепости и тем самым определил выбор.

Свою роль в становлении еврейского ишува погреба все-таки сыграли: во времена Алии Бет, нелегального въезда репатриантов, в них прятали пассажиров кораблей после высадки на морском побережье в пятнадцати километрах западнее Рехота. Английская полиция сбивалась с ног, недоумевая, куда могли бесследно исчезнуть несколько сотен нарушителей. Тайна погребов была одним из самых больших секретов зарождающегося государства, и ореол таинственности витает над крепостью до сегодняшнего дня.

Самым удачным из транспортов с беженцами был «Бар-Кохба», корабль, доставивший к берегам Палестины тысячу сто пассажиров. История этого прорыва малоизвестна, печально знаменитые «Эксодус» и «Альталена» привлекают куда больше внимания. Но если оценивать успех по степени выполнения задачи, то «Бар-Кохбу» можно назвать самым удачным предприятием за все годы существования Алии Бет.

«Бар-Кохба» вышел из Марселя ранним утром. Стоял весенний месяц март 1948 года, над капитанским мостиком тянулись с юга стаи перелетных птиц. На траверсе замка Иф путешествие едва не закончилось, «Бар-Кохба» врезался в одну из последних в том сезоне льдин. Пробойна оказалась небольшой, команда подвела пластырь, и положение стабилизировалось. В обычных условиях нужно было возвращаться в порт и ставить судно на ремонт, но, поскольку ситуация сильно отличалась от нормальной, капитан решил продолжить плавание. Синоптики обещали хорошую погоду, «Бар-Кохба», обладая неплохими мореходными качествами, мог добраться до ближайшей отмели Эрец-Исраэль за полтора дня, а дальнейшая судьба корабля никого не интересовала.

Плавание проходило точно по расписанию. Даже туман, на который сильно рассчитывал капитан, не подвел. Английские сторожевые катера, искавшие «Бар-Кохбу», несколько раз прошли совсем рядом от его выкрашенных в серый цвет бортов.

Посадка на мель оказалась мягкой, многие пассажиры, спавшие в трюме на трехэтажных нарах, даже не проснулись. На берегу ждали грузовики, и спустя пару часов все пассажиры вместе с командой оказались в подземелье реховотской крепости.

На такую удачу никто не рассчитывал. Организаторы были убеждены, что по примеру предыдущих транспортов, «Бар-Кохбу» обнаружат еще в нейтральных водах и отбуксируют на Кипр, в лагерь для еврейских нелегальных эмигрантов. Поэтому продукты и воду не запасли в надлежащем количестве, и условия в подземелье с самого начала сложились не самые приятные. По предварительному плану, в случае удачи нужно было пересидеть несколько дней, пока уляжется переполох, вызванный прорывом, а потом начать небольшими партиями распределять репатриантов по киббуцам. Но вышло по-другому.

Англичане подняли страшный шум. В первый раз за всю историю Алии-Бет целый транспорт проскользнул мимо заграждений, а его пассажиры растворились бесследно. Комендант прибрежного района объявил о вводе чрезвычайного положения. Положение означало домашний арест: жителям запрещалось выходить из своих домов, учреждения прекратили работу, дороги были перекрыты полицией. Военная жандармерия рыскала по апельсиновым садам и киббуцам. Но тщетно.

Пассажиры «Бар-Кохбы» провели в подземелье около трех недель, перебиваясь с хлеба на воду. Больше всего раздражала темнота, свечи приходилось экономить, и поэтому большую часть вынужденного заключения узники провели в кромешном мраке. Впрочем, у некоторых пассажиров оказались припасенными ручные фонарики со встроенными динамо-машинками. Нажмешь ручку, фонарик зажужжит, словно большой шмель, и засветится. Непрерывно сжимать-разжимать ручку, точно эспандер, оказалось довольно утомительным занятием, и спустя несколько дней фонарики переключались в руки молодых.

Несмотря на запрет, группки юношей и девушек принялись обследовать подземелья. Вскоре в углу каждого каземата обнаружился полузасыпанный песком и пеплом лаз в следующий. Подземелья были совершенно пустыми, пол, стены и потолок покрывал густой слой сажи. Все, что могло сгореть, сгорело во время штурма крепости войсками правителя Египта Мухаммада Али.

Цепь казематов составляла второй, подземный ярус разрушенной крепости, и блуждать по нему можно было почти бесконечно. К сожалению, прогулка оказывалась довольно однообразной, и поэтому глубина вылазок обычно составляла пять-шесть подземелий. Но в конце-концов усилия любопытствующих были вознаграждены: в одном из казематов обнаружилась огромная кровать, выкованная из цельного куска железа.

Металл по внешнему виду напоминал нержавеющей сталь, во всяком случае, следов коррозии отыскать не удалось. Спинки украшал затейливый узор из виноградных листьев, впережку с головами баранов. После многочасового обсуждения – благо времени хватало в избытке, исследователи пришли к выводу, что кровать предназначалась для ритуальных целей, поскольку людей четырехметрового роста история не упомнит. Увы, как и большинство такого рода заключений, оно свидетельствовало не об изучаемом предмете, а об эрудиции исследователей. Но об этом после, пока же кровать превратилась в место сбора молодежи. На ней они проводили долгие часы в пространных беседах, эхо от голосов спорящих гулко перекачивалось по казематам. Наговорившись, утомленные спорщики засыпали прямо на кровати. Мысль о неожиданных последствиях сна в таком месте не пришла никому в голову.

Спустя месяц англичане отчаялись отыскать беглецов и сняли осадное положение. Инструкторы «Хаганы» разбили пассажиров «Бар-Кохбы» на группы и начали эвакуацию. С задачей справились за две недели, и вскоре о приключении напоминали только огарки свечей на полу казематов.

Через год после благополучного завершения этой истории, в судьбе многих беглецов произошёл неожиданный поворот: один раз запуская свои цепкие пальцы, крепость не желала расставаться с пленниками. Около половины пассажиров резко изменили образ жизни, пополнив население религиозных кварталов Иерусалима и Бней-Брака, а у нескольких десятков открылись экстремальные способности. Быстро обнаружилось, что ясновидением и левитацией одарены лишь те, кто хоть раз спал на железной кровати. Группа «железной кровати» заложила основу самого засекреченного отдела Мосада. Сферу его действий и планы на будущее вновь избранный израильский премьер-министр получает вместе с красной кнопкой – паролем запуска ракет с ядерными боеголовками.

Взрыв иракского атомного реактора – одна из операций отдела. Информация о его участии в ней просочилась в печать и вызвала взрыв, почти равный по силе уничтожившему реактор. Эскадрилья «Фантомов», якобы разрушившая реактор, была послана только для отвода

глаз. Чтобы причинить такого рода повреждения, реактор должны были отбомбить несколько десятков эскадрилий.

Бочки с вином из первого каземата срочно убрали, вход в подземелье сначала загородили толстенной дверью, а потом и вовсе замуровали. Впрочем, о необычном влиянии реховотской крепости на человеческую психику местным жителям было известно давно. И не только местным – Хаим Вейцман намеренно расположил свой институт именно в Реховоте.

– Немного света разгоняет много тьмы, – любил повторять первый президент Израиля. Светом он называл науку, а тьмой, само собой разумеется, остатки диких суеверий. Психометрия, по мнению знаменитого ученого, также относилась к разряду суеверий.

– Пока я жив, – говаривал Вейцман, – в Реховоте не откроется ни одна психометрическая школа.

Свой дом, роскошный особняк с бассейном, Вейцман выстроил прямо возле развалин восточной башни. Крепость сыграла с президентом свою игру: начав постройку усадьбы фактически одним из руководителей еврейского ишува, он праздновал новоселье уже президентом, обладателем звучного титула, прикрывающего пост, лишенный всякой реальной власти и специально придуманного для этой цели соперником Вейцмана – Давидом Бен-Гурионом. Будучи отстраненным от политической деятельности, Вейцман вскоре умер, и спустя несколько лет неподалеку от его могилы открылась большая школа психометристов.

История крепости закончилась в 1811 году, когда правитель Египта Мухаммад Али безжалостно истребил ее мамлюкский гарнизон, а саму крепость стер с лица земли. Дело это оказалось вовсе не простым: если на осаду и штурм ушло несколько месяцев, то разрушение заняло три десятка лет. Жители окрестных деревень, охваченные мистическим ужасом, наотрез отказались принимать участие в сломе, и Мухаммаду Али пришлось завезти менее суеверных суданских арабов. Рабочие приехали с семьями, плотно уселись на выделенной земле и после окончания работ остались в Палестине, казалось бы, навсегда. Их деревню назвали Бар-Ясин, то есть, «не боящиеся», «смельчаки». К середине двадцатого века в ней насчитывалось около двух тысяч человек.

Рабочие быстро снесли стены первого и второго двора, но гигантские башни цитадели словно смеялись над человеческими усилиями, не реагируя на солидные дозы динамита. Разрушать их пришлось с верхушки, выламывая, выдалбливая каждый камешек. Первую башню, называемую Грибом из-за того, что ее вершину венчала куполообразная надстройка, издали походившая на шляпку гриба, ломали восемнадцать лет и добрались до основания только в одиннадцатого февраля 1829 года. Раздосадованный столь низкими темпами, наместник пригласил французского инженера. Под его руководством началась работа по разрушению главной башни цитадели, именуемой Слоном. Последний камень из ее фундамента выломали 29 января 1837 года. К тому времени арабские помощники француза уверились в собственных силах и последнюю башню цитадели уничтожили уже без него. Работу завершили 15 июля 1841 года, и эта дата может считаться официальным концом реховотской крепости.

Образовавшуюся щебенку Мухаммад Али хотел использовать для прокладки дорог, но местное население категорически воспротивилось. Шейхи деревень направили в Стамбул специальную делегацию с просьбой оградить их земли от какого-то ни было соприкосновения с останками проклятого места. Султан делегацию не принял, но великий визирь долго беседовал с посланниками и в конце беседы выдал им охранный фирман.

Мухаммаду Али пришлось долго искать место для вывоза обломков. В конце концов, их рассыпали ровным слоем вдоль берега моря, за пределами поселений. Песок быстро поглотил добычу, и через несколько лет на берегу осталась только возвышенность, в ясную погоду хорошо видная из Яффо. Со временем население Палестины увеличивалось, но приближаться к этому месту никто не желал. На протяжении шестидесяти лет оно оставалось пустынным. Только ядовитые змеи шуршали по горячему песку, и голодные чайки, пролетая в сторону

порта Яффо, горько кричали над барханами. В 1908 году ничего не подозревавшие евреи купили холм и выстроили на нем город, назвав его Тель-Авив – холм весны.

Жители Бар-Ясин слыли головорезами, и, словно пытаясь оправдать название деревни, частенько тревожили еврейские поселения лихими набегами. Особенной доблестью считалось похищение молоденьких девушек и девочек, зрелые еврейки арабов не привлекали. Удачливый охотник устраивал пир и на неделю запирался с пленницей в своем доме. Еду приносили друзья, они же караулили вокруг дома, на случай, если пленнице вздумается прервать поток ласк. Невольница редко дотягивала до конца недели, если же, паче чаяния насильника, бедняжка выживала, ее немедленно переправляли в Судан и продавали в служанки. Над незадачливым кавалером потешалась вся деревня, и его шансы жениться на достойной арабской девушке резко падали.

Делом чести похитителя было закончить неделю задолго раньше срока и выставить на рассмотрение старейшин бездыханное тело. Старейшины внимательно разглядывали труп, и горе, горе кавалеру, если осмотр устанавливал, что смерть не произошла естественным путем. Евреечка должна была умереть только определенным образом, причем без вмешательства чужеродных предметов. Нарушивший закон изгонялся из деревни, его родители сжигали ворота своего дома и, посыпав голову пеплом, справляли по нарушителю поминки, как по мертвому. Впрочем, за всю историю Бар-Ясин таких «негодяев» набралось всего около двух десятков.

В 1949 году бригада еврейской самообороны Тель-Авива атаковала деревню. Операция тщательно планировалась, но прошла еще более гладко, чем задумывалась – «смельчаки» разбежались без единого выстрела. Командир бригады приказал жителям в течение получаса покинуть дома, а старейшинам собраться возле мечети.

– Мы повинемся только приказам Аллаха благословенного, – усмехаясь в бороду, ответил шейх деревни. Он был уверен, что евреи способны лишь на пустые угрозы.

Через полчаса бойцы бригады вытащили из мечети имама с десятком правоверных и, отведя на безопасное расстояние, взорвали минарет. Спустя двадцать минут все население деревни собралось на площади перед мечетью.

– Ваша деревня прекращает свое существование, – объявил командир. – Ровно в три часа мы начинаем взрывать дома. Кто не успеет уйти, пусть пеняет на себя.

На площади поднялся страшный шум. Заголосили женщины, заплакали дети, угрожающе замахали палками старейшины. Командир бригады снова поднес рупор к губам.

– Два года назад у меня исчезла сестра, совсем еще ребенок. Я сразу понял, чьих рук это дело, и помчался в вашу деревню. Ты помнишь меня, старик?

Шейх деревни внимательно посмотрел на командира.

– Да, еврейская собака. Шлюха, которую ты называешь сестрой, подохла на второй день. А на твои деньги я подарил мечети новые молитвенные коврики.

Дальнейшие поступки командира вызвали волну возмущения не только передового человечества, но и прогрессивной еврейской общественности. Но как бы громко ни звучали ноты протеста, они не смогли поднять из развалин Бар-Ясин и оживить двадцать расстрелянных старейшин. Остальные жители деревни в страхе рассеялись по всей Палестине и обильно украшенными рассказами о зверствах сионистов, положили начало массовому бегству арабов из Эрец-Исраэль. Спустя сто пятьдесят лет крепость сумела отомстить своим разрушителям.

Начиная с середины тринадцатого века и до 1811 года в Реховоте стоял мамлюкский гарнизон. Мамлюками называли воинов, которые в детском возрасте попадали в рабство и доставлялись купцами-работоторговцами в Египет. Здесь они обращались в ислам, а затем в специальной военной школе получали образование и блестящую военную подготовку. Среди мамлюков можно было встретить воинов самых различных народностей – курдов, тюрков, туркмен, выходцев с Кавказа (последних в Египте называли черкесами, хотя в их число входили

грузины, абхазцы, и представители других горских народов). Отдельную группу составляли чеченцы, многие из которых сами продавали себя в рабство, чтобы попасть в мамлюкские военные школы.

Обретая в конце обучения свободу, мамлюки оставались на всю жизнь преданными своему бывшему хозяину. Самые одаренные из них становились военачальниками-эмирами и уже сами владели рабами-мамлюками. Больше половины эмиров составляли чеченцы. Как правило, из их числа выдвигался султан – повелитель Египта.

Мамлюкская гвардия существовала еще при последних Аюбидах, незадачливых потомков Салах ад-Дина. Именно она положила конец правлению одряхлевшей династии, захватив в 1250 году власть в государстве. Первое время султаны избирались «демократическим» путем – голосованием высших эмиров, позже власть чаще всего оказывалась в руках у лидеров наиболее сильной группировки мамлюкской знати.

Огнестрельное оружие у мамлюков развития не получило: мамлюкские воины считали ниже своего достоинства убивать на расстоянии. За что и поплатились – в начале XVI века Египет был завоеван турками, которые не брезговали пороховыми пушками и наголову разгромили гордых мамлюков. Остатки войска бежали в Палестину и обосновались в реховотской крепости, превратив захолустный гарнизон в штаб-квартиру эмира.

С началом египетской кампании Наполеона среди мамлюков вспыхнули угасшие было, надежды. Посланник будущего императора, генерал Луи де Кафарелли по прозвищу «Генерал Деревянная Нога» тайно посетил реховотскую крепость и заключил с мамлюками военный союз. Спустя два месяца после начала осады Акко французскими войсками, армия мамлюков двинулась им на помощь.

Кафарелли был из итальянцев, верой и правдой служивших Наполеону. Со своими солдатами он показал чудеса храбрости во время боев с русской армией Суворова, потерял ногу и ходил на деревянном протезе. В Палестине ему повезло меньше: взять Акко, даже с помощью мамлюков, наполеоновским войскам не удалось, а самому Кафарелли в бою отрубили руку, и он скончался от гангрены.

Мамлюки вернулись в Реховот, султан сделал вид, будто прощает неверных подданных, и все, казалось бы, потекло по-прежнему. Но как только выяснилось, что будущий враг императора не Турция, а Россия, султан отдал приказ расправиться с изменниками.

Сразу после высадки армии Мухаммада Али в Яффском порту к нему начали стекаться отряды добровольцев. Пришли, закутанные в черное, бедуины-следопыты, ведя на поводу беговых верблюдов. Приплыла целая флотилия рыбацких фелюг из-под Аскалуна. Прискакали на маленьких мохнатых лошадках друзья с горы Кармель. Командиры ополчения потребовали поголовного истребления мамлюков: мужчин, женщин и детей.

– Во имя Аллаха благословенного! – удивился Мухаммад Али. – А вас-то они чем допекли?

Командиры заговорили одновременно. Резкие движения их рук напоминали сабельные удары, а голоса то и дело срывались на фальцет. Трудно поверить, будто Мухаммад Али слышал об этом впервые, но рыба сама приплыла в сеть, и турок удивленно цокал языком, закатывал глаза и сурово морщил брови.

– Какой ужас, какой ужас! – несколько раз повторил Мухаммад и властным жестом прекратил беседу.

– Вы пойдете со мной, – сказал он, грозно устремляя взор вдаль, туда, где за густой пеленой облаков возвышались башни реховотской крепости. – И я обещаю выполнить вашу просьбу.

Командиры склонились в благодарном поклоне и, чуть-чуть подталкиваемые янычарами, быстро покинули шатер.

Законы шариата мамлюки выполняли ревностно, куда истовее арабов и турок. Нет ничего хуже отпущенного раба: став господином, он постоянно пытается доказать подлинность перевоплощения. Но языческое прошлое быстро не уходит; помимо общемусульманских правил у мамлюков остались некоторые привезенные с Кавказа обычаи. Они как бы дополняли указания Магомета, но на чеченский лад.

После завершения каждого мамлюкского праздника жители соседних деревень хоронили убитых. Сотни лет человеческих жертвоприношений крепко засели в подкорке, проникнув, возможно, и в крутые спирали генов. Жалобы в Стамбул действия не оказывали – до поры до времени связываться с мамлюками султан не хотел. За два с лишним столетия мамлюкского присутствия в Палестине под жертвенными клинками погибли тысячи, если не десятки тысяч¹. И вот долгожданный момент расплаты наступил.

Первый двор крепости пушки Мухаммада Али раскрошили за неделю, второй – за шесть дней. Мамлюки отвечали отчаянными ночными вылазками, отрезая от армейской туши по солидному кровотокающему ломтю. На третью неделю Мухаммад Али прекратил штурм и, превратив половину солдат в землекопов, за три дня окружил крепость огромным земляным валом. Всю ночь на вершине вала полыхали костры, и вылазкам мамлюков пришел конец.

Турки закатали пушки на вал и принялись за цитадель. Через сутки непрерывной канонады у артиллеристов опустились руки. Ядра отскакивали от черных стен цитадели, словно камешки, оставляя на шершавой поверхности блоков едва заметные полоски. Мамлюки презрительно трубили в рога и каждые два часа вешали на «бивнях» восточной башни пленников, захваченных во время ночных вылазок.

На следующий день, перегруппировав артиллерию, Мухаммад Али начал обстрел этой башни. Сотни орудий без устали палили в ее основание, канонаду слышали даже в Яффо. Тела повешенных непрерывно подрагивали, клубы порохового дыма сносило восточным ветром на палатки янычар, охранявших главнокомандующего, покрывая их густым слоем сажи. К вечеру пушечные стволы раскалились настолько, что обстрел пришлось прекратить. Тщательный осмотр башни в подзорные трубы принес весьма неутешительные результаты – в ее черных стенах не появилось даже намека на трещину.

Ночью, когда орудия остыли, турки сменили тактику. Вместо ядер пушки зарядили зажигательными снарядами, и, повернув жерла на максимальный угол, приступили к своей страшной работе. Лишь немногие снаряды перелетали через тридцатиметровые стены цитадели, большинство разбивались о зубцы. По черным блокам потекли огненные реки, и вскоре на валу стало трудно дышать. Но и в цитадели было не легче; падая на узкие улочки внутреннего двора, переполненные телегами со скарбом, снаряды превращали спящих под ними жен и детей мамлюков в пылающие факелы.

Утром ворота цитадели распахнулись, и оттуда поползла длинная вереница телег – рассчитывая на милосердие Мухаммада Али, мамлюки отправили из пылающей крепости свои семьи. Обоз перебрался через вал и, ожидая решения своей судьбы, замер перед палатками янычар. Главнокомандующий срочно вызвал к себе командиров ополчения:

– Вот он, ваш час. Делайте с ними, что хотите.

Пришли, закутанные в черное, бедуины-следопыты, ведя на поводу беговых верблюдов. Подтянулись пропахшие морем аскалунские рыбаки. Прискакали на маленьких мохнатых лошадаках друзья. Мухаммад Али вышел из шатра, небрежно взмахнул платком и вернулся к столу, допивать утренний кофе.

---

¹ Любопытно, что те же самые причины вызвали в 1989 году ошский погром так называемых турков – месхетинцев, по одной из версий потомков переселенных Сталиным чеченцев. Другие этнографы соотносят их с грузинами, принявшими ислам, сами же турки-месхетинцы считают себя самостоятельной этнической группой.

Через два часа растерзанные тела начали укладывать вдоль вала, со стороны, обращенной к цитадели. Завершив первый круг, приступили ко второму, а за ним – к третьему. На середине четвертого ворота распахнулись, и мамлюки бросились в атаку. Они бежали молча, обнаженные по пояс, не рассчитывая вернуться живыми.

Удар был страшен, прорвав строй турецких войск, мамлюки устремились к шатру главнокомандующего. Их встретили янычары. Мухаммад Али сквозь распахнутый полог шатра наблюдал за битвой. Он был уверен в своей гвардии. И не ошибся.

Цитадель горела еще неделю. Стоявшие наготове пушки выщелкивали картечью последние отряды мамлюков, а спустя десять дней турки взорвали «Царские» ворота и вошли в крепость. Им уже никто не мешал.

7 ноября

Я заснул и проснулся в сером полумраке. Из-за шторы, плотно прикрывавшей гостиничное окно, сочился осторожный свет одесской осени. В комнате было тепло, обшивка подводной лодки работала на славу. Отдернув штору, я обнаружил дождь, сизые крыши, серое небо впритык к крышам, мятущиеся верхушки платанов, разноцветные зонтики и черный, блестящий асфальт. Какое счастье, какое непередаваемое ощущение уюта, стоять у окна, возле теплой постели, и созерцать пролетающие за стеклом капли. Для этого нужно прожить много лет под безоблачным небом, пройти сквозь зимы, в которые температура не падает ниже плюс восемнадцати, а весны, лета и осени провести в обнимку с кондиционером.

Семь тридцать. Лора появится через час. Утренний туалет совершаю на «автопилоте». Спыхватываюсь только посредине психометрических текстов. Плохо. Чистить по инерции зубы можно, но читать не думая – непозволительно. Правда, звуки все равно делают свое дело, даже если смысл произносимого не всегда понятен.

На всякий случай повторяю все с самого начала. Каждому слову соответствует определенная жилочка или артерия в моем теле, энергия звуков массирует их, словно упругий валик. Несколько лет назад я, наконец-то, почувствовал это на собственной шкуре, а до того приходилось верить описаниям и рассказам «старых психов». Понадобились годы и годы беспрекошного исполнения упражнений, пока умозрительные знания перешли в чувственный опыт.

Иногда «массаж» получается лучше, иногда хуже, иногда не получается вовсе. Но, однажды ощутив, я не променяю свою утреннюю зарядку ни на что на свете. Точнее не скажешь, – зарядка – термин, наверняка придуманный психометристом.

Кипячу воду, завариваю чай, завтракаю. Все свое: еду не доверяю никому. Ведь эти кусочки, комочки, ломтики, станут частью моего тела, то есть – мной.

Долго стою у окна. Город не вызывает во мне ни ностальгии, ни грусти, ни злости. Ничего. Просто крыши. Кроны деревьев, полоска моря, коробка Оперного. Три года назад я так же смотрел на Париж, ходил по бульварам, сидел в «Ротонде». Через день понял, что опоздал в Париж лет на двадцать; названия улиц, виды, и вообще весь слой культуры, плотно осевший на его старых стенах, меня совершенно не интересуют.

Просмотрел записанное вчера вечером. Н-да, вот уж действительно, днем нельзя объяснить ночное. Прошло всего несколько часов, и я уже не могу понять, что двигало моей рукой. Но ведь это был я, тот же самый В., недоумевающий сейчас со стаканом остывшего чая в руке. Слишком много пессимизма, даже для ночных записок, так недолго и беду накликаешь.

На человека идут ситуации, к которым он внутренне готов. «Старые психи» постоянно твердят: думай хорошо, и будет хорошо. То есть, мы сами создаем собственное будущее, сначала внутри, а потом, когда форма готова, ее заполняют силы, беснующиеся снаружи.

В фойе я спустился за пятнадцать минут до назначенного срока. Уселся в глубокое кресло возле окна и принялся наблюдать. Из кресла хорошо видны улица и фойе, поэтому Лору я замечу издали и успею спокойно рассмотреть. Дабы составить впечатление о человеке, мне нужно совсем немного времени, особенно, когда он не подозревает, что находится под наблюдением.

Больше всего на свете я люблю разглядывать людей. Они гораздо интереснее произведений архитектуры, живописи. Человек – главная достопримечательность нашего мира. Звучит банально, но к столь тривиальному выводу я добирался многие годы.

Люди – вот настоящие произведения искусства, тщательно вылепленные, украшенные, отшлифованные. Процесс занимает десятилетия, сквозь лессировку проглядывают ранние слои, написанные совсем другими красками, одежда часто составлена из разных элементов, каждый из которых говорит о многом для глаз, умеющих смотреть.

Долгое время считалось будто речь, главное – что отличает человека от животного. Но это не так. Разговаривают между собой дельфины, пересвистываются попугаи, даже летучие мыши обмениваются какими-то, только им понятными ультразвуковыми сообщениями. Человек – единственное существо в мире, прикрывающее свое тело одеждой. Она характеризует его так же, как почерк, как отпечатки пальцев, как звук голоса. Я могу часами рассматривать толпу на улицах, походку, прически, одежду. Куда занимательнее детектива или «мыльной оперы». И Толстого с Достоевским.

Мужчины за окном были одеты похоже: кожаные куртки черного или коричневого цветов, темные брюки, «дождевая» обувь. Различались только шляпы, тут, в самом деле, проявлялась индивидуальность носителя. В общем, одежда по погоде и достатку. И все таки, даже для погоды и достатка слишком однообразна по стилю. В западном мире так унифицировано одеваются лишь клерки или представители духовных конфессий.

Женщины больше радовали глаз, но в женщинах я, прежде всего, разглядываю походку. Походка никогда не обманывает, выкладывая на свет все тайны ее обладательницы. В психометрических школах девочек специально обучают правильно ходить, прививают привычку. «Привычка – вторая натура» – эту пословицу явно придумал психометрист. Правильное поведение меняет натуру, и постепенно ранее отсутствовавшее качество души вдруг прорезается, словно зуб мудрости.

Женщины на улице резко делились на два типа. Первые, а их было большинство, передвигались тяжелым ходом ломовой лошади. За ними волочился незримый шлейф сотен корзин, кошелок, авосек, кульков и пакетов, их руки, даже пустые, были слегка согнуты в локтях, будто удерживая вес.

Вторые вытанцовывали, точно манекенщицы на помосте. Впрочем, они действительно копировали движения манекенщиц. Главная задача такого рода поступи – продажа. Манекенщицы предлагают одежду, а дамочки на улице предлагали себя в одежде.

Наконец из-за угла появилась женщина с нормальным размером шага и пропорциональными взмахами рук. Она не тащилась, не семенила, не выкобенивалась и не топала, а просто шла. Такое встречается редко, честно говоря, я ни разу не видел такой походки у женщин без хорошей психометрической выучки.

Она прошла за стеклом мимо меня, поднялась на крыльцо гостиницы, спокойно миновала охранника и оказалась возле стойки. На ее вопрос, очередная усталая блондинка за стойкой кивнула в мою сторону. Женщина повернулась и двинулась ко мне. Я поднялся из кресла. Десять секунд на разглядывание и оценку, будто на курсе для «продвинутых». Поехали.

Итак: шатенка, короткая стрижка деловой женщины, крупные черты лица, чувственный рот, чуть впалые щеки, высокая шея, едва прикрытая шарфом, серые глаза слегка прищурены. Ба, да она меня тестирует! Ах, как мило, вот славная девочка.

– Здравствуйте, я Лора, методист центра. Вы В.?

– Да. Очень приятно. А какую школу вы закончили?

Акценты нужно расставлять сразу, без промедления, зачем в прятки играть.

– Четвертую психометрическую в Цфате.

Ого, цфатская – одна из лучших школ Израиля, если не самая лучшая.

– Но я не закончила, сбежала с последнего курса.

– В Одессу?

– Да, в Одессу, домой. Так получилось.

Спокойна, уверена в себе, держится с достоинством. Над ней хорошо поработали, над этой девочкой.

– Вы готовы?

– Давно.

– Тогда едем.

Перед выходом я слегка замедляю шаг и пропускаю Лору вперед. Не замечая подвоха, она уверенно проходит в открытую охранником дверь. Я иду следом и быстренько тестирую ее сзади. Н-да, никакой защиты. Удивляться нечему, этому обучают уже после школы.

На улице приятно бодрящая сырость, холодный ветерок, но дождь кончился.

– Машина за углом, я не смогла найти стоянку, пришлось оставить там.

– Хорошо, хорошо.

Лора извлекает из сумочки ключи и жмет на брелок сигнализации. Огромный шоколадный «БМВ» мигает фарами и слегка взрывается.

– Ого, красиво живут методисты психометрического центра.

– Это машина мужа, выпросила вас покатать.

– Ну, спасибо, я даже не представлял, будто такое существует на свете. Чем муж занят, бизнесом?

– Да, понемногу. Раньше хорошо шло, а последние два года все хуже и хуже. Говорит – наладится, но я плохо верю.

– А сколько вы женаты?

– Три года. Он меня прямо из школы увез. И тоже на «БМВ»

– Забавно, три года назад я как раз читал лекции в Цфатской психометрической.

– Да, я вас помню. Вы, когда приезжали, жили в гостинице на променаде.

– Откуда вы знаете?

– Несколько девочек были в вас влюблены и провожали после лекций. Издалека, чтоб вы не заметили.

– И вы с ними?

– И я с ними. Но я просто так, за компанию.

Ваша жена тоже в Цфат приезжала, с концертами. Мы еще спорили, кто из вас двоих дальше продвинулся.

– Ну, и к какому выводу пришли?

– Тогда нам казалось, что вы, а теперь я уже и не знаю. В школе все выглядело таким ясным, понятным. А сейчас я совсем запуталась и предпочитаю на эти темы не думать. Пожалуйста, поглядите через заднее стекло, пока я буду выезжать.

– Хорошо.

Лора ловко вырулила на полосу, встроилась между машинами, и мы начали медленно сползать вместе со всей колонной к Пушкинской.

На лекциях по психометрии все девочки поголовно влюблены в учителей, поэтому специально приглашают лекторов из других городов, и расписание так составляют, чтоб днем отчитал на всех курсах, а вечером уезжал домой, подальше.

Психометрия открывает в душе великие силы, которые девочки принимают за любовь. Потом «любовь» проходит, словно и не было ничего, и Лоре теперь кажется, будто меня она провожала исключительно «за компанию».

– Отчего такая пробка?

– Вы просто давно уехали из Одессы, в центре теперь всегда так. Правда, сегодня чуть больше обычного, вон и «гаишников» полно. Наверное, кто-нибудь приехал из Киева.

Между рядами машины ловко пробирается на инвалидной коляске молодой парень, почти мальчишка. Подкатив к нам, он останавливается, достает из внутреннего кармана курточки банку из-под «колы» и протягивает к окну. Лицо чистое, не видно следов ни алкоголя, ни наркотиков. Курит много, но больше ничего. Может, действительно жертва.

– Пошел вон! – Лора машет рукой мальчишке. Он покорно засовывает банку обратно за пазуху и катит дальше.

– Тут его рабочее место, ему ноги специально, за деньги отрезали. Родители продали.

– Откуда вы знаете?

– Они все такие, жулики и лжецы.

– А вы заглядывали в его сердце, вы точно умеете распознавать, кто обманщик, а кто действительно беден?

Лора молчит.

– Помните, я рассказывал в школе про принцип психометрии – подавать каждому, кто протягивает руку. Мелочь, но подавать.

– Это в Израиле хорошо, а здесь вы бы с таким принципом давно разорились.

– Милосердие еще никого не разорило.

Несколько минут едем молча. Лора достает пачку сигарет и вопросительно смотрит на меня.

– Курите, курите.

Противно, да деваться некуда. Не запрещать же? Долго все равно не выдержит. Страна третьего мира...

Машину сильно трясет по брусчатке Пушкинской. Пейзаж за окном знаком до удивления, даже цвета фасадов не поменялись, лишь иногда выпирает яркая витрина. Неприятное ощущение беспокойства, опасности. Но откуда, что – не улавливаю. Тестирую пространство, все чисто.

Проезжаем мимо филармонии. Те же коричнево-шафранные стены, сетка от голубей, афиши. Опять гастроли вечнозеленой Ирины Поноровской! Это когда-нибудь кончится или до тех пор, пока стоит одесская филармония, в ней будет гастролировать Ирина Поноровская?

Желтые листья планируют на крыши автомобилей, хрустят под колесами. В Израиле нет листопада. Жить без него можно, но запах мокрой листвы подцепляет воспоминания детства: молодая мама, давно ушедшая бабушка, холод чугунных цепей вокруг памятника Воронцову, засыпанная палой листвой Соборка. Ага, поймал. Вот оно откуда лезет. Детский садик, прогулки по Соборной площади.

В эмоции главное – отыскать корень, привязку. Стоит вытащить его из недр подкорки на свет сознания, как всеильное, казалось бы, чувство превращается в обыкновенный лопух, подорожник. Идет человек по тропинке, а на брюки репья прыгают. Возвращаясь с прогулки, репья надо снимать.

«БМВ» останавливается перед оградой Художественного музея. Следы былой роскоши: желтая краска, словно шерсть шелудивого пса, пятнами сползает с дуги фасада, массивные деревянные двери в паутине трещин, петли и ручки оконных рам в ржавчине. Но внутри тепло и чисто, у стола при входе сидит вахтерша, а в окне гардероба, прямо напротив двери, символизируя незыблемость искусства, возвышается массивная фигура гардеробщицы.

– Здравствуйте, – протягивает руку цапля с носом совы. – Я Таня, сотрудник музея.

Очень милая Таня. Просто очень. Сидящий экземпляр завсегда архивов. Таких люблю.

– Прежде чем приступить к осмотру выставки, я проведу вас по постоянной экспозиции нашего музея. Вы сможете познакомиться с работами таких замечательных художников, как Кипренский и Айвазовский, полюбоваться полотнами передвижников Боголюбова и Архипова, насладиться Шишкиным, Репиным, Суриковым, Левитаном. У нас хранятся редкие работы Серова, Врубеля, Коровина, Васнецова...

– Таня, Танечка, – Лора с трудом втискивается между художниками, – не надо так подробно, наш гость одессит и, наверное, не раз бывал в художественном музее. Не правда ли? Это уже ко мне.

– Правда. Но с удовольствием пройду еще раз. И послушаю.

Тане очень приятно. Мне тоже. Оставляю куртку в гардеробе и начинаю двигаться к входу на экспозицию.

– Мужчина, а шляпу?

Гардеробщица при исполнении. От возмущения она выдвинула из приемного окна треть своего монументального торса и негодуяше машет рукой. Персты растопырены, словно клешни рака.

Забывтые, милые были. На мне небольшой картуз, защита третьего центра. Снимать его в окружении чужих людей я не собираюсь.

– Это наш гость, – приходит на помощь Таня. – Оттуда! – поднимает глаза к потолку.

Что она имеет в виду, я не понимаю, но гардеробщице другого объяснения не требуется. Она втягивается в окно, будто рак-отшельник в раковину. Последней исчезает клешня.

Паркет скрипит, точно вот-вот рассыплется, карнизы в паутине, краска на стенах пузырится и отстает. Только картины не изменились, все те же величественные позы кавалеров, струящийся мех у дам, горы в дымке, луна над морем. Таня рассыпает бисером даты и цитаты, складывает из них замысловатую мозаику. Видно, что живопись она любит. И не просто любит, а служит. Жизнь как приложение к искусству.

– Таня, у меня к вам крамольный вопрос.

Она любит крамольные вопросы, она ждет их, она их хочет. Ого, как глазки загорелись, похоже, в последнее время охотники до крамольных вопросов сильно сошли на нет.

– Взгляните в окно, чем не полотно? Листопад, море. Тучи над морем. Корабли на рейде. Раньше не умели запечатлеть, рисовали картины. Сегодня любой мальчишка с видеокамерой и компьютером может превратить этот пейзаж в картину, куда более красочную.

Таня разочарована. Видимо, ждала чего поумнее. Сейчас, сейчас...

– Художник должен домысливать реальность, дополнять ее, видоизменять. Тогда интересно. Кому, кроме студентов, изучающих историю живописи, интересны старые тусклые картины?

– Вы не правы, картины, которые вы видите перед собою, не просто отображение действительности, а ее художественное переосмысление. Если бы мы могли взглянуть на реалии, которые стояли перед мольбертом живописцев, мы бы, несомненно, удивились, насколько они не соответствуют возникающим на полотне изображениям. Дабы в полной мере понять мастерство художников, мы должны хорошо знать их эпоху, погрузиться в нее, и тогда картины, словно волшебный ларчик, раскроются перед нами.

– Танечка, у кого сегодня есть время погружаться в другую эпоху? Чтобы понять современную музыку, нужно приобрести музыкальное образование. Книжки обращаются уже не к читателю, а к другим книгам, живопись понять можно только с экскурсоводом. Искусство уползает в свою нору, превращаясь в эзотерическую секту, освобождая сцену для рок-музыки, детективов в пестрых обложках и аргентинских телесериалов.

– Мужчина, снимите головной убор, вы в музее!

Откуда-то из-за двери выдвинулась еще одна служительница культа, бабулечка вполне домашнего вида, только не в халате и шлепанцах, а в приличном костюме. Сознание исполняемого долга, ответственность перед вечным и возмущение тщетой быта переполняют ее до краев.

– Это наш гость, оттуда! – повторяет прежний прием Таня, но безуспешно.

– Да хоть откуда! Хоть где-то культура должна остаться, хоть в музее! Если мы себя сами не уважаем, кто ж нам поверит?

Жалко бабулю, я ведь для нее просто клапан, пары выпустить, а накопилось, видать, немало.

– Мужчина, вы или снимайте головной убор, или покидайте помещение.

В таких случаях правда проще и убедительнее любых доводов. Поэтому говорю, как есть.

– Видите ли, я психометрист из Реховота и никогда, ни при каких обстоятельствах не снимаю головного убора. Даже перед картинами Рериха. Уж извините.

Бабуля сникает и медленно отползает на исходный рубеж между дверью и картиной Васнецова. Бабуля мне очень мила своей искренней убежденностью в святости музея, в необходимости культуры и в презумпции уважения к ней.

Перед выходом из зала я оборачиваюсь. Бабуля сидит на маленькой скамеечке, горестно сложив руки на коленях, и смотрит в окно. Зарабатывает она в музее копейки, жалкие гроши, последнее, что осталось – это уважение к месту, причастность. Если бы не боязнь за третий центр, снял бы я свой картуз, ради нескольких минут ее удовольствия. Улыбаюсь на прощание, самой широкой из своих улыбок, но бабуля не видит. Бабуля смотрит в окно, на одесскую осень.

Наконец, по скрипящему и ноющему, будто соловей на смертном одре, паркету добираться до собственно выставки. Таня продолжает щебетать и чирикать; мазки, краски, сверхзадача, пост, модерн, сюр, тьфу...

В конце концов, нельзя же настолько не понимать, что пытались изобразить психометристы! Впрочем, психометристами их тоже не назовешь, так, люди первой стадии обучения.

Психометрия полностью вытесняет из организма всякую интеллектуальную деятельность, кроме самой себя. Она – целый самодостаточный мир, которому попросту нет никакого дела до искусства. Если художник по-настоящему погружается в психометрию – он перестает быть художником. То же самое происходит с литераторами и музыкантами.

Я, вообще-то, плохо понимаю цель такого рода выставок. Каждая картина – отдельный мир, и живут в нем не только и не столько краски, но все, из чего составлено полотно. Облачко дыхания художника прочно висит над рамой, брызги его слюны блестят на холсте. Его страхи, почечные колики, жажда, скандал с женой, сладость утренней чашки кофе и первого мазка по чистому холсту стоят перед моими глазами, словно ожившее привидение. Когда на выставке развешивают плотненько десятки полотен, их аура переплетается, и в этой какофонии можно разобрать только самый поверхностный слой, именуемый собственно картиной. По-хорошему, каждое полотно надо вешать в отдельную комнату, ставить перед ним несколько стульев и оставлять в тишине. Посидев полчаса перед каждой картиной, можно уловить дыхание художника. А иначе получается школьная экскурсия...

Говорить все эти слова милой девушке Тане у меня нет ни малейшего желания. Выставка кажется совершенно искусственной, если не сказать надуманной. Повод оправдать зарплату или возможность сшибить грант с одного из западных психометрических обществ. А может, уже сшибли, и все сие великолепие просто отчет за полученные денежки.

Однако вежливо хвалю, слушаю, киваю, но мимо книги посетителей прохожу с деревянным лицом, а прямо попросить Таня не решается. Сейчас, вечером, когда я пишу эти строки, мне кажется, что запись все-таки надо было оставить. Как милостыню подать. Вот замечательный пример хорошей «стойки» на знакомые ситуации и проскальзывания в новой. Да и насчет гранта изрядно ошибся.

– Ну, как выставка? – спросил Мотл. Он прогуливался перед входом в музей, меланхолично поддевая носком ботинка опавшие листья.

– Вот зашел бы, посмотрел, – Лора раскурила сигарету.

– Воздуху, воздуху не хватает. У меня аллергия на старые холсты.

Ай да Мотл, тебя я тоже неправильно оценил.

– Так как выставка?

– Ну-у-у. Так сразу и не скажешь.

Откровенничать в присутствии Лоры мне не с руки. Другое дело Мотл: с ним можно не стесняться. Особенно после его реакции на музей.

Настоящий психометрист избегает ненужных впечатлений. Разрушить с таким трудом создаваемый внутренний баланс проще простого, а вот восстанавливать ущерб, нанесенный случайным въездом в ауру какого-нибудь произведения, приходится довольно долго, и не все-

гда удастся исправить до конца. Жена Лота окаменела от одного неправильно брошенного взгляда. Людям кажется, будто события, в корне меняющие психику, должны быть непременно эффектными. Вовсе не так. Мы люди иного масштаба, и причины, трансформирующие нас, куда менее значительны, чем уничтожение Содома и Гоморры.

– Мотл, так ты покатаешь гостя по городу? – спросила Лора.

Умная девочка, все понимает с полуслова.

– С гиком, с пляской и пивным баром.

– Тогда, до шести? Я тоже приду вас послушать.

Это уже ко мне.

– Спасибо, буду рад видеть вас на лекции.

После «БМВ», мотловский «Ниссан» и тесноват, и не столь уютен.

– Так действительно покатаемся, или сразу на кладбище?

– Давай покатаемся, если время позволяет.

– Позволяет, позволяет. Ну, и, как с выставкой? Впечатлило?

Слова, предназначенные Тане, достались Мотлу. Он одобрительно похмыкивал, но в конце моего монолога, все-таки возразил:

– Да нет у нее гранта, сама эту бодягу затеяла, деньги у деловаров выпросила, картины собственными руками развешивала. Служительница муз, не про нас будет сказано. Но девка изумительная, ходит к нам в психометрическое общество, что-то крокает у себя внутри, пока на детском уровне, но старается. Вот, выставку заварила, решила осчастливить человечество открытием: мол, психометристы тоже не чужды. Я за ней приглядываю, глазок-смотрок, может, чего путное и выйдет.

«Ниссан» покрхтывает на булыжниках мостовой. Асфальт тротуаров весь в трещинах и разломах, кое-где грубо нашлепнуты свежие заплатки, но и они уже начинают разрушаться. Булыжник оказался долговечнее не только советской власти, но и ее технических средств. Правда, по асфальту все-таки ездить куда удобнее.

Снова ощущение опасности. Вот же напасть! Пространство не хуже, чем обычно, а внутри зудит маленький зуммер – осторожно, осторожно.

Мотл искоса поглядывает в мою сторону, но деликатно молчит. Думает, будто я наслаждаюсь видом Одессы, и не хочет мешать. Поймав мой взгляд, сразу ломает паузу.

– Чувствуешь смену реальностей?

– Чувствую. Декорации те же, но меня уже давно интересуют только актеры. Как в той байке про психометриста в Москве.

– В какой байке, их тьмы и тьмы? Напомни.

– Да ты наверняка слышал, ее мне в Одессе рассказывали, правда, много лет назад. Один «старый псих» вернулся из поездки в Москву. Давно это произошло, в пятидесятых годах, а может и до войны. Телевизор тогда еще не состоялся, все новости узнавали из газет или радио. То есть, визуальный ряд отсутствовал. Ну вот, вернулся он из столицы, пришел на сбор, его молодежь обступила и давай спрашивать: где был, кого видел, какая она вообще, Москва.

– Я остановился у «психа» А, с ним пошел к Б, через него познакомился с В. Сидели, говорили. Потом поехали к Г.

– Ну а Москва-то, Москва? Огромная, поди? На Красной площади был? А в Кремле? А в ГУМе? – не унимались ребята.

– Да я ж говорю; видел А., познакомился с Б, поработал с Г, – повторял «старый псих». Но до молодых не доходило. Тогда самый старейший из «старых психов» осторожно постучал по столу костяшками пальцев. Все смолкли.

– Наверное, ты прав, – произнес он в наступившей тишине. – А. Б. В. и Г. – это и есть Москва.

– Слышал, – воскликнул Мотл. – Слышал, но забыл. Красивая байка. Что мы из нее учим? Что я зря тебя катаю. Поворачивать на кладбище?

– Да нет, не зря. Давай на бульвар посмотрим, а оттуда сразу к делу.

Вот, елки-палки, чуть не проговорился. Расслабился в приятной компании. Об истинной цели поездки на кладбище я, конечно же, Мотлу не расскажу. Пусть думает, будто навещаю могилы родственников.

На бульваре ничего не изменилось. Те же платаны, скамейки. Даже «Лондонская» того же салатного цвета. Зеленый Дюк грустно глядит в море... Оп-па-па, уже не в море.

– А это что за безобразие?

– Гостиницу построили, «Кемпински» называется, – мрачно отвечает Мотл, – для богатеньких буратинушек. Нашли место, прямо за Морвокзалом. Весь вид перекрыли, ублюдки. Теперь ждем цунами, может, снесет к чертовой бабушке шедевр современного зодчества.

Плохо, Мотл плохо. Минус два очка. Впрочем, чего ожидать от самоучек? Раньше, когда открыто действовали психометрические школы, мальчиков в пятнадцать лет отсылали учиться подальше от дома. Чем меньше привязок – тем лучше учеба. Связь у психометриста должна быть лишь одна – с психометрией.

Человек, на самом деле, проверяется не в больших вещах. Они на виду, в них проще напрячься, перебороть себя. Мелочи, мелочи, вот где зарыты все кошки и собаки. Установить уровень продвижения я могу по двум вещам: по тому, как проверяемый спит и как завязывает шнурки на ботинках. А уж так огорчаться по поводу испорченного вида непростительно даже для начинающего.

Он неровный, Мотл, вернее, ломаный. Для гладкости недостаточно прочитать правильные книги, мало только желания и плохо помогают самые лучшие советы. Психометрию нужно впустить в себя с детства, вдохнуть вместе с запахом старых фолиантов, отрепетировать на школьных уроках. Правильные привычки плохо приобретаются в зрелом возрасте, на месте ступеньки, через которую перепрыгиваешь, зияет пустота.

После женитьбы, оказавшись отцом трехлетней девочки, я спросил одного «старого психа»:

– С какого возраста нужно приступать к воспитанию?

– За двадцать лет до рождения, – ответил он. И тогда я понял, почему мои родители так не хотели Веру. Вернее, понял-то я давно, а вот тогда ощутил, физически, кожей.

В юности кажется, будто противоречия можно затушевать, а несоответствия заглушить. Вера была не из семьи психометристов, но мне представлялось, будто ее любовь ко мне поможет преодолеть все препятствия. Сегодня, спустя жизнь, я должен признать, что ошибся.

Все началось с детского садика. Мы тогда уже жили в Израиле, и я мог спокойно записать девочку в лучшее психометрическое учебное заведение. Но Вера встала на дыбы.

– Не позволю калечить ребенка! – заявила она. – Дадим ей все, а как вырастет, пусть решает сама.

Когда вырастет... Место в душе не остается пустым. Если не заполнить его благовонным маслом, туда набьется всякая грязь, в избытке плавающая по волнам массовой информации.

После долгих разговоров Вера с трудом согласилась на садик для начинающих, серединка на половинку. Я рассчитывал, что с годами удастся убедить ее отдать девочку в хорошую школу, но моя надежда оказалась пустоцветом. Название школы мне приходилось скрывать от друзей и сослуживцев. От стыда. Да, от стыда.

– Налюбовался? – Мотл, похоже, просто не понимает своей проблемы. Ну, не мне ее решать. Сходу в такие вещи не лезут. – Теперь на кладбище?

– Теперь и всегда. Помни о конечной станции и никогда не ошибешься.

– Помни о кладбище! Класс! Сам придумал? Хотя, мне кажется, нечто похожее я уже слышал.

– Жми на педаль, змей.

«Ниссан» покатил вдоль бульвара. Насчет «Кемпински» Мотл, пожалуй, прав. Только ни выразить, ни сформулировать свои ощущения он пока еще не умеет.

Символы места не пустой звук. Символы образуют фантомы, на которые качают энергию миллионы людей. Сначала человек создает такой призрак, а потом призрак начинает формировать атмосферу и менять народы. Кремль – не просто визуальный образ, так же, как и египетские пирамиды, черный камень в Мекке, Стена плача, небоскребы Манхэттена. Эти фантомы образуют то, что принято называть национальным самосознанием. Энергетический поток, подвигающий француза быть французом, а не чехом или бельгийцем, протекает через старое железо Эйфелевой башни. Уничтожьте или перестройте башню, и французы станут иными.

Пушкин, в начале приморского бульвара, обернувшись спиной к символу власти – Городской думе, а потом облисполкому, больше сотни лет рассматривал Дюка. Дюк, в свою очередь, глядел на море. Энергетика дышала: волны, метавшиеся между двумя символами, уходили в открытое море, и возвращались оттуда, очищенные, преобразованные отдельной волей миллионов тонн свободно живущей воды.

«Кемпински» закрыл, замуровал амбразуру, энергетика сникла, бегая без конца по замкнутому треугольнику. Вольное дыхание, символ приморского города, закончилось с окончанием строительства гостиницы. И пока стоит «Кемпински», Одесса будет хиреть, превращаясь из города-вдохновителя поэтов в обычный портовый придаток инфраструктуры, вроде Новороссийска или Керчи.

– Не забыл? – Мотл чуть притормозил перед дворцом Воронцова.

– Нет, не забыл.

Как было приятно, после продувающего насквозь ледяного ветра, очутиться в теплой тишине, заполненной запахами надраенного паркета, старой мебели, ухоженными фикусами с тщательно протертыми листьями, долго перелистывать страницы, выбирая книги, – больше трех не давали, а трех хватало на полтора дня, – глядеть из-за двойной рамы на безобидное отсюда свинцовое море, с белой полоской льда у берега, серьезно обсуждать с пожилой тетей-библиотекаршей характеры героев из сданной книжки.

Тетю звали Римма Львовна, когда в библиотеке было пусто, она украдкой выдавала мне четыре книги, вместо положенных трех, а иногда даже угощала конфетой, соевым батончиком. Она предложила мне «Остров сокровищ» и тем самым впустила в мою жизнь пиратские песенки, звон пиастров, скелеты в виде указательных стрелок и прочую дребедень, от которой мне потом пришлось избавляться долго и мучительно.

В юности чердак кажется безразмерным, но когда в зрелые годы начинаешь наводить в нем порядок, выясняешь, что он битком набит ненужной рухлядью. Она отрывается вместе с досками пола, оставляя за собой пугающие дыры в черноту подсознания. Лучше не возвращаться к ним, не оборачиваться, иначе призраки беспощадно оживают.

У нас в доме книг почти не было. Несколько фолиантов по психометрии, еще довоенного издания, школьные учебники, и все. Отец решительно противился всякому погружению в «смутные сумерки чувств», мать не соглашалась, но терпела. До того, как я научился читать, вместо сказок отец рассказывал мне истории про психометристов. Имен он не называл, означая их просто: А., Б., В. Мне тогда казалось, будто их так и звали, но, выучив алфавит, я понял, что за этим кроется некий умысел.

– Когда-то давно, а потом совсем недавно, – объяснил отец, – наше движение преследовали и травили, и настоящие имена пришлось скрывать.

– Да и зачем везде толкать свое имя, – добавил он, внимательно глядя на меня. – Слава – дурная штука, настоящий психометрист предпочитает оставаться в тени. Ты ведь будешь настоящим, да, сынок?

Он погладил меня по голове – неожиданная и редкая ласка. Горло перехватило, слезы навернулись на глаза.

– Да, папа, – я с трудом сумел выдавить из себя слова.

– Обещаешь?

– Обещаю.

Много лет прошло с тех пор, но эта детская клятва почему-то навсегда запечатлелась в моей памяти.

Телевизор так и не появился в нашем доме, радио тоже. Все свободное время отец проводил над своими книгами и упражнениями. Меня он привлекал сначала как бы играючи, а потом все жестче и жестче. К восьми годам я уже умел делать многое. Но вместе со «многим» в душе собралось немало горечи и обиды за время, которое, как мне тогда казалось, я трачу на всякие глупости.

Мои сверстники гоняли футбол, ловили бычков с обросших зеленой тиной пирсов, катались на велосипедах, а я сидел с отцом в полутемной комнате и в сотый раз проделывал упражнения по концентрации и расслаблению. Теперь я понимаю, что на самом деле, «всякими глупостями» занимались мои сверстники, но тогда, в детстве, обида часто сжимала мне виски горячими пальцами.

Часами я заучивал наизусть длинные тексты, переполненные непонятными словами, записывал их на бумагу, а отец сверял написанное с оригиналом, слово в слово. Мы начали с нескольких предложений, потом перешли к абзацам. К десяти годам я спокойно ловил на слух и воспроизводил по памяти около пяти страниц мелкого текста, а к пятнадцати мог без труда запомнить содержание газеты типа «Черноморская коммуна».

– Ты должен стать умельцем самоотчета, – повторял отец, – фиксировать каждый свой шаг, слово, мысль и вечером пропускать сквозь сито психометрических правил. Иначе превратишься в краснобая-пустомелю.

Надо ли говорить, какой смех, – внутренний, разумеется, – вызывали у меня старания одноклассников, с трудов разучивавших наизусть несколько стихотворений или законов физики. Я пролистывал учебник за две минуты до звонка и мог ответить на любой вопрос.

Мама, украдкой от отца, записала меня в библиотеку. Подальше от дома, во дворце Воронцова. Принесенные книги я прятал в ящике для грязного белья и читал до возвращения отца с работы. Несколько раз я доставал их поздно вечером, после того, как отец засыпал. Но, спустя несколько минут, он выходил из спальни и начинал беспокойно кружить по квартире.

– Что случилось, что ты мечешься? – отвлекала его внимание мать, пока я судорожно маскировал книги под школьными тетрадками.

– Воздух сменился, – отвечал отец, – чужой в доме.

Во мне затейливым образом перемешались уважение к отцу, интерес к забавному миру приключений и чудес, дверь в который раскрывалась сразу за обложками книг, и твердая уверенность в справедливости психометрии. В общем-то, я был хорошим сыном; мелкие пакости, без которых не обходится ни одно нормальное детство, я старался делать незаметно для отца. Единственное по-настоящему большое огорчение я причинил ему гораздо позже, женившись на Вере, женщине не нашего круга и совсем других интересов.

Мы познакомились на вечере во Дворце студентов, она пела в самодеятельном вокально-инструментальном ансамбле, солировала. Не влюбиться было невозможно, и я влюбился, как мальчишка. Впрочем, я тогда и был мальчишкой, семнадцатилетним безусым щенком, правда, с волшебной палочкой психометрии в потайном кармане. Без ее помощи вряд ли бы Вера обра-

тила на меня внимание. Штучка сработала, но потом бумеранг со свистом вернулся. Веру я по существу изнасиловал, то есть влюбил в себя против ее воли. Такое состояние не может продолжаться долго, и, когда через несколько лет чары закончились, мне пришлось начинать все с начала. Завоевать женщину просто, удержать и повести за собой куда сложнее. Не могу сказать, что у меня получилось.

После психометрических штудий, искрящийся мир литературы увлек и очаровал меня. Сколько драгоценных минут юности, каждая из которых стоит многих часов в зрелом возрасте, я разбазарил на увлеченное блуждание по ее тропинкам. Искусство – грязная пена на волнах страстей человеческих. Но тогда оно представлялось средоточием правды, свободы и веселья. Психометрическая техника позволила мне соединить иллюзорный мир книг с живой реальностью.

Долгими часами я слонялся по дворцу Воронцова, пытаюсь ощутить места, по которым ходил Пушкин. Выйдя наружу, я медленно дефилировал по бульвару, сначала до Дюка, потом к фонтанчикам, брызжущим из постамента памятника поэту, потом снова, медленно-медленно к дворцу. Мне казалось, будто я повторяю его прогулки, а иногда чудился едва заметный запах, даже не запах, а предощущение запаха, след тени на брусчатке мостовой или на стене дворца. И тогда мне казалось – я поймал...

– Кстати, Пушкин никогда не бывал в этом здании, – заметил Мотл и вывернул руль, вписываясь в пролет узкой улицы. – К тому времени, когда дворец был закончен, Александр Сергеевич давно гонял зайцев по заливным лугам Михайловского.

Неужели он улавливает? Не похоже. Наверное, случайно совпало. Но все равно, молодец Мотл, просто молодец.

Пожалуй, расскажу я им сегодня вечером про Пушкина. Раз магия имени до сих пор работает, уложим-ка ее гирькой на чашу наших весов. Надо только выдвинуть нужный ящичек...

Годы занятий психометрией приучили меня раскладывать накопленную информацию по отделениям-ящичкам в голове. На освоение приема уходит довольно много времени, но, когда достигаешь прочного результата, эффект получается совершенно фантастический. Множество всякого рода знаний лежат тихонько, не мешая свободному полету мысли, и подключаются только в тот момент, когда ты сам словно выдвигаешь нужный ящик. Говорят, будто впервые такой способ применили испанские психометристы около шести столетий тому назад. Меня ему научили в реховотской школе, почти сразу после приезда.

Мотл слегка зевнул. Осторожно, не разжимая рта. Но челюстные мышцы взбухли, и горло раздулось. Да, он ведь сегодня поднялся чуть свет.

– Ну, как. Похоронил парня?

– Похоронил. Порезали его будь здоров, все кишки наружу. Пока собрал, пока зашил, вымыл, одел. Еле успел к двенадцати.

– Я бы не смог. Ты, наверное, особый человек.

– Какое там, особый. У меня все случайно получилось. Помнишь Г.?

Еще бы, массивный старик, с остатками рыжих прядей в седой бороде. Он сохранил голос почти юношеской свежести и на собраниях всегда первым заводил напев.

– Ты уже уехал, а я только начинал первые телодвижения. Мы с ним сошлись довольно близко. Он мне упражнения показал, давал книги читать. А потом один из стариков умер, и выяснилось, что Г. – похоронщик.

– Вот как, а я и не знал! Хотя при мне никто из «старых психов» не умирал.

– Ну, и я не знал. Он когда меня позвал, попросил помочь, у меня от ужаса и отвращения слюни текли, даже рукава намокли. Я украдкой рот вытирал. Когда Г. отворачивался.

Он дело делал и мне объяснял: куда, сколько, зачем. Я почти не слушал, в сотый раз давая себе клятву больше не подходить к телу даже на километр. Но через полгода еще один старик умер, и снова Г. позвал. Я заотнекивался, но он и слушать не стал.

– Я тебя выбрал, – говорит, и брови так хмурит. Пришлось пойти.

А через год Г. сам умер. Старые «психи» меня срочно вызвали на квартиру, где собрания проходили.

– Давай, – говорят, – парень. Больше некому.

Ну и пошло. Сейчас я сам пугаюсь, насколько стал к чужому горю нечувствительным. Нет, на нормальном уровне все по-прежнему, то есть помочь кому-то, или вникнуть в обстоятельства. Детей больных жалко. Стариков тех же. Бездомных особенно. Но как дело доходит до главного, самого страшного для всех, у меня словно механизм выключается. Или наоборот, включается. Этакий профессиональный азарт. Быстро, четко, точно. Работа, короче говоря. Бывают, впрочем, особые случаи, когда кожная болезнь или поздно находят, и разложение уже пошло. Тогда тяжело.

– Так ты сегодня легко отделался?!

– Легко, – философски отметил Мотл, – это в бане пописать, не нужно штанишки снимать. Лег поздно, вот это тяжело. Спать по три часа, как настоящий психометрист, мне еще дается с большим трудом.

– Так мы же расстались довольно рано, мог успеть.

– Ну, пока приехал, с женой немного поговорил, книжечки правильные почитал, потом упражнения маленько поделал. Так время и прошло. Если б не утренний чай совсем бы туго пришлось. Да, – не отрывая глаз от дороги, Мотл отвечает в мою сторону легкий полупоклон. – Жена передает тебе личное спасибо. Чай она готовит по рецепту из твоего учебника и просит подтвердить, что все обещанное в рецепте – сбывается.

– Ну, это не мой рецепт. Я только записал...

– Знаю-знаю. Но после твоей книжки, она у меня другим человеком стала. Чай, кстати, всегда сама готовит. Когда бы я ни встал, она поднимается за полчаса, настраивается, варит и будит. Меня от маленькой чашечки, словно к аккумулятору подключают. Просто праздник, а не жена. И все благодаря твоему учебнику.

Н-да, несколько лет назад я имел неосторожность выпустить учебник по психометрии. Курс лекций незаметно перерос в «методичку» для преподавателей, которая уверенно превратилась в книгу. Нового я ничего не сочинял, просто очертил школы, показал отличия, ну, и в конце привел несколько десятков упражнений и рецептов. Намерения у меня были самые лучшие: облегчить вход в Храм психометрии, чуть-чуть скрасить горечь и боль первых шагов.

Но шум поднялся страшный. Меня тут же обвинили в том, будто я не поднимаю человека до Психометрии, а опускаю Ее на человеческий уровень. Некоторые учебные заведения даже разорвали со мной договор о курсе лекций, зато другие прислали самые лестные предложения. В общем-то, мнения разделились почти на равные части, беда только в том, что в числе противников оказались самые старые и уважаемые школы, а в защитниках – начинающие и дилетанты. Но, с другой стороны, книгу-то я писал не для «старых психов» и не для потомственных психометристов, а для новичков, неофитов. Им то она и пришлась по душе.

А Мотлу просто повезло. Написано в наших книгах: первая жена – это судьба, а вторую Космос посылает по заслугам. Моя Вера первые полгода замужества тоже поднималась раньше меня, словно настоящая жена психометриста, но потом заболела дочка, за болезнью явилась другая напасть, короче говоря, тут праведность и кончилась.

– Как искать будем? – спрашивает Мотл. – Есть номера участков, или по фамилиям?
– Есть номера захоронений, – я достаю из кошелька вчетверо сложенный листок.

– Замечательно! Тогда попробуем отыскать на плане. Хотя, по опыту, порядок на кладбище давно кончился, если вообще когда был. Иногда мне кажется, будто погребальные орлы специально все запутывают, дабы потом взимать мзду за поиски. Но, как говорят, надежда – мать дураков, да без нее не прожить. Будем надеяться!

Я смотрю на дорогу, и опять наваливается смутное ощущение тревоги. Зондирую. Просто чертовщина какая-то, чисто! Вот бы отыскать вчерашнего Мастера, он бы наверняка объяснил, что со мной происходит.

Собственно говоря, на кладбище я еду именно за этим. Печальное продолжение моей психометрической судьбы.

Каждый психометрист хочет стать Мастером. Держать поле – наивысшее раскрытие потенциала человека. Ни материальных благ, ни власти процесс не приносит, но сам он есть высшая награда, величайшее из всех доступных удовольствий.

К сожалению, мне это известно лишь по рассказам. Упражнения по удержанию поля и вообще вся психометрическая техника передается только от Мастера к ученику, будущему Мастеру. Не существует ни книг, ни объяснений, ничего. Те же, кто входят в круг посвященных – молчат.

Мастера прилагают значительные усилия оставаться незаметными. Они выбирают самые невзрачные профессии и никогда не продвигаются по служебной лестнице. Внешний вид у них самый простецкий, речь примитивна. С чужими они обмениваются короткими предложениями или междометиями, не более того.

Когда я учился в реховотской школе психометристов, Ведущий нашего курса пообещал лучшим студентам показать Мастера. Весь семестр мы из кожи вон лезли, и после экзаменов Ведущий повез первых трех в Тель-Авив. Я занял первое место, поэтому видел Мастера собственными глазами.

В Тель-Авиве мы долго рыскали по кривым улицам вокруг старой автобусной станции, забитыми разного рода лавчонками, пока не оказались напротив обувной мастерской.

– Я отдал в ремонт туфли, – сказал Ведущий, – вот квитанция. Забери, и продолжим.

В мастерской, на низком табурете сидел седенький «айдлык» и дремал, выводя носом замысловатые рулады. Сильно пахло кожей, сапожной ваксой. Жужжали мухи. Черный халат «айдлыка» был изрядно перепачкан клеем и краской, а сверху припорошен перхотью. Мне стало противно.

– Туфли, – громко произнес я, желая поскорее закончить со своей миссией. – Вот квитанция.

–А? – замычал «айдлык» и приоткрыл глаза. – Квитанция?

Он протянул руку и взял листик из моих пальцев. Наверное, Мастер на секунду приоткрылся, и меня словно током ударило.

– Передай Ведущему, – сказал он, – что старые туфли я вернул ему двадцать четыре года назад, а новые никуда не годятся.

Это был мой приговор, но тогда я не понял, о чем идет речь, и честно передал его Ведущему.

Старая психометрическая поговорка гласит: Мастером не становятся, Мастером рождаются. Невозможно определить, кто из психометристов удостоится посвящения. Мастера сами выбирают себе учеников и критерии отбора тщательно скрывают. Видимо, на их уровне возможности души видны настолько, что обсуждать «как и почему» бессмысленно. Нам же обсуждать их приговоры бессмысленно по другой причине. По причине уровня.

Тогдашний приговор преследует меня по сей день. Вернее, не приговор, а оценка моих возможностей. Я достиг многого, наверное, в глазах других, очень многого, но ни один из Мастеров не выбрал меня в ученики.

Впрочем, есть еще одна дорога, по которой я пытаюсь пройти. Ученик сам находит Мастера. Такое случается редко, крайне редко, но случается. Проблема состоит в том, как его отыскать.

Спустя несколько месяцев после вынесения приговора я снова отправился в сапожную мастерскую, но уже один. Повод я сочинил достаточно благовидный: через неделю начинались очередные экзамены, и я решил попросить благословения Мастера. В моей просьбе скрывалось и второе дно; Мастера обычно благословляют только учеников.

«Аидлык» сидел на том же табурете и выводил носом те же рулады. Полная маскировка, абсолютное затемнение. По этой стороне улице можно было гулять во время самого безжалостного артобстрела.

На мои покашливания он не обращал внимания. Через минут десять я, наконец, я решился и дрожащим от волнения голосом изложил свою просьбу.

«Аидлык» открыл один глаз, и я тут же понял – передо мной настоящий Мастер.

– Мальчик, – сказал он, – учиться надо, а не благословения выпрашивать. Будешь учиться, будешь знать.

Приговор не изменился. Но, в общем-то, фраза могла означать и напутствие, указание. Мы крутили ее с Ведущим на разные лады и пришли к тому, с чего начали: Мастер показал дорогу.

Спустя много лет я понял, что Ведущий – такой же неудачник в психометрии, как и я, а мой поход к Мастеру был очередной попыткой Ведущего привлечь его внимание к собственной персоне. Но Ведущий, по крайней мере, нашел Мастера и пытался стать его учеником, я же, за всю жизнь, не добрался даже до этой ступени.

Кроме сапожника, из Мастеров я видел только Х., главу движения. Собственно, из-за него мы и оказались в Реховоте. О другом городе отец даже слышать не хотел.

– Сколько лет прозябали на выселках, в провинции, – говорил он, – теперь я хочу хоть немного пожить в столице.

Столицей для него, даже центром мира являлось место, где пребывает главный Мастер.

Мастер приехал в Эрец Исраэль еще в тридцатые годы. Все были уверены, что он поселится в Иерусалиме, где уже несколько столетий существовала большая община психометристов, но Мастер, сойдя с корабля в Хайфском порту, отправился прямо в Тель-Авив.

На железнодорожном вокзале его встречала большая группа психометристов. Не успел Х. отпустить поручень вагона, как к нему подскочил журналист крупнейшей газеты:

– Как вы сможете ходить по Тель-Авиву, – спросил он, – ведь в нем так много проституток?

Х. обвел глазами толпу.

– А где здесь проститутки? Я вижу только психометристов.

На следующий день газета вышла с огромным заголовком:

«Первые слова Х., главного Мастера психометристов на Святой земле: – „А где здесь проститутки?“»

На следующий день Мастер уехал в Иерусалим, но, пробыв там всего несколько часов, вернулся в Тель-Авив, а спустя несколько дней перебрался в Реховот. Из этого небольшого городка, окруженного апельсиновыми садами, он выезжал всего несколько раз. Почему он выбрал именно Реховот, никто толком не может объяснить до сих пор. Я думаю, что моя «История реховотской крепости» немного приоткроет завесу.

Руководители еврейского ишува не придавали движению психометристов большого значения. Им казалось, будто оно целиком принадлежит старым городам Европы, где на пыльных чердаках, под высокими черепичными крышами гнездятся сумерки средневековых страхов.

– Меняющий место меняет судьбу! – Бен-Гурион, посмеиваясь, приводил психометрическую поговорку и продолжал:

– В новой стране не будет места суевериям! Мы строим свою судьбу на прочной основе труда и воли.

Приезд Х. сразу изменил расстановку сил. Он означал, что центр психометрии перемещается в Эрец-Исраэль, а значит, сюда потекут не только сотни и тысячи психометристов со всего мира, но и деньги, много денег.

Через несколько месяцев Бен-Гурион приехал в Реховот. Мастер жил в небольшом домике, почти на окраине, неподалеку от развалин восточной башни цитадели. Роскошный автомобиль руководителя ишува, сопровождаемый двумя джипами с охраной, остановился перед домиком, секретарь бодро выскочил из машины и постучал в дверь. Ответа не последовало. Он постучал еще раз, уже настойчивее. Тишина. Секретарь недоуменно оглянулся: день и час встречи был оговорен за несколько недель.

– Давайте я попробую, – предложил Бен-Гурион.

Он выбрался из глубины автомобиля и подошел к двери. Секретарь почтительно отступил на несколько шагов. Дверь тихонько приоткрылась, Бен-Гурион с трудом протиснулся в образовавшийся проход, и дверь встала на свое место.

Встреча заняла немногим более часа. О чем точно шел разговор никто не знает. Обе стороны многие годы предпочитали отмалчиваться. Известны лишь несколько эпизодов.

В самом начале встречи Бен-Гурион спросил у Х. чего он, собственно, ищет в Эрец-Исраэль.

– У меня есть программа-минимум и программа-максимум, – ответил Мастер. – Минимум, чтобы вы не стаскивали с меня картуз психометриста, максимум – чтобы вы надели его на свою голову.

Середина разговора – сплошной пробел. Ни в одном архиве я не отыскал ни одного упоминания. Зато многие приводят концовку.

– На востоке есть правило, – сказал Х., – когда два верблюда подходят к узкому мосту, дорогу уступают более нагруженному. Мы полны и пойдем первыми.

Бен-Гурион улыбнулся и протянул руку. Мастер приотворил дверь, выпуская гостя: больше они никогда не виделись, но после этой встречи отношение руководства ишува к психометристам значительно улучшилось.

Я застал Главного Мастера уже глубоким стариком. На правах слушателей реховотской школы, наш курс один раз в месяц приходил к нему домой. Мы делали упражнения в небольшом зале, Мастер сидел в кресле, укрытый шотландским пледом, и как будто дремал. Через полчаса мы уходили, но на прощание выстраивались в ряд возле Мастера и по очереди жали ему руку. Иногда он задерживал руку в своей и еле слышно произносил несколько слов, а то и фраз. Счастливчик долго расшифровывал, что Х. имел в виду. Мне такая удача не выпала ни разу.

Бывает еще один вид ситуации, когда Мастер зовет ученика, но тот не слышит. Об этом рассказывают много историй и притч, и каждый психометрист, всю жизнь ожидающий Зова, с ужасом примеряет на себя такой вариант судьбы. Со мной такого пока не произошло. И, надеюсь, не произойдет. Очень надеюсь.

– Во дает! – Мотл резко затормозил и, упираясь руками в руль, погасил инерцию. Мой ремень безопасности натянулся и крепко поддел меня почти под горло.

– Думает, если он автобус, так может ездить, как ему хочется, да?! Я тоже автобус, только маленький.

«Ниссан» почти уткнулся носом в забрызганный грязью зад огромного автобуса. Табличка с номером, словно приглашая записать, оказалась прямо перед нашими глазами.

– Мотл, запиши номер, сообщи в милицию. Пусть приструнят маленько.

– Милицию! – Мотл презрительно фыркнул. – Я же тебе говорил: любое нарушение правил стоит десять гривен. Подаешь «менту» вместе с правами, и делу конец. А моя жалоба только позволит им лишние деньги с водилы скачать, не более того. Впрочем, для него десять гривен не деньги.

Автобус плюнул нам в лицо струей дыма и тронулся с места.

– Кстати, – сказал Мотл, – обрати внимание на номерной знак. Я, когда вернулся из Иерусалима, после стажировки в похоронной компании, долго успокоиться не мог.

– Из-за номера?

– Из-за него. Обрати внимание, он весь белый, как у палестинских машин. Израильские-то номера желтые, белые сразу бросаются в глаза – опасность! Сел я после возвращения за руль, выехал на улицу и – оторопь взяла. Страшно ездить! Пока сообразил в чем дело, несколько дней прошло.

Ай-да Мотл, ай-да молодец! Это он мне, израильтянину с пятнадцатилетним стажем, втолковывает. Я сам должен был догадаться и Мотлу объяснить, а не наоборот! Постоянно пропускаю, опаздываю, не ловлю.

Сегодня утром чистил зубы, рассматривал себя в зеркале. Волосы поредели, да чего там, скажи честно, залысины в полголовы. Борода седая, морщины, мешки под глазами. Брюки опять не сходятся, завязывать шнурки все трудней и трудней. Трудно поверить, будто морщинистый почти старик – это я. Бывший кудрявый зайчик с лукавыми глазками, а теперь уважаемый красавец и «любезный канарей». Метаморфозы, н-да...

На место свежести мышц и густых волос должна прийти мудрость, но и она запаздывает. С пустыми руками бреду я по склону жизни.

– Узнаешь места? – прервал Мотл мое самобичевание. – Доставай список, приближаемся к кладбищу.

Доставать, собственно, нечего, список лежит в нагрудном кармане и ждет своей очереди. Роль его чисто маскировочная, настоящая моя цель – вовсе не могилы родственников. И цель эту, настоящую, я прогавил, пока дошло до дурня, куда бежать, за что хвататься. Две трети жизни утекли на всякие глупости. Впрочем, я ведь тогда, в сапожной мастерской понял – вот он, адрес, но не знал, как подступиться. И сейчас не знаю.

Прийти в третий раз к «айдлыку» я решил только через пять лет. К тому времени школа психометристов была закончена с отличием, и меня оставили для преподавательской работы. Пока в качестве младшего воспитателя, но с большими перспективами. Так оно и оказалось, после исчезновения Ведущего я получил его место.

В психометрической практике исчезновение – вещь, встречающаяся не часто, но известная. Так происходит, когда ученик находит Мастера. Для перехода на иную ступень необходимо вырваться из привычной среды, сбросить те маски, которые привык носить годами. Самые ярые враги в духовном путешествии, как ни странно, наши самые близкие люди. Они не хотят расставаться с привычным и милым образом и всячески напяливают его обратно. Поэтому иногда Мастер решается на крайнюю меру и отправляет ученика куда-нибудь в Патагонию, где он сможет беспрепятственно лепить из него новую личность.

Место я нашел с трудом, сапожную мастерскую сменила фалафельная. Владелец, грузинский еврей с массивной золотой цепью на крепко волосатой груди, долго не мог понять, чего я хочу.

– А, сапожник! – наконец сообразил он. – Не было тут сапожника. Будка заброшенная стояла, и все, понимаешь. Будку я сломал и посмотри, какой красивый ресторан построил. Садись, покушай, у меня сегодня баран очень свежий. Сам жарить буду, хочешь?

Дешевая забегаловка в его глазах представлялась рестораном. Типичный взгляд нормального человека.

Я попрощался и пошел к выходу. У самого порога он меня окликнул.

– Ты кто ему будешь, родственник, да?

– Нет, просто знакомый.

– Хороший знакомый?

– Хороший.

– Тогда возьми, – «грузин» вытащил из-под прилавка бумажный пакет. Когда будку ломали, я на столе взял. На видном месте лежало, может, оставили для кого. Может, для тебя.

Если «грузин» был Мастером, то явно не моего полета. Пробриться сквозь его маску я не смог даже на миллиметр. А может, никакой маски и не было, просто Космос вел меня по намеченной дороге, в нужный момент подкладывая нужные знаки.

В свертке оказалась вырезка из дешевой газетки для новых репатриантов. Плохая бумага пожелтела, шрифт выцвел, и разобрать текст оказалось совсем не простым делом. Но я пробился. Статья рассказывала о еврейском погроме 1905 года в Одессе. Что означал этот знак, я не мог уразуметь многие годы. Так и по-другому я подбирался к теме погрома, и каждый раз откатывался, так ничего и не разобрал. И только попав в отдел «железной кровати», я случайно наткнулся в архиве психометрической общины Николаева на упоминание о гибели Мастера во время еврейского погрома.

Случай, прямо сказать, исключительный. Психометрист, вышедший на такой уровень, практически неуязвим. Нет, физически он ничем не отличается от прочего человечества. Выделяется он тем, что умеет просчитывать ситуации и поэтому успеваешь уйти от опасности еще до того, как она приобретает угрожающие формы.

Можете мне поверить, я поднял на ноги всех и вся, объездил всю страну, побеседовал с сотнями старых психов. Не было такой психометрической общины, в которую я бы не направил запрос. Постепенно, по крупицам, мне удалось восстановить картину происшедшего. Особенно помог отчет сенатора Кузминского.²

Погром начался 18 октября, после того, как командующий одесским военным округом генерал Каулбарс распорядился «всем войскам не показываться на улицах – дабы не нарушать среди населения радостного настроения», вызванного опубликованным накануне высочайшим Манифестом. Одесский градоначальник Нейтгард тут же поддержал порыв генерала и приказал снять городских со всех постов. Таким образом, город был оставлен совершенно без охраны, и радостное настроение мгновенно переросло в грабеж винных магазинов. Уже к середине дня по всей Одессе начали возникать спонтанные стычки между отрядами еврейской самообороны и ликующим населением. Хулиганы принялись ловить и избивать евреев, а затем перешли к разгрому и разорению еврейских домов. В ответ отряды самообороны открыли беспорядочный огонь из револьверов. Нарушив распоряжение градоначальника, пристав вызвал роту пехоты, которая прекратила дальнейшие столкновения.

Утром следующего дня улицы заполнили толпы с иконами в руках и портретами государя императора. От громогласного исполнения «Боже царя храни» дрожали стекла в оконных рамах. Нейтгард знал, чем закончится подобного рода демонстрация, но, тем не менее, разрешил ее, и она прошла мимо канцелярии градоначальника, направляясь к собору. По всему пути

---

² Всеподданнейший отчет сенатора Кузминского о причинах беспорядков, происходивших в г. Одессе в октябре 1905 г., и о порядке действия местных властей. СПб.: Летописец, (1907) с.111-220

следования демонстрации еврейские лавки и магазины подвергались безжалостному разграблению. В ответ, засевшие на крышах бойцы самообороны стреляли по толпе из револьверов и несколько раз бросали самодельные гранаты. Одной из таких гранат было убито шесть демонстрантов. Каждый выстрел сопровождался звериным воем «бей жидов» или «смерть жидам» и вскоре манифестанты рассыпались по улицам и принялись разбивать еврейские магазины. Единичные случаи перешли в общий погром: все еврейские квартиры, попадавшиеся на пути, подвергались совершеннейшему разрушению. Имущество истреблялось, а евреи подвергались истязаниям, часто с особой жестокостью, независимо от пола и возраста. По свидетельству врачей, погромщики выкидывали детей со второго и третьего этажей вниз на мостовую, и, схватив за ноги, разбивали детские головки о стены. Отряды самообороны отвечали огнем из подворотен, окон, крыш.

Согласно безмолвному распоряжению Нейдгарта, полиция отсутствовала, изредка ходили патрули, но весьма неаккуратно. Полицейские чины, считая евреев виновниками политических смут, вполне сочувствовали совершавшемуся погрому и даже не считали нужным скрывать этого. Более того, во многих случаях полицейские в штатском платье, без блях и гербов, сами направляли толпу на разгром и грабеж.

20 октября погром не только не прекратился, но напротив, принял еще более ужасающий по своим размерам характер. Этому немало способствовало решение Нейтгарда вывезти из всех оружейных магазинов города запасы револьверных патронов, а имеющиеся у самообороны подошли к концу. Во многих кварталах еврейское население, вооруженное, чем попало: топорами, секачами, оглоблями, – оборонялось с такой решительностью и ожесточением, что совершенно отстояло свои улицы. Но в большинстве мест зверства нападающих превзошли все мыслимые размеры.

Погромщики продвигались к Мясоедовской, улице с наибольшей концентрацией еврейского населения, редкие выстрелы только раззадоривали толпу и, казалось, ужасы предыдущего дня и ночи будут превзойдены во стократ.

В этот момент вмешался Мастер. Вместе с двумя учениками он сумел перенаправить азарт толпы, выпустив несколько фантомов в виде полуголых убегающих девушек, и разделить ее на части. Волна зашипела и сошла на «нет», за квартал до Мясоедовской. И тогда, непонятно почему, Каульбарс приказал «принять самые решительные меры против громил, истреблять на месте всех без исключения грабителей, нападающих на дома, магазины и мирных жителей».

Три казачьи сотни рассыпались по Одессе, избивая нагайками всех без разбору, и спустя несколько часов порядок в городе можно было считать восстановленным.

Мастер умер под утро от обширного кровоизлияния в мозг. Та же участь постигла двух его учеников. Их похоронили вместе с жертвами погрома, указав фамилии на мемориальной доске. Один из «старых психов» помнил, что их фамилии были выбиты на мемориальной стеле под номерами 272, 273 и 275. Ради этих фамилий я и затеял поездку в Одессу.

– Прибыли! – Мотл повернул ключ и вытащил его из рулевой колонки. – Пошли на рекогносцировку.

«Ниссан» остановился возле хибары, покрытой рваным толем. В выемках небеленых стен чернела плесень. Дверь в хибару была открыта, и оттуда доносились бодрые голоса.

– Кладбищенские работнички, – отметил Мотл, – раньше это были нищие разбойники, а сегодня просто разбойники. Держи с ними ухо востро.

– Мотл! – на пороге хибары возник приземистый мужик в ватнике и черных, заляпанных цементом брюках. Резиновые сапоги покрывал толстый слой подсохшей грязи. – Работу привез, или просто в гости?

– Здорово, Мишаня. Пока просто в гости, – улыбнулся Мотл. – Вот гость из Израиля, надо родственника найти. Номер участка есть.

– Для психометриста услуга стоит всего десять долларов, – улыбнулся в ответ Мишаня. Глубокие складки над бровями разошлись, явив миру россыпь мелких прыщиков с белыми головками гноя. – А не для психометриста всего ... десять долларов. Тут у нас полное равноправие, коммунизм, можно сказать.

– Ладно, ладно, попробуем без тебя обойтись, – Мотл приглашающе кивнул мне головой и двинулся к задней стене хибары.

– Попробуйте, обойдитесь, – снисходительно процедил Мишаня и скрылся.

На задней стороне хибары висел огромный план. Даже неопытному глазу было видно, что устроители изо всех сил старались запутать такую, казалось бы, простую вещь, как нумерация могил. Рядом с первым номером почему-то находился сто двадцатый, а второй оказался в совершенно другой части кладбища. Помимо номеров могил существовали еще номера участков и линий. Все цифры кто-то старательно перемешал, а образовавшийся салат щедро рассыпал по плану, выбрав самый маленький шрифт и самый блеклую краску. Мишаня не зря снисходительно улыбался.

– Давай номер, – протянул руку Мотл. Я вложил в его ладонь бумажку с цифрами.

– Так, так, – замурлыкал Мотл, – так, так. Двадцать пять на ум пошло, двадцать два с ума сошло. Пошукаем, пошукаем...

Через несколько минут он облегченно вздохнул и ткнул пальцем в почти незаметный квадратик посреди куролесицы.

– Вот он, твой родственник. Захоронению лет пятьдесят, не так ли?

– Так. А как ты догадался?

– Элементарно, Ватсон! Хоть разбойники тут и намудрили, но определенный порядок все-таки есть. На этом участке хоронили после войны. Потом, только если членов семьи докладывали. Но в основном – после войны. Так что догадаться не трудно. Пошли?

– Пошли.

Кладбище начиналось через дорожку, покрытой потрескавшимся, изломанным асфальтом. На асфальте удобно расположились лужи: оконца холодной дождевой воды, цвета спитого чая. Перемытые ливнями, перевеянные ветрами могильные памятники густо поросли плющом, загрубевшим, словно проволока. Дождь кончился, и сквозь черные ветки деревьев на памятники смотрело небо.

Кладбище напоминало парк; заросли шиповника подходили к самой аллее – неширокой тропинке между рядами деревьев. Кроны переплетались, образуя шатер, и летом на кладбище царил уютный полумрак, нарушаемый проникающими сквозь листву желтыми столбиками лучей.

– Видишь эти домики? – Мотл ткнул пальцем в ряд бетонных саркофагов, действительно напоминающих маленькие дома.

– Тут раввинов хоронили. В первом ряду. Человек, когда мимо проходит, инстинктивно читает имя на памятнике, иногда вслух произносит. А каждое упоминание имени мертвого идет ему в заслугу.

Вот караимская часть, могилы в другую сторону развернуты. Евреев хоронят ногами к Иерусалиму; как Машиах придет, они сразу поднимутся и, не теряя секунды, в путь. А караимы перпендикулярно, им, наверное, в Крым топать, в Чуфут-Кале.

Черную землю под ногами хорошенько вымочил ливень. До полноценной грязи ей не хватило десяти минут дождя, но и в такой консистенции она скользила под подошвами ботинок и липла на каблук. Обходя лужи, в которых отражалось высокое голубое небо, мы осторожно шли по аллее. Неосторожный шаг мог закончиться падением, поэтому ногу приходилось опускать в три приема: сначала на каблук, вдавливая его в землю, затем плавно накатывать ступню и лишь в конце твердо упирать носок, давая возможность второй ноге начать аналогичное движение.

Мотл остановился возле огромного памятника из черного мрамора. С полированной поверхности самодовольно улыбался мужчина восточного вида. Изображение скопировали с фотографии с большой тщательностью, можно было различить складки кожи на двойном подбородке, волосы в расстегнутом вороте рубашки и узор на тяжелых перстнях.

– Тоже караим?

– Да нет, – усмехнулся Мотл. – Тут совсем другая история.

Прибежал ко мне мой учитель, «старый псих» Г.

– Пошли, скорее, – говорит, – поможешь ругаться.

Я еще не знал, что Г. занимался похоронными делами. Психометристов тогда хоронили на еврейском кладбище, вместе со всеми, это сейчас власти выделили отдельное. Кладбище есть, только хоронить почти некого.

Ну, да ладно, в общем, выскакиваем из дому, Г. ловит такси, и мы мчимся. По дороге выясняется, что заведующий еврейским кладбищем дал разрешение похоронить на нем цыганского барона. Г. просто трясло.

– Ладно, еще с евреями лежать, но с цыганами!

– А зачем барону понадобилось еврейское кладбище? – прерываю я рассказ Мотла. – Других разве мало?

– Христиане в его глазах язычники, поклоняются изображению, у евреев с этим все в порядке.

Короче, примчались мы на квартиру к заведующему, Г. ворвался к нему в дом, словно сотня разъяренных чекистов. Но после первых же трех фраз его накал исчез.

– Я жить, жить хочу, понимаешь, – со слезами на глазах объяснил заведующий. – Они пришли целой бандой, и пачку денег на стол. Я – ни в какую, не положено, говорю. Тогда один из них, вертлявый такой мальчишка, наглый, наглый подонок, через стол перегнулся, и нож прямо к горлу приставил.

– У тебя, – говорит, – дядя, два выхода. Либо деньги взять и жить красиво, либо вместе с нашим бароном лечь.

– Вот ты бы, что сделал на моем месте, а? Что бы ты сделал?

– Я бы никогда не оказался на твоём месте, – ответил Г.

Мотл похлопал рукой по мрамору.

– Вот так здесь очутился барон. А за бароном потянулись родственники барона, друзья барона, и вообще весь табор. Короче, тут теперь целое цыганское отделение. Если рядом хоронят еврея, я советую родственникам делать высокую ограду. Тогда получается вроде отдельного кладбища на одну могилу, а не общее с цыганами.

Мы свернули в боковую аллею. Постепенно удалился и заглох звук машин, несущихся по дороге перед кладбищем. В наступившей тишине прорезалось домашнее уханье голубей. Изредка простуженными голосами каркали вороны. С вершины ржавой сосны покрикивала горлица: «Будет ли так? Будет ли так?»

Земля жадно чмокала под ногами. В психометрических книгах написано, что человек обязан иногда приходить на кладбище и в больницу просто так, без всякого повода. Заботы и хлопоты жизни часто искажают масштабы, второстепенное начинает казаться главным, мелкие неурядицы быта представляются проблемами вселенского размера. Алчное чавканье кладбищенской земли сразу обнуляет шкалу.

– Мотл, – я давно собирался задать этот вопрос, но все поджидал удобного повода, – Мотл, расскажи, как готовят тело к захоронению.

– Интересно, да? – усмехнулся Мотл. – Хочешь знать свое будущее?

– Да, хочу, – признался я.

– В общем-то, процедура весьма тривиальна. Я совершаю ее, уже не чувствуя, чем занят. Привычка задушила страхи. Помнишь, написано: «рука, которая мало трудится, всего чувствительней».

– Нет, не помню. А где написано?

Мотл приподнял брови.

– Где написано... М-м-м... Э-э-э... И я не помню. Ну, не важно.

По нашим правилам, женщины обмывают мужчин и женщин, а мужчины только мужчин. Живет на Пересыпи бабуля, еще из компании Г. Пока она тянет, есть кому женщин готовить, а потом – даже не знаю, что делать. Надо смену растить, но нынешние психометристки хороши только для разговоров. Вот, – он бросил на меня лукавый взгляд – сходить лекцию послушать, чай по твоему рецепту сготовить, это да, это – пожалуйста.

– Мотл, ты утрируешь. Есть большой зазор между упражнениями по психометрии и омоложением покойников.

– Нет никакого зазора. Если психометрия – правда, то любой ее пунктик, самая грязная работа, хороши и прекрасны. Ну, да ладно, я отвлекся. Короче, раздеваешь болезного, выпрямляешь члены, насколько возможно, не силой, конечно, поскольку ему больно.

– Кому, покойнику?

– Понятное дело. Не так, как живому, но что-то он чувствует. Пока могила не засыпана, душа вертится вокруг тела, не может расстаться. Ну, вот, распрямляю руки, ноги, стригу ногти, потом начинаю мыть. Беру тазик с теплой водой, мочалку, и вперед. Голова, шея, грудь, полощу рот. Затем правая рука, живот, правое бедро и нога. За ними левая рука, левое бедро, нога, то, что между ногами. В конце переворачиваю на живот, мою спину. Вытираю насухо, укладываю в саван и в последний путь!

– А когда нечистоты выдавливаешь?

– По нашей традиции, этого не делают. Так принято у венгерских и польских психометристов. Спор состоит в том, как наиболее уважительно отнестись к покойнику: похоронить его вместе с кашками или предварительно почистить, правда, причинив ему некоторое неудобство.

– Но как такое можно сделать?

– Я когда учился в Иерусалиме, попал на «венгерскую» команду. Процедуру они проделывали чрезвычайно лихо. В задний проход вставляют пластиковую трубку и вдвигают ее довольно глубоко, двое поднимают ноги покойника, а третий таким специальным движением давит на живот. Вся начинка пулей вылетает. Затем в трубку заливают воду, несколько раз, пока все не очистится. Под конец старший по смене подставляет ладонь, собирает воду и показывает двум свидетелям, что она чиста.

– Прямо так, голую ладонь? Б-р-р!

– Сегодня работают в перчатках, но высший шик – все делать голыми руками. Говорят, будто прикосновения живых пальцев успокаивают душу покойного.

– А ты? – я покосился на руки Мотла. – Ты работаешь по высшему разряду?

Мотл усмехнулся.

– Пока еще нет. Тут нужна абсолютная уверенность в правильности миссии. Тогда с тобой ничего не случится. Г. меня сразу предостерег:

«В каждом деле есть свой форс. Очень скоро тебе покажется, будто ты уже всему научился. Не забывай, мертвое тело – рассадник страшной заразы, но повредить она может только тому, кто подходит к работе с нечистым сердцем. Если твоя цель – выполнение миссии, можешь ничего не опасаться. Но пока ты в себе не уверен на сто процентов, оберегайся, как можешь».

Мотл остановился возле едва заметного столбика у края аллеи:

– Однако приехали. Вот наш номер участка. Давай искать.

Минут пятнадцать мы рыскали между могилами. В основном, это были старые, покрытые лишайником надгробья. Лишайник напоминал застывшую бронзу, случайно пролитую из гигантского котла. Высоко, в косых лучах осеннего солнца, перепархивали с ветки на ветку голуби. Поиски ни к чему не привели.

– Не может быть, я ведь точно рассмотрел! – Мотл хлопнул руками по бокам. – Придется возвращаться и проверять.

Делать было нечего. Мы вышли на главную аллею и двинулись по направлению к выходу. Сзади раздался страшный треск. Из-за поворота аллеи вырулил Мишаня на допотопном мото-роллере, догнал нас, лихо затормозил и заглушил мотор.

– Ты так всех покойников распугаешь! – укоризненно покачал головой Мотл. – Купи себе нормальный транспорт, денег, что ли, не хватает?

– Денег всегда не хватает, – философски заметил Мишаня, – а покойники далеко не убегут. Ну, как, нашли родственничка?

– Ждем твоей помощи, давай, подключайся.

Мишаня взглянул на меня и затянул свою песенку:

– Для одесситов и гостей нашего города цена за установление места захоронения чисто символическая, десять долларов в американской валюте. Принимаются также украинские гривны и английские фунты стерлингов.

– Ну, уж и символическая, – перебил его Мотл, – десять долларов – половина пенсии. Ищи другие уши для своей лапши.

– Человек, – Мишаня поднял вверх указательный палец – уважает лишь то, за что платит деньги. Я помогаю людям ценить свою мать, дорожить отцом. На этом кладбище лежат дельцы, оставившие после себя миллионы, и бедняки, похороненные за счет «собеса». А цена всем одна – десять долларов!

– Такое красноречие само по себе стоит денег! – я вытащил из кармана кошелек. – Веди нас, могильщик!

– Номер пожалуйста, – деловито осведомился Мишаня. – Сначала работа, потом доллары. Я достал бумажку и прочитал номер.

– Так оно же рядом, – покачал головой Мишаня. – Как же вы не нашли!

Он пересек аллею и ломанулся в гущу кустарника. Несколько минут Мишаня с хрустом продирался сквозь сухие ветки, оставляя за собой подобие тоннеля.

– Во, нашел, сюда идите, – закричал он.

– Как это сюда, – возмутился Мотл, – там же другая линия.

– Когда родственника хоронили, после войны, да? С тех пор, сколько лет прошло? Еще одну линию достроили.

– Номер моя мама записывала, пятнадцать лет назад, – вмешался я. – Тогда этой линии не было.

– Пятнадцать лет, – тоже немалый срок. – Мишаня выбрался из тоннеля, отрусил ватник и вопросительно поглядел на меня.

– А почему же вы план не обновляете, – рассердился Мотл. – Специально людей путаете, а потом деньги берете?

– Я за план не отвечаю, – спокойно сказал Мишаня, – за план ты с директором разговаривай. А для спокойствия пей зеленку по вечерам, чтобы вавочки в голове зажили.

– Да вы, небось, в доле, – не утихал Мотл, – делитесь!

– Не шуми! – укоризненно произнес Мишаня. – Такой момент портишь! Человек изда-лека приехал, из-за моря, кучу денег на билеты извел. Когда еще он сюда попадет – неизвестно. Дай ему спокойно у могилы постоять! А ты все о деньгах, да о деньгах – о вечности подумай!

Своей тирадой Мишаня меня рассмешил. Я открыл кошелек и достал десять долларов.

– Спасибо!

– И тебе спасибо. Может, за могилкой присмотреть надо, побелить там, цветочки весной посадить, так это тоже недорого.

– Спасибо, спасибо, – вмешался Мотл, – я разберусь.

– Ну, разбирайся, болезный. А я к себе поеду. Ежели чего, знаешь, где искать.

Мишаня оседлал мотороллер. Двигатель несколько раз чихнул, потом, словно обрадовавшись, затрещал так, что впору было затыкать уши. Мишаня приветственно махнул рукой, дал газ и укатил.

Я втиснулся в тоннель и, цепляясь курткой за сучья обломанных веток кустарника, подошел к могиле. Невысокое надгробие, изначально серого цвета, потемнело от времени. Углы оплел мох, на лицевой плите пятнами благородной патины расцвел лишайник.

– Это мой прадедущка, Хаим-Дувид. Психометрист, всю жизнь проработал краснодеревщиком. Я его не помню, он умер почти сразу после моего рождения.

– Ю-ю!! – воскликнул Мотл. – Так ты правнук Краснодеревщика! А молчишь, как сирота казанская. Теперь понятно, почему тебя взяли в отдел «железной кровати».

– Мотл, не провоцируй! Дай постоять спокойно.

Мы не беседуем с мертвыми. Собственно говоря, беседовать на могиле не с кем, душа давно ушла и возвращается только раз в год, в день смерти, да и то ненадолго. Но есть на могилах больших людей скрытая нота, тонкий голос тишины. Если к нему прислушаться, узнать, войти в унисон, то заслонка на сердце может чуть-чуть повернуться.

Минут через пятнадцать я нарушил тишину:

– Так ты слышал о моем прадеде?

– Еще бы! Мне о нем «старые психи» сказывали. Известный человек был, только очень закрытый, на версту к себе никого не подпускал, лишь самых-самых. Г. к нему хаживал.

– Я почти ничего о нем не знаю. Несколько семейных историй, две старые фотографии. По словам бабушки, его сильно мучили головные боли. Она часто делала ему контрастные компрессы.

– Г. говорил, будто во время погрома девятьсот пятого года Краснодеревщику угодила в голову шальная пуля. Другого бы на его месте давно похоронили, а он выжил.

– Да, бабушка рассказывала. У него на темени образовалось углубление, в котором помещалось голубиное яйцо.

– Кстати, тут неподалеку есть Мемориал жертвам погрома девятьсот пятого года. Подойдем?

– Конечно!

Вот так удача, Мотл сам вышел на нужную тему. Меня явно ведет, все складывается, как надо. Значит, я на верном пути!

Мы выбираемся из тоннеля и по аллее продвигаемся в глубину кладбища.

– Да, о «железной кровати». Знаешь, Мотл, чему психометристы уподобляют заслуги отцов?

– Откуда мне знать? – Мотл изображает смущение. – Знаете ли вы украинскую ночь? Конечно, нет! Мы и слов таких никогда не слышали.

– Не кривляйся, а слушай, тогда знать будешь. Заслуги отцов – это ноль. Если ты единица, они делают из тебя десятку, если ты десятка, превращают в сотню. Но если ты ноль, никакие заслуги тебе не помогут.

– У меня всегда было сложно с математикой, – улыбается Мотл. – Но мы уже пришли.

Мемориал находится прямо у забора, в дальнем конце кладбища. Выстроенные полукругом огромные плиты базальта выгораживают из плотно заселенной территории небольшую площадь. Посреди полукруга портал, напоминающий арон-хакодеш в синагогах. Слева и справа от него к базальтовым плитам прикреплены мраморные доски с фамилиями. Мое сердце екает. Вот оно.

Из первых уроков психометрии, преподанных мне отцом, лучше всего я запомнил случай на трамвайной остановке. Стояла промозглая одесская зима, студёный морской ветер с лёгкостью продувал пальто и два свитера, заботливо надетые на меня мамой. Я весь дрожал от холода и поминутно озирался, когда же придет нужный трамвай. Вагоны следовали один за другим, но наш почему-то запропастился. Отец страдал от холода не меньше моего, но виду не подавал. Более того, он ни разу не обернулся на шум приближающегося трамвая. Когда я совсем извелся, он прижал меня к себе и сказал:

– Из-за того, что ты прыгаешь, точно зайчишка, трамвай быстрее не придет. И оттого, что вертишь головой, будто пропеллером, номер вагона не сменится на нужный. Стой спокойно и жди. Космос тебя проверяет, а Космос не любит суеты. Как только ты успокоишься, трамвай сразу появится.

Я был послушным мальчиком и очень верил отцу. И трамвай действительно пришел через несколько минут.

Все мое детство прошло под пристальным взглядом отца. Полученную от мамы шоколадку я никогда не мог съесть сразу, а лишь после полуторачасового вылеживания на видном месте, перед моими глазами. Подарки ко дню рождения несколько дней хранились на полочке в трюме. Дверцы трюма не запирались, и я мог совершенно безнаказанно забрать подарки или, развернув, хотя бы поглядеть на него. Но такого я ни разу не сделал.

Двести семьдесят второй номер должен был оказаться во второй половине досок, слева от портала. Я спокойно двинулся к правой части и начал медленно обходить доску за доской, скользя глазами по списку фамилий.

– Ищешь кого-то? – спрашивает Мотл.

– Да, ищу. Может, встречу знакомую фамилию. Я ведь много времени просидел в архивах и знаю наизусть истории десятков людей.

Напротив портала я остановился и постоял с минуту, вслушиваясь. Пусто. Здесь ничего нет, просто камни.

Не спеша перехожу к левой части и медленно двигаюсь по дуге. На каждую доску помещается двадцать фамилий, значит, мне нужна четырнадцатая, вот она, двести семьдесят... оп-па-па, как же так, 272-ой, 273-ий и 275-ый номера пусты. Вопросительно смотрю на Мотла.

– Видишь ли, Мемориал переносили, при перевозке несколько досок раскололось, их восстанавливали. То ли на них с самого начала ничего не было, то ли восстановить не сумели, кто теперь знает. А вообще на стеле 19 пустых номеров.

– Это случайность или нечто большее, чем случайность? Кто бы подсказал?

– Никто не подскажет. Тут глубоко в архивы зарываться надо. Ты же спец по бумажным делам, давай, займись.

– Я?

– Да, ты. Я тебя выбираю.

Медленно бредем к выходу. Мотл откровенно меня рассматривает. Наверное, разочарование слишком явно написано на моей физиономии. Надо сменить тему.

– Мотл, получается, реб Арье-Лейб вместе с Исааком Эммануиловичем сживали на этом самом заборе?

– Реб Арье-Лейб сживал только на литературных заборах, а вот Бабеля тут никогда не было. Кладбище, которое он описывает, давно снесли. На его месте теперь тигры рыщут и змеи ползают.

– Шутишь?

– Абсолютно серьезен. Зоопарк там построили. Еще до войны...

На звук заведенного мотора из хибары появляется Мишаня.

– Отбываете?

– Не видишь? – Мотл отворачивается и начинает потихоньку сдавать задним ходом. – Хоп!

– Ну, ты того, передавай привет Святой земле, – вдруг произносит Мишаня. – От одеситов и гостей нашего города.

«Ниссан» выскакивает на шоссе, Мотл круто разворачивается и дает газ. Краем глаза я успеваю заметить как Мишаня, стоя в проеме кладбищенских ворот, в знак прощания поднимает руку.

Общество психометристов располагается в том же самом здании, где оно находилось до революционной страды начала прошлого века. Мне его еще отец показывал.

Деньги на постройку собирали несколько лет. Обращались к психометристам Москвы и Петербурга, писали в Ригу, Варшаву. Каждая семья в Одессе дала несколько грошиков. В девятьсот первом строительство завершилось, и Общество переехало в новое здание. Сразу открылись десятки кружков, заработала редакция газеты, пошли разговоры об открытии начальной школы с психометрическим уклоном... Все прахом пошло, пеплом развеялось.

В середине двадцатых в здании размещалась агитбригада «Синяя блуза», затем училище культпросвета, а после войны – станция телефонного прослушивания известного комитета. С началом перестройки психометристы обратились во все мыслимые инстанции, и невозможное свершилось: здание вернули вновь учрежденному Обществу.

– Я своими руками выметал ГБ-шный мусор! – гордо произнес Мотл, паркуясь во дворе, перед фасадом здания. – Они, по злобе, только что по углам не нагадили. Но все равно пришлось убираться; собрать свою аппаратуру и очистить помещение.

Стены здания, сложенные из камня-ракушечника, почернели от соленого ветра и горечи времени. Мы заходим вовнутрь, и на меня обрушивается вал запахов. Израиль молодая страна, в ней почти нет старинных жилых зданий, а те, что сохранились, внутри полностью переделаны на современный лад. Я успел позабыть, как пахнут деревянные, потрескавшиеся рамы, наслоения старой краски на стенах, потертые обои, древние канализационные трубы. Запахи столетнего людского проживания, сливаясь вместе, создают особый, ни с чем не сравнимый аромат. Так пахли дома, в которых я жил в Одессе и куда ходил в гости к друзьям, так пахло в детском садике, на Спиридоновской, и в 26-й школе, на Старопортофранковской. Прошлое обрушилось на меня, навалившись внезапно, словно рысь с ветки.

Впервые увидев Веру на сцене во Дворце студентов, я онемел. Сначала онемел, а потом воспламенился, как сигнальная ракета. Шуму и треску я наделал не меньше, и скоро все знакомые знали о моем увлечении. Всерьез к нему никто не относился, Вера была на 8 лет старше меня, успела побывать замужем, родить дочь, развестись, закончить консерваторию. До нее слух о моей страсти долетел на второй день, вернее, я постарался так организовать ход нескольких бесед, чтобы слова, якобы сказанные в разгаре чувств, оказались переданными адресату.

Разыграв перед нужными людьми роль безутешного влюбленного, я очень скоро получил номер телефона и адрес. Впрочем, играть эту роль не представляло труда, она полностью совпала с моим настроением.

В один из вечеров я поднял трубку. Самым трудным было набрать номер. Услышав ее голос в телефонной трубке и произнеся несколько фраз, я, неожиданно для самого себя, успокоился. Во мне вдруг включился психометрист, и ситуация предстала ясной, будто фишки на картонном поле детской игры. Ослепительная на сцене, Вера оказалась весьма слабым противником, через пять минут разговора она полностью очутилась в моей власти.

Мы начали встречаться. Вначале тайно, чтобы не шокировать знакомых, затем открыто. Главным барьером для меня оказалась ее маленькая дочь. Вера постоянно держала ее рядом с собой, как теперь я понимаю, абсолютно намеренно. После замужества она старалась пристроить девочку кому угодно, лишь бы остаться свободной на несколько часов, но в пору моих ухаживаний ребенок вертелся вокруг нее, словно привязанный коротким поводком.

Я, сам еще не повзрослевший мальчишка, относился к девочке как ровня, мы были из одной группы, а Вера, принадлежала к другой – она уже стала родителем, а мы оставались детьми. Точку моего внезапного повзреления я помню совершенно точно. Перелом возрастов произошел в детском садике, куда мы с Верой зашли после репетиции.

Вера держала девочку в ночной группе, ребенок всю неделю жил в садике, отправляясь домой лишь на выходные. В этот раз, видимо, из-за меня, Вера решила забрать ее посреди недели. Мы пришли в садик около восьми вечера. Он располагался на первом этаже старого дома, занимая две объединенные квартиры. Дверь оказалась не запертой, и мы тихонько вошли в прихожую. В садике было тихо, несколько детей понуро сидели в разных углах большой комнаты, торжественно именуемой залом. Девочка, не заметив нашего прихода, сидела, окруженная куклами, и рассказывала им свою историю.

– Они меня все время спрашивают: где твой папа, где твой папа? А потом смеются: нет у тебя папы. За всеми папы приходят, а за тобой нет. А вот и не правда! Так не бывает, у всех деток есть мама, и есть папа. И у меня был. Хороший, добрый, большой папа. Его на войне немцы убили.

Куклы, сгрудившись в кружок, молча слушали историю, и в их поцарапанных глазках стояли настоящие слезы.

Несколько минут я не мог говорить, а потом понял: для этой девочки отцом стану я.

Подробности той сцены давно исчезли из моей памяти, остались только две: поцарапанные глазки кукол и запах садика, очень похожий на запах в Обществе психометристов.

Мы слегка задержались на кладбище, и народ успел собраться. Полный зал, человек около ста. Мотл усадил меня за маленький столик на сцене, произнес несколько слов и скрылся. Народ смотрел во все глаза, напряжение взглядов ощущалось почти физически. Лора и Таня сидели в первом ряду и глядели на меня так, будто я за время экскурсии по Музею ухитрился утащить половину полотен и сейчас начну объяснять, как мне удалось такое проверить.

Я использовал старый, отработанный прием: извлек из кармана колокольчик, поднял его над головой и несколько раз позвонил, перемежая звонки длинными паузами, а затем осторожно поставил его посреди стола. Пока зал заинтриговано рассматривал звонилку, я спокойно прозондировал поле. Ну-ну, не «Общество психометристов», а сплошной детский сад! Только из угла, в котором укрылся Мотл, доносилась мощная пульсация.

Я задал эмоциональную составляющую, вбросил ее в зал и начал лекцию.

Вообще-то говоря, в ящичках моей памяти уложено больше двадцати всякого рода лекций, и я, в зависимости от обстоятельств и аудитории, извлекаю наиболее подходящую. Сегодня мне представилось наиболее разумным поговорить о психизме вещей. Я начал с цитаты из работы известного одесского психометриста Ш.

«Каждая, как одушевленная, так и неодушевленная вещь, включает в себя определенную, связанную с ней, сумму психического содержания, прямого или символического, имеет определенную психологическую насыщенность, иная большую, иная меньшую. Все это невидимые и осязаемые флюиды, оставляемые нами на вещах. Окружающие предметы не индифферентны, не пассивны, как на первых порах может показаться, а всегда наталкивают нас на определенные мысли, поступки, действия».

Еще не закончив цитировать, я заметил, как Таня заерзала, словно укушенная комаром. Она явно хотела что-то вставить или добавить к моим словам, но сидевшая рядом Лора несколько раз сердито дернула ее за рукав.

Примеры, поясняющие психометрические правила, я всегда выбираю из области, понятной и близкой аудитории. Учитывая специфику места, я взял для иллюстрации стихотворение Пушкина «Храни меня, мой талисман». И вот тут-то меня ожидал сюрприз. В середине лекции Лора все-таки не смогла сдержать Таню, та подскочила, словно чертик из табакерки, и выпалила несколько фраз, которые мне кажутся вполне достойными упоминания. Но лучше все изложить по порядку, тем более, что пример со стихотворением Пушкина я еще нигде не записал, и это хорошая возможность изложить его на бумаге.

Храни меня, мой талисман,
Храни меня во дни гоненья,
Во дни раскаянья, волненья:
Ты в день печали был мне дан.

Когда подымет океан
Вокруг меня валы ревучи,
Когда грозою грянут тучи,
Храни меня, мой талисман.

В уединенье чуждых стран,
На лоне скучного покоя,
В тревоге пламенного боя
Храни меня, мой талисман.

Священный сладостный обман,
Души волшебное светило...
Оно сокрылось, изменило...
Храни меня, мой талисман.

Пускай же в век сердечных ран
Не растравит воспоминанье
Прощай, надежда; спи, желанье;
Храни меня, мой талисман.

Замечательные строфы! Сколько интеллигентов знали их наизусть, носили в своем сердце. Можно, без преувеличения, сказать, что они запали в душу нескольких поколений, то есть, стали частью этой коллективной души. Подобно тому, как продукты, которые мы употребляем в пищу, превращаются в наше тело, так и духовные ценности, отлагаясь на сердце, вкрапляются в сияющую корону души и становятся уже не телом, то есть чем-то невероятно близким к личности, но, все-таки, еще не личностью, а проникают еще глубже, превращаясь в нас самих. На какие же «мысли, поступки, действия» наталкивают нас эти прекрасные строфы? Чтобы разобраться, попробуем восстановить историю их написания.

В 1823 году опальный поэт томился в Кишиневской ссылке. Пыльный, маленький городишко, пропахшие щами гостиничные номера, хлопанье разохшихся дверей, наглые жидовские петухи, ни свет, ни заря горлающие под окнами, и полное отсутствие благородного общества. Спасение пришло, откуда не ждали: просвещенный губернатор Малороссии, граф Михайла Воронцов, узнав о бедственном положении поэта, вытребовал его к себе в Одессу.

А в Одессе, в Одессе пошла совсем другая жизнь! Губернатор определил Пушкина в чиновники, обязанностей почти никаких не назначив, а жалованье положив приличное. В городе представлял театр, выходили газеты, почти каждый день приходил корабль из-за моря, принося вместе с горькими налетами соли на мачтах, книги, новости, слухи.

Да и публика в городе собралась не чета кишиневской – было с кем поговорить. В довершение прочих благ Воронцов ввел поэта в свой дом, разрешил пользоваться библиотекой и познакомил с женой, красавицей Елизаветой Ксаверьевной.

Пушкин с детства верил в счастливые неожиданности, ждал их. К сожалению, это ожидание почти ничего, кроме горечи, не приносило. Но на сей раз ему действительно повезло: блистательная графиня почти сразу откликнулась на его любовь. Тринадцать месяцев пролетели как одно мгновение, если кто и омрачал настроение Александра Сергеевича то, разумеется, сам граф Воронцов. Обманутый муж смешон, особенно когда он пытается компенсировать поражение на амурном фронте излишним служебным рвением, и Пушкин пишет свою знаменитую эпиграмму:

Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что

Долго ли, коротко ли, но, как часто бывает в пылу грешной активности, Елизавета Ксаверьевна вдруг забеременела и в отчаянии призналась во всем мужу. Мрачные подозрения, которые губернатор изо всех сил гнал от сердца, оказались еще более мрачной действительностью.

Властью в Новороссии Воронцов пользовался практически безграничной. Самое быстрое средство сообщения на тот момент – перекладные, везли депешу в Петербург почти две недели, и столько же обратно, таким образом, верховная власть, включая тайную полицию, принадлежала губернатору почти бесконтрольно. Сделать он мог с поэтом многое; во всяком случае, помимо официальных способов наказания, всесильный губернатор мог, отправив Пушкина в командировку, легко инсценировать нападение разбойников или другой, трагический случай. Просвещенный правитель Михайла Воронцов просто выслал поэта на его родину, в Михайловское.

Прощаясь, графиня подарила любовнику перстень. Надпись на перстне была на непонятном языке, и в сочетании с романтической обстановкой дарения, перстень немедленно приобрел в воображении поэта статус талисмана. Долгими зимними вечерами в Михайловском, под завывание ветра в печной вьюшке, Александр Сергеевич часами разглядывал перстень, вспоминая ласковое море, теплые берега Одессы и мягкие губы Елизаветы Ксаверьевны. Так родилось стихотворение.

Любопытно, что спустя много лет, оказавшись в любовном треугольнике на месте графа Воронцова, Александр Сергеевич повел себя далеко не так благородно. Дантес оказался более удачливым стрелком, ему повезло больше, чем Пушкину. Но если два человека добровольно подходят к барьеру с заряженными пистолетами в руках, убийцей можно назвать каждого, просто одному повезло больше, а другому меньше.

Прогрессивная общественность гневно осудила Дантеса. «Не мог он знать, в тот миг кровавый, на что он руку поднимал!». Как это не мог? На обманутого мужа, на роконосца, коих так много было на жизненном пути Александра Сергеевича. Но общественность судит не по законам правды и справедливости, ее понятия добра и зла постоянно меняются, в зависимости от объекта приложения. Окажись застреленным Дантес, вряд ли бы сегодня кто-то, кроме историков, знал о существовании такого человека.

Именно с этой дуэли в русской культуре началось отождествление понятий «поэт» и «трагедия». «Поэт – тот, кому стреляют в живот», – подвела итог Марина Цветаева, окончательно укутав образ стихотворца флером жертвенности и мученичества.

Но какие же тайна и урок заключены в обстоятельствах гибели Пушкина? Нет, ему не была дарована смерть во искупление, смыывающая из памяти людской грязное пятно соблазнителья, он был убит, будучи обманутым и обиженным, до конца испив чашу унижения и муки, которую сам столь часто подносил другим.

Называя вещи своими именами, приходится признать, что поводом для написания замечательного стихотворения «Храни меня, мой талисман» послужили предательство, черная неблагодарность, супружеская измена и рождение байстрюка.

Сумма психического содержания таких строф, способна оказать весьма неблагоприятное воздействие на душу человека, прилепившего их к своему сердцу. Психометристы, которые проникли до самых глубин души, весьма отрицательно относятся к поэзии, считая ее набором мусора и грязи под красочным фасадом благозвучия. Их диагноз в точности совпадает с признанием Анны Ахматовой: «когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда». Да, Анна Андреевна, теперь и мы знаем».

В этот момент Таня сорвалась с места и взволнованно заговорила, почти срываясь на крик.

– Но почему у вас всегда так: если хвалите кого-то, то без имени, а коль ругаете, даже отчество не забываете упомянуть! Ваш таинственный психометрист Ш. – это же профессор Евгений Александрович Шевалев, выдающийся одесский ученый, внесший огромный вклад в развитие медицинской науки. Не стесняйтесь, называйте, называйте имена достойных людей!

Она перевела дух и оглядела аудиторию. Публике всегда нравится конфликт между докладчиком и слушателем, поэтому Таня обнаружила в зале сочувствие и понимание.

– И про Пушкина ваша теория давно устарела. Ее Семен Гейченко придумал, директор заповедника «Михайловское-Тригорское», чтоб деньги под реставрацию получить. Понимал человек как крепко музейное дело мифами да легендами сшито! Для денег он и придумал «живого Пушкина». Так и говорил:

– Мы сделаем музей, посвященный человеку, а не памятнику!

И собрал вместе все мифы и враки про похождения Александра Сергеевича. Ни один партийный бонза не смог отказать, все подписали под незаконнорожденных детей и адюльтеры.

А потом Гейченко издал буклет «Потомки Пушкина», в котором к пушкинским детям причислялась Софи Воронцова. С тех пор и покатила эта грязь по свету. Мертвого легко обидеть, даже если он великий. Пушкин вам уже не ответит, и вы пользуетесь его молчанием, некрасиво пользуетесь...

Голос сорвался, Лора рывком осадила Таню, прижала к себе, начала гладить по плечам. Аудитория зашумела, заволновалась. Пришлось успокаивать.

– Да, вы правы, это действительно профессор Шевалев. Называть всех своими именами легко сегодня, но двадцать лет назад психометриста Ш. могли уволить за причастность к нелегитимному движению, а сорок лет назад могли и посадить. Движение психометристов существует очень давно, были в его истории приливы любви со стороны властей и периоды преследований. Никто не знает, что принесет завтрашний день. Поэтому мы предпочитаем использовать сложившуюся веками практику и называть друзей по первой букве имени. И понимающий – поймет.

Кроме того, какая вам разница, кто автор приведенной мысли – Евгений Шевалев или, скажем, Ишягу Гиссер? Вас интересует мысль или личность автора? Другое дело, если вы пишете биографию Шевалева. Так вы пишете биографию Шевалева?

Я пристально посмотрел на Таню и замолк. Взгляды всей аудитории устремились на нее. Выдержать такое давление не просто, и Таня тут же сдалась.

– Нет, – ответила она уже нормальным голосом, – я не пишу биографию Евгения Александровича.

– Вот и прекрасно. Тогда вернемся к Пушкину. Я благодарю вас за интересную гипотезу, но мои данные взяты из статьи, подробно исследовавшей воронцовскую «love story» – «Храни меня, мой талиман...» Т.Г.Цявловской. Впервые статья была опубликована в 1974г в альманахе «Прометей» и наверняка уже не раз переиздавалась, особенно к 200-летию поэта. Уже по названию можете судить, что Цявловская считала, будто кольцо подарено Воронцовой, но какое именно кольцо – не вполне ясно... Впрочем, так ли важен наш спор? Речь, в конце концов, идет не более чем о частном примере, иллюстрирующем общее правило. Если вам не по душе этот конкретный случай, я могу привести другой.

Напряжение спало, и я продолжил лекцию. В конце, как всегда, оказалось много вопросов, потом народ долго не расходился, толпясь у выхода, разбиваясь на компании. Понятное дело; после такого рода лекции трудно спокойно уйти домой, общение хочется продолжить, если не с лектором, то хотя бы, с друзьями.

– Поднимемся, попьем чаю? – на правах хозяйки предложила Лора. – У меня кабинет на втором этаже, пока все разойдется, посидим в узком кругу...

К сожалению, пришлось отказаться. Сегодня был длинный день, я устал и порядком проголодался. Гостиничный номер с чайником и домашними припасами привлекал меня сильнее любого общения. Аккумуляторы надо вовремя подзаряжать, не дожидаясь кризисов.

Здание Общества находится в десяти минутах ходьбы от гостиницы. С провожатыми пришлось распрощаться вежливо, но твердо.

– Я позвоню часа через два, – Мотл все понял сам. – Уточним план на завтра. Хоп!

Что за чудо, этот Мотл!

Над Одессой качался легкий дождь. Он шуршал в кронах платанов, едва слышно постукивал в витрины дорогих магазинов, шептался с асфальтом. Я поднял воротник куртки и осторожно зашагал к гостинице. Холодный воздух освежал разгоряченное лицо. Огни проезжающих машин дробились в маленьких лужах на тротуаре, глубокий воздух осени влажно щекотал ноздри. Мне было хорошо. Просто хорошо, без объяснений. Впервые за последние годы.

В гостинице проскочил поскорее мимо охранников, усталой блондинки на страже, в лифт, и в номер. Лист от подлodka я утром не выключил, и в номере стояла приятная теплынь. После такого дня самое главное – горячий, крепкий душ, все остальное – потом. Ванна сияла, из горячего крана лился настоящий кипяток, зеркало перед умывальником сразу запотело. Много с себя надо смыть, выступления перед большой аудиторией всегда оставляют паразитов на поле, ну, и кладбище, само собой, тоже не пустое место.

Пока закипал чайник, я проделал несколько упражнений, достал из чемодана припасы. Заварил чай, разложил еду на столе и замер на несколько минут. Глаз ест, глаз пьет. И не меньше, чем желудок. Пусть сначала насытится зрение.

После ужина, спокойно откинувшись на спинку кресла, я прокрутил в памяти прошедший день. В детстве отец требовал перечислить вслух все события и следил, не забыл ли я упомянуть даже самую мелкую мелочь. Такая «пробежка» давно превратилась в привычку, и, если она мне не удастся, я плохо сплю и просыпаюсь с дурным настроением.

Итак, мне было хорошо. Почему? Когда плохо, мы не забываем повторять этот вопрос, но, когда жизнь на каком-то отрезке складывается удачно, спросить: а почему, собственно? – нам даже не приходит в голову. Человек существует с изначальной претензией на благополучие, претензией, ни на чем не основанной и ничем не заслуженной, если вообще предположить, что хорошую жизнь можно снискать страданиями или приобрести болезнями.

Опытный психометрист научен с большой осторожностью и вниманием относиться к реакциям организма. Дело в том, что мозг не в состоянии осознанно переработать весь вал

катящейся на человека информации и подавляющую часть перемалывает в подсознании, выдавая решение на капитанский мостик в виде эмоции: нравится – не нравится. Наши симпатии и антипатии вовсе не случайны, они – результат тщательнейшего анализа событий и проверки на соответствие уже приобретенным привычкам и вкусам. Мы мудрее, чем о себе думаем.

Итак, мне хорошо. На уровне разума я не нахожу для этого серьезных причин; моя ситуация несколько не улучшилась за прошедший день. Даже наоборот, ухудшилась. Но на сердце легко. Значит, все-таки произошло нечто, чего я пока не уловил, и это «нечто» – сильно в мою пользу. Ладно, сяду писать дневник, возможно, соображу.

Звонок телефона, напоминал треск древнего будильника Чистопольского завода. Я уже отвык от таких беспощадных звуков: западные телефоны и будильники стараются разбудить, но не напугать. А тут – старый барабанщик какой-то! Мотл на проводе.

– Оклемался, болезный? Чай пьешь, систему прокачиваешь?

– Уж больно ты догадостный! Часом не Мастер?

– Конечно, Мастер, Мастер похоронных дел! Есть такая профессия, родину очищать. Но к делу; завтра у тебя лекция в четыре часа, на сей раз публику соберем более избранную. А с утра Лора приедет, покатает по городу. Есть возражения?

– Да нет, все хорошо.

– Ну, до встречи. Не обижай девочку, у нее семейная жизнь накренилась, подскажи, если спросит. Она к тебе с большим пиететом относится, все-таки, ты ее бывший учитель.

– Хорошо, постараюсь. А когда она будет?

– Я думаю, она сама позвонит, договорится. Ладно, спокойной ночи. Лекция твоя мне понравилась.

– Спасибо, дорогой. Спасибо, что вспомнил.

–Хоп!

Снова откидываюсь на спинку кресла. От желудка по телу разливается приятная теплота. Вытягиваю ноги; если так посидеть с полчаса – можно не спать до утра.

Иногда я задаю на семинарах вопрос:

– Почему телесные удовольствия более распространены и более почитаемы, чем интеллектуальные или духовные наслаждения? Ведь разум у человека развит лучше тела, мозг постоянно улавливает и перерабатывает гигантские объемы информации, в то время как у большинства людей физические возможности используются едва ли на треть?

Шуму, обычно, этот вопрос вызывает много. Споры длятся иногда по нескольку дней. Вопрос действительно непростой, и у него есть множество толкований и аспектов. Но, если выделить главное, то дело, наверное, заключается в уровне готовности систем, реагирующих на интеллектуальные и физические раздражители.

Тело находится в большей «боевой готовности», чем разум, и поэтому легче и острее реагирует на удовольствия. Причина кроется в степени контроля человека над его системами. Физиологические процессы протекают в нас автоматически; мы не заставляем желудок переваривать пищу, почки – вырабатывать кровь, а легкие – вдыхать воздух. Они живут сами по себе, и потому уровень их реагирования высок.

Чтоб почувствовать духовные наслаждения, необходимо манипулировать интеллектуальной системой, которая не работает автоматически, а подчиняется личности человека. Для ее «раскачки» необходимо приложить усилия. Отсюда, кстати, можно понять, где главное в нас, а где второстепенное. То, что Космос поставил на автоматическое самообслуживание и вывел из круга управления, видимо, не нуждается в нашем вмешательстве и, следовательно, не есть главное. То же, над чем мы должны работать: улучшать и совершенствовать, полностью подчинено нашей власти и является главным в человеке.

Но как приятно после ужина дремать в мягком кресле, вытянув ноги возле теплого листа. Моя подводная лодка, покачиваясь, отдает швартовые и начинает медленный круг над спящей Одессой. По рыбам, по звездам...

Д-р-р-р, опять телефон. Лора, небось. Точно, она. К девяти? Замечательно! Да, в холле. Устал. И вам. Спокойной ночи.

Мягкие волны сна еще качают мое тело, но голова уже над поверхностью. Сколько же я спал? Восемь минут. Что ж, пора приниматься за дело.

Д-р-р-р, телефон. Это еще кто, вроде все уже отзвонили!?

– Привет, братан, с приездом.

– Простите, с кем имею честь?

– Не узнал, значит? Нехорошо забывать родственников, особенно близких.

–И все-таки, уточните, пожалуйста.

– Да Филя это, Филя, совсем ты от коллектива отбился.

А-а, Филька! Действительно, есть у меня такой родственник, единственный, оставшийся в Одессе. Его мать – моя тетька, дочь погибшего на фронте сына прадеда Хаима. Мы почти ровесники, в детстве даже дружили, но потом, годам к тринадцати, разошлись; каждый занялся своим делом. Он постоянно маячил на окраине моей жизни, почти никогда не оказываясь близко к центру. Братом он меня не называл. Это что-то новое.

– Привет, Филька! Действительно, не узнал, богатым будешь. А кто тебе сообщил о моем приезде?

– Обижаешь! Город маленький, все на виду, ты только таможду прошел, а мне уже сообщили, братан твой приехал. Ну, долго по телефону говорить будем? Давай спускайся, посидим в ресторане.

– Куда спускаться? Ты вообще, где?

– Я ж тебе говорю, в холле гостиницы. Вали вниз, я машину отпустил, можем часик покалякать без помех.

Н-да, честно говоря, калякать с Филькой после такого дня несколько не входило в мои планы. Но деваться некуда. И кроме всего прочего, интересно – как он? Мы не виделись лет двадцать, провожать нас он не пришел, и за все годы прислал только один раз поздравительную открытку с первым мая. Настолько пальцем в небо, что даже не смешно.

– Хорошо, переоденусь и приду.

– Вот и замечательно, а я пока столик закажу. Ты пьешь водку или коньяк?

– Филька, я вообще не пью, ничего не заказывай. Просто посидим, поговорим.

– Э-э, так не годится, столько лет не виделись, и сидеть всухую. Шампанское, вино, пиво? Выбери, не стесняйся.

Да, вот теперь я вспомнил, Филька развернул в Одессе какой-то бизнес и вроде даже преуспел. Понятно, отчего так напирает на угощение. Стиль жизни.

– Филька, мне «Боржоми», помнишь, вода была такая минеральная. Договорились?

– Давай уже, иди, спускайся, будет тебе «Боржоми», праведный ты наш.

Он разгуливал по холлу, резко бросая слова в сотовый телефон, почти не заметный в его волосатой ладони. Растолстел, поседел. Походка хозяина жизни; ногу ставит на каблук, животик выпячен, подбородок задран кверху. Одет во все черное: тонкий свитер под горло, черная куртка, не кожаная, а типа тонкой дубленки, хорошо отутюженные брюки, туфли без выкрутасов, простая гладкая кожа, но за версту видно – дорогая обувь.

– Братишка! – Филька распахнул объятия и сгреб меня в охапку. Пахнет «Эгоистом» – мужской одеколон, «Шанель».

– Пойдем, дорогой, пойдем!

Телефон в его руке продолжал верещать уже из-за моей спины. Филька расцепил хват и грозно рыкнул в трубку.

– Обсуждалово закрываю. Бай!

Зал, в котором проходила моя свадьба, я узнал с трудом. Уюта в нем не прибавилось, а дурного вкуса стало заметно больше. Ковровые барельефы на стенах сменились кричащими постерами с изображением сильно волосатых существ среднего пола. Те, которые без бороды, скорее всего, могли оказаться девушками, хотя в такой компании ни в чем нельзя быть уверенным до конца.

В ресторане царила атмосфера интима, то есть, отличить вилку от ложки можно было только на ощупь. Юпитеры под потолком освещали лишь фотографии волосатой компании, всем остальным приходилось довольствоваться отраженным светом. На высоких стульях у стойки бара в живописных позах сидели четыре девушки. Лампочки, вделанные в верхнюю панель стойки, высвечивали их, словно артистов на сцене. Тихо играла музыка, и это, несомненно, была главная удача вечера.

– Ты знаешь, Филька, по-моему, такое затемнение устраивают, чтоб клиент не разобрался, какую гадость ему навалили в тарелку.

– Да нет, еда у них классная, сейчас сам определишь.

Из полумрака внезапно материализовался официант и вкрадчивым голосом попросил пройти за столик. Приглашающе взмахнув рукой, он пошел впереди, указывая дорогу. Двигался официант с грациозностью огромной котяры.

Столик оказался солидных размеров столом, густо уставленным тарелками и бутылками разного калибра.

– Приятного общения, – пожелал официант, – если понадобится – я рядом.

Он вдвинулся в полумрак боком, словно в волну, и тут же исчез.

– Филька, я же тебя просил!

– А ты не ешь, не ешь, ты только смотри и пей свой боржомчик. Вот, бутылочку приготовили.

При слове «боржомчик» официант проявился из темноты, одним движением сорвал закрывашку, бесшумно наполнил стоящий передо мной бокал и снова пропал.

– Я ж целый день на работе, верчусь, бегаю, не до «поесть», так хоть поужинаю по-человечески, с оттягом.

Глаза привыкли, и содержимое тарелок приобрело вполне привлекательный вид. Филька набулькал вина из бутылки с длинным горлышком и, протянув ко мне фужер, предложил:

– Со свиданьем?

Я осторожно звякнул о фужер своим бокалом.

– Будем здоровы!

Ел Филька быстро, но аккуратно. Не чавкал, не елозил локтями по столу. В общем, вел себя вполне достойно.

– Извини, – сказал он, прерываясь на секунду, – заморю родимого, чтоб сосать перестал, и поговорим.

Одна из четырех девиц соскользнула со стула перед стойкой и направилась в нашу сторону. Походка однозначно выдавала как ее профессию, так и намерения. Бедрами она покачивала так, будто в ресторане сильно штормило, и палуба убегала из-под ее сильно обнаженных ног. Юбка у девицы заканчивалась там, где должны были начинаться трусики, а верхние пуговицы блузки она позабыла застегнуть.

– Мальчики, вам не скучно?

Филька прожевал, отхлебнул из бокала и коротко приказал:

– Пошла вон.

Девица развернулась и, так же виляя бедрами, вернулась к стойке.

–Зачем ты так грубо?

– Дешевка, титька тараканья. Посидеть нельзя спокойно, липнут, точно шпроты на усы.

Филька тщательно утерся салфеткой, откинулся на спинку стула, вытащил из пачки сигарету и со вкусом прикурил.

– Хорошо! Вот в такие минуты я чувствую вкус жизни, ее течение, как она огибаает меня, пенит, бесится, будто вода в джакузи, а я запускаю в нее руки по плечи и вырываю свое.

Одно из правил психометрии гласит: разговаривать с каждым человеком на его языке. Первый слой этого правила означает переходить на метафорический уровень собеседника и понятную для него лексику. Второй, и главный, разговаривать о нем самом.

В принципе главная цель любой беседы – поговорить о собственных проблемах. Прислушиваясь к разговорам на улице, в автобусе, я постоянно поражаюсь человеческой способности вести длинные разговоры с воображаемым слушателем. Предположим, двое уселись поговорить, и первый хочет сообщить второму нечто о себе, рассчитывая на сочувствие и поддержку. Но стоит ему умолкнуть, как вместо понимания собеседник вываливает на него свои проблемы. Разговора, по существу, нет, каждый обращается к воображаемому слушателю, и в результате высокие договаривающиеся стороны расходятся, в лучшем случае ни с чем, а в худшем – с ощущением напрасно потраченного времени.

Психометрист – тот, кто умеет слушать. Дайте человеку возможность поговорить о себе, расспросите, покивайте головой, произнесите несколько ободряющих слов – и он ваш.

В полном соответствии с правилом я задаю вопрос. Просто и в лоб.

– Слушай, мы же с тобой столько не виделись. Расскажи, что ты делал эти годы?

Филька довольно шурится.

– Эх, сколько видано! С тех пор, как мы в этом зале твою свадьбу гуляли, столько всего уткло.

– Помнишь, значит, свадьбу.

– Конечно, ваш стол стоял там, где сейчас бар, а я у окна сидел, под постером. Кстати, Вера тебе еще не надоела? Сколько лет можно яйца в одно гнездо складывать, м-м-м??

– Еще нет.

– А то смотри, могу профессионалку подкинуть! Бедраж, шапочки для близнецов – четвертый номер, гнется, словно пружина, но не ломается. О деньгах не думай, все за счет заведения!

– Филька, ты же о себе начал, а на меня перешел. Не дело, братишка!

– Тоже прав, вот где ты прав, там ты прав, ничего не могу сказать. Есть среди вас всякие, воображают много, ходят фергами, а задница в заплатах.

– Ты о ком?

– Да о твоих дружках из общества психометристов. Мотла знаешь?

– Знаю.

– Я с ним вместе в строительном управлении пахал, лет пятнадцать назад. Был не лучше других: воровал, где мог – не стеснялся, пиво вечером вместе принимали, девку-нормировщицу в углу обжимал. А теперь, психометрист, психометрист, герой нашего времени! Я ему говорю как-то: ты про Краснодаревщика слышал? А он мне дурачка строит, – какой такой Краснодаревщик? А я ему говорю, этой мой прадед. Когда твои родственники на Привозе гнилой селедкой торговали, про моего слава на всю империю шла.

– На какую империю?

– На Российскую! Ты что, забыл? Краснодаревщик ведь и твой прадедущка, не только мой.

Да, научный факт – Филька такой же потомок Краснодаревщика, как я. И даже больше, он ведь по мужской линии, прямой наследник, а я через бабушку. Был бы прадед Хаим жив,

ох и устроил бы он головомоюку незадачливым потомкам, за сидение в ресторане, скабрзные разговоры, и вообще. По совокупности.

– Ну, так я отвлекся! – Филька закурил новую сигарету, небрежно бросил зажигалку на стол и крепко приложился к бокалу с вином.

– Когда вы свалили, начал и я подумывать о прогулке за бугор. Израиль меня не привлекал ни тогда, ни сейчас, и я рванул в Германию. Мазанул там, подмигнул тут, короче, через три месяца меня выпустили из резервации на вольный воздух Неметчины. Денежки у меня с собой были, и я их тут же вложил в шпиль-халле, зал с игральными автоматами и пивом. Хоть номинально я владел половиной этого заведения, но пахал, будто последний турок. Разносил кружки, мыл посуду, подметал, чистил заблеваный немцами сортир, лишь бы не платить лишнюю копейку. Ложился в три ночи, вставал в десять утра с дурной головой и – бегом в заведение: привести в порядок, надраить, прикупить, чего не хватает. Зарабатывал совсем даже неплохо, приварок катил жирный, но через полгода мне такая житуха остохренела, а еще через полгода продал я свой пай и укатил в Швецию. Почему в Швецию? А бабы мне ихние нравились, гладкие, ухоженные кобылки. Вот я и решил вволю покататься, пока не повязала меня очередная Вера.

– Оставь ты Веру в покое, я тебя прошу! Не завидуй так явно.

– Завидуй, ха-ха! – Филька даже поперхнулся дымом. – Она ж тебя захавала с потрохами, мальчика неразумного. Что ты видел в своей жизни, кого знал! Поди, первая она у тебя?

– Первая и последняя.

– Моим врагам такое счастье.

– И многих успел завести?

– Да не очень, пока я еще не вышел на такие деньги, когда убивать начинают. Толкусь на своем пяточке, живу сам, даю другим. Вокруг меня знаешь, сколько народу кормится? И все благодаря Швеции.

Так вот, поехал я, не на пустое место, за год в Германии обзавелся связями, денегат поднакопил. Короче, дали мне адресок в Стокгольме и рекомендацию, чтоб сразу в дело войти. Так и получилось, купил я треть бизнеса, на сей раз в мясной лавке, она же закусовая для деликатесов из мяса, и пустился в новое плавание.

Вкалывал опять за четверых, пока научился, вник во все мясные пертурбации, хороший кусок здоровья ушел. Какое мясо бывает, как его резать, из какой части что лучше готовить. А колбасы, а стеки, а ребрышки, плюс все вокруг мяса: соусы, горчицы, вина, пиво, багеты, булочки разных сортов, куда поджарку укладывают – целая наука!

Преодолел я ее круто, вместе с языком шведским и прочей местной премудростью. Год прошел, как сон пустой, денежки на счету росли, но жизни я не видел. И шведки, шалавы паскудные, оказались холодными и расчетливыми бабенциями, вовсе не похожими на кокетливых лошадок.

Зря я на них слюнки в Германии пускал, зрямиссимо! Или, может, они за границей себя по-другому ведут, но ко мне, за два года в Стокгольме ни одна бабель даром не пошла, только за сармак. Платишь – получаешь, не платишь – соси лапу или грызи мясные деликатесы. Вообще, все эти истории про сексуальную шведскую жизнь высосаны из двадцать первого пальца; может в своем шведском кругу они и раскованные, и свободные, но с иностранцами имеют дело исключительно проститутки.

– Там ты и привык к продажной любви?

– Не только там. Но есть в этом виде отношений некая честность, ты точно знаешь, что покупаешь и почем. Большинство дурачков получают то же самое, но расплачиваются всю жизнь, и не только деньгами, но и свободным временем, тяжелой домашней работой, скандалами, сосуществованием с давно надоевшим человеком. Куда как проще – заплатил и имей. А главное – постоянно обновляемый ассортимент!

Филька усмехнулся и смачно глотнул из бокала. Вино кончилось, он долил почти до краев и снова отхлебнул.

– Хорошо! Ну вот, покорячился с год по шестнадцать часов в день, и стал о жизни размышлять. Думал, думал, и пришло мне в голову гениальное открытие. Стою однажды, режу колбасу, а оно само в голове хрясь, готовенькое зашевелилось. Колбасу, кстати, резать – не простое дело. Надо так машиной заправлять, чтоб ломтики сглаженной стопочкой ложились, один на один, тогда их аккуратно в бумажку можно завернуть и гладкой пачечкой подать покупателю. Если тянуть неровно или давить слишком сильно, то скибочки улягутся вперекосья, и ровненько их в жизни не выправишь – прилипают. Не станешь же по ломтику раздирать и на глазах у клиента пальцами переключивать, в общем – тоже искусство, я тебе говорю.

А идея пришла мне простая, как все гениальное. Почему, думаю, меня так охотно в компаньоны берут, нешто у них шведов в Швеции не хватает, или немцев в Германии? Примитивно, будто сосиска – проще взять одного дурака в компаньоны, который будет тулумбасить за четверых, чем платить четверым и следить, чтоб работали исправно и не крали.

Когда до меня доперло, я сразу принялся соображать, как соскочить полегантнее. Бабушек в сейфе набралось неслабо, даже для Швеции, не говоря про Одессу. Думал, думал, и однажды вечером так себе приказал: завтра, ровно в десять утра, я пойму, что мне нужно делать.

Сказано – сделано. Ровно в десять утра у меня в голове всплыла мысль: – не нужно мудрить. Иди к компаньону и прямо скажи – устал, хочу домой, давай разойдемся с миром.

Так и получилось. Компаньоны мои вовсе не удивились, видимо, они были вполне готовы к такому развитию событий. Думаю – нового партнера они начали искать задолго до моего ухода. Компаньона! Очередного дурачка! Но и я кой-чему научился в Стокгольме, и неплохо научился.

Прикатил в Одессу, прикинул бабули, и открыл свой первый магазин – «Шведский стол». По тому же типу, как в Швеции, но с приманкой – заплатил и лопаю от пуза, сколько влезет. Народ повалил валом, думали на шармачка обжираться. Но дело научно подсчитано, на двух обжор с безразмерным брюхом приходят пятеро с нормальным аппетитом. А мяско я стал собирать по деревням, катался по области, заводил знакомства, короче, работал, пахал, вкалывал. Раскрутился с первым магазином, открыл второй, за ним третий, сегодня думаю уже о шестом. Целая сеть: больше двадцати работников, контора, поставки, кредиты, ремонт, холодильники, заготовители! И посредине я, в белом костюме!

Филька вдруг резко поднялся и выдвинулся из-за стола.

– Извини, дорогой, обратная жажда мучит. Айн момент!

Нет, не так он прост, Филька. Гены Краснодаревщика за «здорово живешь», не испаряются. Сам того не понимая, он запускает механизм души. И получает правильные ответы.

Душа психометриста, по природе своей, точно чувствует, где правда, а где ложь, где хорошо, а где плохо. В общем-то, такое ощущение есть у каждого человека. Но люди прячутся от него, предпочитая пользоваться суррогатом души – духом глупости.

Природа – понятие, каким обозначается все, что не зависит от познания. Воля и желание в душе настоящего психометриста находятся на более высоком уровне, чем тот, на котором события могут быть постигнуты и расшифрованы. Есть мудрость разума – познание, а есть мудрость души – высший путь, когда решение приходит само собой, мгновенно, словно продиктованное.

Начинающие думают, будто с ними беседуют Высшие силы или ангелы, и принимают воображать, будто они пророки. На самом деле к ним обращается голос души: не желудка, и не страсти к размножению, а души. И это так удивительно и трогательно, что действительно, в пору вообразить о себе особенное.

К такому приходят не сразу, часто лишь во втором поколении психометристов. Должны пройти годы и годы тренировок, прежде чем в душе загорится маленький прожектор, освещающий темноту и сумятицу бытия. Тогда ответ на вопросы приходит сам собой, стоит только задуматься над проблемой. У Фильки механизм работает не в силу его собственных достоинств, а исключительно из-за заслуг предков.

У меня многие ответы приходят уже на уровне эмоций. То есть, не уже, а пока еще. Как собака: чувствую, а объяснить не могу. Вроде, сегодняшний день закончился полным фиаско; ниточка, ради которой я предпринял поездку в Одессу, оборвалась, не начав распутываться. Но ощущения у меня самые радужные. Душа сообщает – Мастер рядом, ты на правильном пути. Почему на правильном, куда на правильном – ничего не понятно! Но сердце знает, сердце радуется, и это главное!

Филька плюхнулся на стул и довольно улыбнулся.

– И стало легче на душе! А что это доказывает? Что душа находится под мочевым пузырем.

– Фи, Филя, за последние тридцать пять лет твои остроты не изменились.

– Значит я – молодой! Все тот же юный и доверчивый мальчишка, которого надувают злые дяди. Только делать это им становится все трудней и трудней.

Филька зло ощерился.

– Сколько дряни вокруг ходит, дерьма, подонков, лепил паскудных. Стоит только заезжаться, и тебя схавают с подметками, только набойки выплюнут. Звери, звери – не на кого ни положиться, ни опереться.

Он с нежностью посмотрел на меня.

– Ты знаешь, кого мне не хватает? Будешь смеяться – родственников. Я когда из Швеции вернулся, словно в другую страну попал. Улицы вроде те же, и язык понимаю, и даже лица знакомые попадаются, но все чужое, о другом говорят, иначе думают. Не поверишь – вторая эмиграция, но теперь на родину.

Родственники разъехались, друзья разбежались, сегодня дружат по совсем другим принципам. У меня полно приятелей, друзей даже, можно сказать. Мой круг – деловые люди, у кого сеть швейных мастерских, у кого магазины, бензоколонки, рестораны. Мы часто встречаемся, «отходим» после работы, помогаем друг другу, если беда у кого. Но это не то, не то, если я разорюсь, они на меня и не посмотрят. Родственников мне не хватает, тех, кто меня в пленках видел, кто может за ушко взять – у ты, Филя, вымахал! Тем, кто со мной познакомился не как с хозяином «Шведского стола». Понимаешь, да, понимаешь?

– Понимаю. Тяжело тебе, Филька?

– По-разному, иногда весело, иногда плакать хочется, а иногда волком выть. Меня бабы спасают, я по ним, словно по святой земле ползаю, сразу силы приходят и настроение улучшается. Хочешь, катнем?

– Ты уже предлагал.

– Скучный ты, прямо швед! Кстати, помимо работы, у меня о Швеции самые хорошие воспоминания остались; страна чистая, спокойная, каждый своим делом занят, к тебе не суется. Я ведь в самом центре Стокгольма жил, магазин на Гамла Стане, недалеко от королевской резиденции, я и квартиру недалеко снимал, Ну, не квартиру, конуру однокомнатную, но мне больше-то зачем?

Король у них очень демократичный, расхаживает по улицам без охраны, в магазины заходит. И у меня побывал, входит такой дядя обыкновенный, спрашивает, как торговля идет. Доволен, недоволен? Чего, думаю, он пристал, но отвечаю вежливо, там все вежливые, и я стал вежливым. Отвечаю и вижу – за витриной народ начинает толпиться. Пока соображал, он распрощался и вышел, а ко мне корреспондент залетает: о чем с вами Его Величество говорил?

– Какое такое величество? – спрашиваю.

– Король Швеции, Карл XVI Густав, – говорит, – не узнали?

– Не-а, – говорю, – не узнал!

Вот у кого прадедушка сумасшедшую карьеру сделал. Сын стряпчего, а в короли выбился.

– Ты о ком.

– О Бернадоте. Наполеоновский маршал, но оказался удачнее самого императора. Во-первых, невесту его отхватил, а во-вторых, стал королем Швеции. От Наполеона одна треуголка осталась, а Бернадоты потомки до сих пор короли.

– Какой же он прадедушка, с наполеоновских времен поколений восемь прошло, если не больше.

– Восемь, девять, десять, – тебя колышет? Ты-то сам можешь королем стать или миллионером на крайний случай? И близко не можешь, и я не могу, вот от этого иногда волком выть хочется, сколько ни бейся, а выше колбасных обрезков не прыгнешь.

Тонко заверещал сотовый телефон. Филька извлек из кармана куртки крошечный аппаратик, хищно глянул на табло, одобрительно кивнул и поднес его к уху.

– Извини, оторвусь на минуту.

– Уже извинил.

Слегка отвернувшись, Филька завел разговор, состоявший преимущественно из междометий. Бедный Филька! Тяжело жить в мире, заполненном дерьмом, подонками и паскудными лепилами. У психометриста совершенно иное отношение к окружающим.

«Все происходящее зависит только от меня самого, – не уставал повторять Ведущий, – от того, как я продвигаюсь, как изменяю, улучшаю себя. Чтобы исправить мои недостатки, Космос направляет посланников, их работа – показать мне мои же изъяны, подтолкнуть меня к пониманию. Человек привык бегать по знакомым дорожкам, сойти с них без хорошего толчка почти невозможно.

А если так, то на кого тогда сердиться, почему обижаться? Присмотрись хорошенько и увидишь: зло, на самом деле, скрытое добро, понять которое ты пока не в состоянии. Если принять любую напасть как урок и постараться понять, какие несовершенства моей души вызвали его к жизни, мир оборачивается другой стороной.

Человек ненавидит, когда у него есть привязка. Я люблю кого-то, а некто мешает мне реализовать мое чувство – тогда и появляется ненависть. Но если ты ни к чему не привязан, ненависти нет места.

Психометрист находится в этом мире, но выше его. Ногами он стоит на земле, а головой уходит за облака. Если камушек попадает в ботинок, не станем же мы ненавидеть и обижаться на камушек? Выбросить его вон и продолжить путь».

Филька закончил разговор и спрятал аппарат.

– Извини, жена беспокоится, домой зовет. Эти телефоны – и удобство, и сплошное наказание: ни скрыться, ни спрятаться – отключишь, почему отключил, не ответишь, почему промолчал?

– Так ты женат? Вот так новость. Поздравляю! Когда сочetalся, кто счастливица?

– Да я не сочetalся, просто живу. Хорошая девка, красавица, умная, как два университета, может, и женюсь со временем, а пока живем вместе. Женой называю, чтоб не обижалась, но это мне не мешает, ежели кто попадет, ну, в общем, ты понимаешь...

– Понимаю, но не сочувствую.

Филька подозвал официанта, небрежно расплатился. Мы вышли в холл.

– Братишка, вот моя визитка, – Филька протянул кусочек картона. – Разберись тут со своими психами и позвони, я тебе покажу новую Одессу.

– Филька, телки твои мне не нужны, в ресторанах я пью только воду. Что ты можешь мне показать?

– Ты не болтай, а позвони, я твой самый близкий родственник в этом городе, не забывай.

– Прав, прав. Позвоню, обещаю.

– Давай, братишка!

Филька снова сгреб меня в объятия и, обдавая запахами вина и «Эгоиста», крепко похлопал по спине.

– Рад, очень рад встрече. Так позвони, я жду.

– Позвоню.

Я вернулся в номер и обессиленно опустился в кресло. Столько событий за один день. Лечь в постель и забыться до утра? Нет-нет, ни в коем случае. Во-первых, записать все события дня. Во-вторых, упражнения. И в третьих, уже в постели – история реховотской крепости.

История реховотской крепости

Луи де Кафарелли похоронен вместе со своими солдатами на въезде в Акко. Слава прошла мимо него, совсем рядом, но все-таки мимо. Он не успел стать ни королем Италии, как обещал ему Бонапарт, ни даже маршалом.

Незадолго до смерти генерал пришел в сознание. Возле постели никого не оказалось, штурм Акко был в самом разгаре. Кафарелли с трудом вытащил из-под подушки заряженный пистолет и выстрелил в окно. Денщик, прибежавший на звук выстрела, был последним, кто разговаривал с генералом. Кафарелли завещал оружие, ордена и имущество ветеранам своей дивизии, а бумаги попросил передать лично Талейрану. Благодаря исполнительности денщика, в архивах французского министерства иностранных дел оказался дневник Кафарелли.

«Я выехал из Яффо на арбе, влекомой двумя ослими, закутанный с ног до головы в арабскую одежду. Ткань хранила запах предыдущего хозяина, и к острому духу его пота я привыкал несколько томительных минут. Впрочем, мысли о предстоящих переговорах, постоянно сменяемые милым образом Клари, довольно быстро перевели мое внимание на другое.

Дорогу в Реховот, а вернее, колею в сером от пыли песке, иногда переходящем в землю неестественно красного цвета, мы одолели за световой день. На лошади этот путь занял бы не больше трех часов, но на войне медленный способ передвижения зачастую оказывается самым быстрым.

Под скрип громадных деревянных колес я разглядывал унылый пейзаж и от всего сердца благодарил судьбу, сделавшую меня итальянцем. Какое ужасное запустение прежде благословенной земли; повсюду, куда ни кинешь взгляд – следы тысячелетней смерти и разгрома. Изредка попадаются арабские деревеньки, об их приближении мой нос сообщает заблаговременно. Группки покосившихся одноэтажных мазанок, козы, густо облепленные пыльной шерстью, дети с губами, разъеденными мухами, женщины, затянутые в черное до носа. Над тканью блестят любопытные глаза, я натягиваю пониже куфию и отворачиваюсь.

Около полудня мой возница, до сих пор не обронивший ни одного звука, за исключением монотонного понукания ослов, вдруг остановился и, ткнув кнутом в сторону Реховота, довольно выразительно промычал несколько слов на местном диалекте арабского. После нескольких минут объяснений я понял, на что он хочет обратить мое внимание. Слева от дороги, там, где полоса песка пересекалась синей линией горизонта, чернело нечто, принятое мною за обугленный ствол дерева. Впрочем, свою ошибку я понял почти сразу – до таких размеров деревья не дорастают.

– Слон, слон, – повторял возница. – Там слон!

Слоном в этих краях называют восточную башню цитадели; по странной причуде строителей, из ее середины выступают два гигантских камня, действительно похожих на бивни слона. Об устрашающем применении «бивней» мне еще предстояло узнать.

С каждым оборотом колес башня выростала над горизонтом. Ее черный силуэт будил самые зловещие мысли, и я приложил немало усилий, дабы отогнать их. Пришлось пустить в ход самое действенное средство: раскрыв медальон, я вдохнул запах духов Клари. Запах поверг меня сначала в блаженство, а затем, сразу же в бешенство. Черт их всех поberi!!

По мере приближения проявились остальные башни цитадели, не столь гигантские, как «слон», но также весьма внушительных размеров. Местность вдруг невообразимо переменялась; безжизненный песок сменили ухоженные поля, дорога приобрела нормальный вид, превратившись сначала в плотно утрамбованную земляную полосу, а затем в мощный булыжником тракт. Вдоль дороги живописно расположились уютные домики, почти полностью скрытые зеленью деревьев.

Впереди показалась группа всадников. Неспешно приблизившись, конники остановились, преградив дорогу. Холеные жеребцы с волнистыми хвостами до земли, полосы блеска на черной шерсти, сбруя подогнана и в прекрасном состоянии. Всадники сидят ладно, у каждого на боку короткий меч, палица, обернутая красной или черной шагренью, с круглым набалдашником, сборный персидский лук, кольчуга и кожаный щит. На дорогах Италии или Франции такая экипировка вызвала бы удивление или смех, но здесь, на этой древней земле, она кажется естественной и даже красивой.

– Мамлюки, – буркнул возница. Но это я уже и сам понял. Соскочив с арбы, я сдернул куфию и, вытащив фирман, протянул его ближайшему ко мне всаднику. Ловко наклонившись в седле, он подхватил его, мгновенно развернул и, пробежав глазами, спрятал за пазуху. Конники расступились. Я уселся на арбу, и мы заскрипели дальше.

Всадники разбились на две группки, расположившись по обе стороны дороги, образуя то ли почетный эскорт, то ли пикетирование. Во всяком случае, между мной и мамлюкскими деревушками возникла живая преграда. Спустя час мы оказались перед воротами реховотской крепости.

В ее стенах я провел почти неделю, и воспоминания об этих днях никогда не изгладятся из моей памяти. Я будто попал в ожившую восточную сказку, с ее султанами, рабами, палачами и гуриями. Собственно переговоры составили малую толику времени, проведенного в крепости, больше половины ушло на степенное возлжание на оттоманках, обитых алой парчой, неспешное вкушение истекающих медом сластей и дурмящего кофе. Ни вина, ни более крепких напитков мамлюки не употребляли, но после трех чашечек кофе я чувствовал себя, словно после бутылки бургундского.

Кроме эмира, решение о совместном выступлении должен был поддержать имам. Ни к тому, ни к другому меня сразу не пустили, а подвергли утонченной пытке восточных пиров. После первого из них, с начальником канцелярии эмира, я решил воздержаться от приема пищи, по меньшей мере, на ближайшие сутки, но спустя три часа меня с величайшей обходительностью пригласили к асфасилару – правой руке визиря. Есть я уже не мог, и меня долго и осторожно расспрашивали о здоровье, семейном положении и прочих, сопутствующих общему недомоганию причинах. После пира у асфасилара последовало приглашение к самому визирю, потом к эмиру. Затем к помощнику имама, к наследнику имама, к самому имаму, к наследнику эмира, к начальнику его гвардии. На третьем пиру я, наконец, обратил внимание на то, сколько едят мои сотрапезники, и понял свою ошибку. Блюда, уставленные самой изысканной снедью, уносили почти нетронутыми, за весь пир вельможи съедали по крохотному ломтику жареной баранины, несколько долек персика, две-три виноградины. Я принялся копировать жесты хозяев, величаво отклоняя предлагаемые яства, и к четвертому пиру смог перевести разговоры в интересующее меня русло.

Нет, о делах мы не говорили, но на мои расспросы об истории крепости, быте и обычаях мамлюков, мне отвечали с охотой и так подробно, что за несколько дней я стал неплохо разбираться в происходящем вокруг.

Несколько раз мне удалось совершить довольно продолжительные прогулки по крепости, продиктованные не совсем праздным любопытством. Сегодняшние союзники завтра могут оказаться врагами, а знакомство с фортификационными сооружениями потенциального противника никогда не бывает лишним.

Крепость представляет собой почти правильный треугольник, основание которого тянется с севера на юг, а вершина смотрит на восток. Высота стен первого и второго дворов – порядка десяти метров, цитадели – около сорока. Цитадель образует вершину треугольника, ее западная стена делит его на две неравные части. Оставшаяся трапеция в свою очередь также разделена на две части, именуемые первым и вторым дворами.

Восточную башню цитадели называют «слоном», северную «грибом», из-за куполообразной надстройки, издали похожей на шляпку гриба, южная безымянна. Разница в архитектуре цитадели и дворов огромна: цитадель – воистину циклопическое сооружение, сложенное из громадных черных блоков, стены и башни дворов – традиционная постройка крестоносцев. Зодчие принадлежали к совершенно разным народам и работали в разные исторические эпохи. Думаю, что между завершением цитадели и началом возведения дворов прошли века.

О строителях крепости у мамлюков не осталось почти никаких сведений, кроме смутных преданий и легенд. Все мои попытки разузнать примерный возраст строений, материалы, имена руководителей строительства ни к чему не привели. Жаль, такого рода сведения зачастую приносят немало пользы, иногда неожиданного свойства.

В стенах цитадели пробиты трое ворот и еще трое – в стенах первого и второго дворов. Ворота в юго-восточной стене цитадели называются «Салах ад-Дин», их створки покрыты слоем почерневших от времени и смолы расплюснутых доспехов. Молва утверждает, будто доспехи принадлежали рыцарям, разгромленным Салах ад-Дином в решающей битве у Гинесаретского озера. Для предохранения от ржавчины доспехи обильно полили смолой, и ворота как нельзя лучше вписываются в мрачный фон стен цитадели.

Я простоял несколько минут перед створками, пытаюсь угадать гербы, некогда украшавшие панцири и щиты, но время, и молот кузнеца сделали свое дело. Можно только гадать, какие славные имена носили их бывшие владельцы – цвет европейского рыцарства! Сколько прекрасных дам не дождалось возлюбленных, сколько песен не спели благородные кавалеры под балконами своих избранниц! Если бы эта битва закончилась по-другому, сегодняшняя Европа приобрела бы иной вид. Более рыцарственный, более благородный, более духовный, наконец!

На северо-востоке располагаются «Царские ворота», сквозь них когда-то внесли тело последнего царя из династии, построившей крепость. Затем ворота замуровали. По легенде, в конце дней ангел-разрушитель крепости войдет именно через них. Несомненно, это должно быть существо иного порядка, потому что разрушить столь гигантское сооружение не в силах человеческих!

Створки ворот вытесаны из кусков скалы и вставлены в громадные каменные петли. Высота створок около десяти метров, толщина не меньше трех. Каменный засов, запирающий ворота изнутри, представляет собой колонну, диаметром около полутора метров и длиной не менее пятнадцати. Он располагается на высоте двух с половиной метров, и я не могу себе представить, кто и каким образом извлекал щеколду и как устанавливал обратно.

Посредине ворот выстроена небольшая башня, таким образом, створки оказались наглухо запертыми. В башне располагается темница для приговоренных к смерти. В ней они проводят свою последнюю ночь, а утром их выводят на вершину «Слона» и вешают на бивнях.

Третьи ворота цитадели – «Яффские», пробитые в западной, внутренней стене, соединяют ее со вторым двором. Видимо, в древности дорога, ведущая в Яффо, начиналась у этих ворот.

В сопровождении телохранителей я несколько вечеров бродил по улицам первого и второго дворов. Несмотря на скученность и множество лавочек, занимающих первые этажи, они чисты и опрятны, стены домов аккуратно побелены известкой. Невольники убирают мусор несколько раз в день и немедленно вывозят его за стены. Жители крепости – в основном воины асфасилара и их семьи. Мужчины большую часть дня проводят в оттачивании боевых приемов, женщины торгуют в лавках. Приказом эмира жителям окрестных деревень запрещено заниматься торговлей, таким образом, все время феллахов посвящено обработке земли и скотоводству, а за покупками они приезжают в крепость.

Развлечений у мамлюков практически не существует. Они весьма набожны и каждую свободную минуту стараются провести в медресе, за изучением Корана. Театры и прочие, при-

вычные для европейца зрелища, здесь отсутствуют начисто. Единственным видом общественных развлечений можно назвать публичные казни.

В день казни, когда первые лучи солнца освещают вершину «Слона», над крепостью раздается хриплый вой рогов. Из своего окна я каждое утро наблюдал удивительные метаморфозы камней главной башни. Черные ночью, они краснеют с появлением голубого сияния за горизонтом. Солнце еще не взошло, но небо начинает потихоньку приобретать перламутровый оттенок, словно чешуя рыбы, только что вытасченной из моря яффскими рыбаками. Несколько минут вершина «Слона» совершенно красна, затем, когда первые лучи выскальзывают из-под горизонта, камни желтеют, а выбоины между ними наливаются чернотой. С появлением краешка солнечного диска красный цвет исчезает, желтизна коричневеет, затем чернеет и, когда солнце полностью освещает башню, она приобретает свой естественный, черно-коричневый, с бурыми проплешинами, вид.

Приговоренного, мужчину или женщину, раздевают донага и выводят на вершину башни. Прямо под рогами прорублены небольшие двери, несчастного ставят на порог, вдевают шею в веревку, наброшенную на рог, и толкают. Рога сделаны из черного мрамора и слегка изогнуты в середине, а в конце снова приподняты, словно настоящие слоновьи бивни. Соскальзывая по полированному мрамору, жертва останавливается точно в центре выемки и начинает свой недолгий танец. Тела повешенных не снимают, и они висят на бивне до тех пор, пока не рвется гниющая плоть шеи, оставляя голову сушиться на безумном солнце. В конце концов головы тоже падают вниз, их собирают и за большие деньги продают родственникам повешенного. К тому времени голова превращается в мумию и может храниться десятки лет. По преданиям мамлюков, ее присутствие в доме приносит удачу, поэтому, если родственников не оказывается или они не в состоянии купить столь дорогой амулет, голова продается на рынке тому, кто предложит наибольшую цену.

Казни происходят довольно часто, поэтому жертва, как правило, ударяется с размаху о труп своего предшественника. Последние секунды жизни несчастных отравлены ужасным зловонием разлагающегося трупа.

Руки приговоренному не завязывают и иногда казнь продлевается необычным образом, из-за которого, собственно, и собираются под «слоном» толпы любопытных.

Особо ловким удается, ухватившись руками за веревку, распутать петлю и взобраться на бивень. Такое хоть и не часто, но происходит. Однако радость спасенного быстро сменяется жесточайшими муками; открыть дверь в башню снаружи невозможно, вскарабкаться вверх по ее камням – тоже. «Бивень» медленно раскаляется под солнцем, превращаясь в сковородку, на которой неторопливо поджариваются ступни и колени несчастного. Обожженная жертва прокликает то мгновение, когда решила выпутаться из петли, сменив быструю смерть на длительные мучения. После часов мольбы и плача, несчастный бросается с бивня и разбивается о камни.

Наиболее хватким удается заблаговременно распутать веревку, они подкладывают ее под себя и тем самым продлевают мучения еще дольше. Случалось, что приговоренный просидел на «бивне» несколько суток и, настрадавшись от дневного зноя, ночного холода, голода и жажды, терял сознание и сваливался вниз. Впрочем, одна история закончилась относительно благополучно, и я не могу удержаться, чтобы не привести ее целиком.

Когда это произошло, уже никто толком не помнит, может быть пятьдесят лет тому назад, а может, и сто пятьдесят. В крепость привезли партию рабов и первым делом отобрали тех, из кого могли получиться мамлюки. Лучшим оказался славянин, огромного роста, жилистый, с клубящимся на обритой голове чубом. Ему дали кличку – Жила – и взяли в оборот. Спустя три месяца тренировок он уже мог выдерживать бой на деревянных мечях с начинающим мамлюком, а через полгода ему предложили принять ислам и выйти на волю. Жила согласился. Но на будущее, как выяснилось, у него были несколько иные планы.

Дело в том, что воины и рабы, готовящиеся стать воинами, тренировались внутри цитадели, на специальной арене перед домом эмира. Правитель, в прошлом лихой боец, любил занимаясь решением государственных проблем освежить взгляд рукопашной схваткой, а иногда и сам выходил размяться на деревянных мечах. Вместе с эмиром за боями наблюдала и его дочь, которой скоро предстояло выбрать лучшего из бойцов и стать его первой женой. Дочь выбрала Жилу и даже втайне переправила ему в знак о своем выборе расшитые бисером туфельки. По обычаю мамлюков, когда женщина снимает перед мужчиной обувь, она сдается, признавая свою покорность. В европейской культуре таким знаком, наверное, может служить снятие корсажа.

Все было бы прекрасно, если бы перед самой церемонией посвящения не открылось преступление Жилы. Войдя в сговор с другими рабами, он украдкой варил хмельное и продавал его воинам. Узнав о столь вопиющем нарушении законов шариата, эмир приказал повесить отступника.

Казнь состоялась на следующее же утро. Дочь эмира узнала обо всем лишь в ту минуту, когда вой рогов разрезал влажный воздух рассвета. Тысячи мамлюков наблюдали, как распахнулась дверь на вершине башни, и оттуда вывалилось тело преступника. Ловко подтянувшись на веревке, Жила уцепился одной рукой за «бивень», второй распутал петлю и взобрался верхом на рог. Вся операция заняла несколько секунд. Усевшись поудобнее, он приветственно помахал рукой толпе, развязал веревку и перебрался к телам двух повешенных, мерно покачивавшимся под утренним ветерком. Резкими ударами ног он разорвал полусгнившую плоть, и сбросил тела прямо на головы любопытным. Развязав веревки, Жила отправил головы несчастных вслед за телами, а сам переполз к основанию бивня.

Прошел час, другой, третий. Толпа не рассеивалась, ожидая, когда солнце раскалит бивень. К полудню Жила встал. Мамлюки завyli от предвкушения. Жила приветственно помахал им небольшим ковриком, сплетенным из добытых веревок, расстелил его на бивне, принял удобную позу и замер.

Больше ждать было нечего, Жила мог просидеть в таком положении много часов, если не дней. Толпа начала рассеиваться.

К вечеру дочь эмира передала отцу записку, заперлась в своей комнате и открыла окно. Прочитав послание, эмир прервал совещание с асфасиларом и быстро прошел на женскую половину. Отослав слуг, он о чем-то долго разговаривал с дочерью через запертую дверь. Как потом выяснилось, в записке дочь эмира требовала немедленно освободить Жилу. В противном случае, она поклялась выброситься из окна на камни дворцовой площади.

После недолгих уговоров эмир сдался и пообещал оставить Жилу в живых. Зная коварный характер отца, дочь потребовала, что избранник всегда будет с ней. Эмир дал слово, и дочь отперла дверь.

Правитель не обманул: Жилу втащили обратно в башню, одели и привели к эмиру. А на следующий день правитель объявил о свадьбе дочери с асфасиларом. Оскопленный Жила был приставлен к ней в качестве евнуха.

По европейским представлениям, эмир провел собственную дочь. Рассказ вызвал у меня гнев, но, присмотревшись к реакции собеседников и задав несколько вопросов, я понял, насколько мои представления далеки от мамлюкских.

Оскопив Жилу, эмир ввел его в состав дивана. По обычаям, заведенным в крепости, заниматься решением политических вопросов может только мужчина, освобожденный от давления главной страсти. Скопцы живут в отдельном дворце, примыкающем к дворцу эмира и, не испытывая ни в чем недостатка, спокойно предаются распутыванию государственных головоломок.

Жила оказался не только ловким воином, но и смышленным политиком. Довольно скоро он продвинулся в первый ряд советников эмира, а спустя несколько лет стал заместителем

визиря. Власти, роскоши и покоя он получил куда больше, чем, если бы женился на дочери эмира. Жила прожил долгую жизнь и умер глубоким стариком, окруженный почетом и уважением. Останься он воином, его конец наступил бы куда раньше.

«Настоящий мамлюк не доживает до тридцати пяти», – гласит пословица. Вдовы, как правило, больше не выходят замуж и посвящают остаток дней воспитанию новых воинов. «Остаток дней» часто начинается в 19-20 лет, и участи мамлюкских женщин можно только посочувствовать.

Чем больше я погружаюсь в особенности культуры мамлюков, тем меньше я понимаю, для чего Франции понадобился этот поход. Мы никогда не станем для туземцев ни друзьями, ни наставниками, ни даже господами. Наши представления о нормах человеческих отношений бесконечно далеки друг от друга. Даже завоевав эту страну и поставив в каждой деревне гарнизон, мы не превратимся в хозяев, поскольку понятие собственности и владения у мамлюков совершенно иные. Иногда мне даже кажется, будто общее у нас с ними только физиологическое устройство.

Тут до сих пор царит рабство, и раб для господина просто вещь. Если хозяин приводит к себе на ночь невольницу, у законных жен этот поступок не вызывает чувства ревности: разве можно ревновать к ночному горшку? Обдумывая положение мамлюкских женщин, я могу только дивиться, насколько Европа отделилась от Азии и какой невероятно длинный путь предстоит пройти туземцам, дабы хоть немного приблизиться к современной цивилизации.

Хотя, столь любезные нашему сердцу французенки куда коварнее простодушных обитательниц мамлюкских гаремов. Мы отплыли из Марселя в июне, и Клари специально приехала из Парижа, с тем, чтобы одарить меня на прощание двумя ночами любви, которые, словно генеральские эполеты, вознесли меня на вершину блаженства. Сколько было клятв, слез и поцелуев! Она обещала писать, и я верил, верил каждому ее слову.

На пристань она явилась вместе с отцом, забавным пузаном Дезире, и так трогательно махала платочком, что даже Командующий не выдержал и наставил на нее свою подзорную трубу. Наверное, он подумал, будто она пришла провожать его, по старой памяти, опять его, но правда состояла в том, что на сей раз провожали меня!

Я получил одно короткое письмо, и после разгрома нашего флота в Абу-Нире связь с Францией прервалась. Месяц назад, прорвавшееся через английскую блокаду судно привезло пачку газет, и на первой же, случайно раскрытой странице я прочитал о ее свадьбе. Паршивка выскочила за Бернадота, парвеню и паркетного шаркуна, с трудом выигравшего два сражения. Но сегодня важно не сколько битв ты выиграл или проиграл, а скольким шаркунам сумел угодить. Какое низкое коварство, какая насмешка над простыми чувствами солдата! Пусть благодарит Провидение, что я не могу попасть в Париж, иначе я бы застрелил этого прощельгу, как куропатку, а ей швырнул бы в лицо медальон, подаренный мне со слезами после ночи любви! Черт их всех побери!!

8 ноября

Семь часов утра. Просыпаюсь, как всегда, по внутреннему будильнику. Так называется одно из первых упражнений, с которых начинают обучение. Сегодня я могу настроить свои часы с точностью до минуты, могу уснуть в любое время и в любой обстановке и проснуться через мной же установленный промежуток. Паузы, часто выпадающие посреди дня, психометрист использует для коротких отключений, таким образом, для учебы и тренировки высвобождается большая часть ночи.

Сон, на самом деле, вовсе не отдых тела. Внутри нас есть органы, не ведающие покоя от рождения до самой смерти: сердце десятки лет качает кровь, сокращаются и вновь раздуваются легкие, работают почки, желудок. Настоящая цель сна – отдых души. Спустившаяся из сияющего пространства в гнетущие рамки «здесь и сейчас», душа не может вынести постоянного давления мира и должна регулярно уходить из него, соединяясь с источником. Под гнетом лжи и несправедливости, она словно забывает про обещание Космоса забрать ее назад и обязана постоянно проверять, убеждаться, что сияющий мир еще существует. В тяжелые минуты достаточно заснуть на несколько секунд, даже не заснуть, а отключиться, но мгновения, пока голова валится на грудь до упора подбородком в ключицу, душе достаточно.

На улице снова серое утро: чудесная, милая погода. Тихонько шепчет дождик, в пору фазану стучать в оконное стекло, но какой фазан залетит на такую высоту и где они, вообще, живые фазаны?

Омовение рук, зубы, душ, упражнения, завтрак. Полный автопилот, голова свободна и пуста. И сердце, увы, тоже. Два дня без Веры, но страсть нашего бесконечного соперничества не уходит, только заползает глубже, словно змея в нору и, притаившись, ждет своего часа.

В парадной дома, где мы поселились с Верой после свадьбы, кошка родила четырех котят прямо под лестницей. Полинке тогда было три с половиной года, и мы с ней каждые два часа спускались посмотреть, насколько выросли котята. Мы принесли для кошки старое одеяло, регулярно меняли молоко в блюдечке, и через день она так привыкла, что даже позволяла нам прикасаться к черному, рыжему и двум белым комочкам. Лишь скалила зубы, словно предупреждая: только попробуйте обидеть, я здесь.

Но мы вовсе не собирались обижать глупую кошку, совсем наоборот. Полинка уже выбрала одного из беленьких котят для нас, а других все не могла поделить между соседями. Ей представлялось, будто соседи, как и она, мечтают привести к себе в дом милое существо с длинным хвостом.

Через день, возвращаясь домой, я обнаружил под лестницей мокрое одеяло и ведро, полное воды. В ведре плавали рыжие, белые и черные комочки. Кошки не было. Она исчезла навсегда, видимо, ушла из дома, где так отнеслись к ее маленьким деткам.

Ведро я узнал. Ведро было нашим. Вынести его из квартиры мог только один человек.

– Я не хочу, чтобы в парадной воняло кошачьей мочой, – нимало не смущаясь, объяснила Вера. – Через три месяца они бы превратились в настоящих котов и гадили бы на каждом углу. Я хотела вынести ведро во двор, выплеснуть в мусорный бак, да боюсь поскользнуться. Сходи, милый, вылей воду.

Слушать ее мне было дико. Просто так лишит жизни другое существо, хладнокровно бросить котят в воду, наблюдать, как они барахтаются и пускают пузыри – нет, невозможно! Я прошел в спальню, вытащил из-под кровати свой чемодан и начал собирать вещи. Окажись я в тот момент более решительным, вся моя жизнь сложилась бы по-другому. Но что можно ожидать от юноши, почти мальчика! Наш первый скандал, как впрочем, и почти все последующие, закончился под одеялом.

Мы долго разговаривали, до самого утра. Мне показалось, будто Вера поняла, приняла один из главных принципов психометрии: абсолютное запрещение убивать живые существа. Увы, ее представление об этом принципе оказалось весьма далеким от моего.

Без пятнадцати девять. Пора спускаться в холл, к Лоре. Стучат в дверь. Вероятно, горничная. Неужели они так рано начинают уборку?

За порогом стоит Лора.

– Извините, что прямо в номер. Можно?

– Да, да, пожалуйста. Правда, у меня слегка не убрано, прошу прощения.

– Нет, это я прошу прощения.

Двери я не запираю. Мало ли какие мысли могут полезть в голову. И хоть я достаточно хорошо владею собой, но зачем потрафлять злему началу? Справиться я с ним, несомненно, справлюсь, еще на дальних подступах, однако в психометрии истинным победителем считается не тот, кто разгромил противника, а тот, кто уклонился от боя.

Лора в нерешительности останавливается посреди комнаты.

– У меня к вам длинный разговор. Если честно, я специально попросилась вас сопровождать, рассчитывая выкроить время для беседы. Но если неинтересно, то можно поехать по Одессе.

Вот кокетка! Впрочем, возможно это от смущения.

– Если честно, беседа с вами мне интереснее любой поездки.

Ах, как неловко получилось! Она может воспринять мой ответ, будто личный комплимент. Надо поправить.

– Вы же знаете, что для психометриста главные события происходят не снаружи, а внутри. Снимайте плащ, усаживайтесь и начнем.

Плащик у Лоры почти невесом, но на ощупь воспринимается как дорогая, солидная вещь. Пока я вешаю его в шкаф, Лора уютно устраивается в кресле и вытягивает ноги поближе к обшивке подводной лодки. На ней серая, в черную точку юбка и черный, обтягивающий свитер. Свитер выгодно подчеркивает формы. Она красива, Лора.

– Вы знаете, я не смогла припарковаться у гостиницы и шла два квартала пешком, промочила ноги. Можно снять сапоги?

– Пожалуйста, пожалуйста.

Это наивность или прием? Если прием, то уж больно лобовой. Я ведь, все-таки, не Филька. Хотя для Фильки приемы не нужны, стоит только закрыть за собой дверь, и он готов. Однако посмотрим. Забавное получается начало разговора.

Лора начинает стягивать сапоги. Я демонстративно отворачиваюсь к окну. Холодные пальцы дождя барабанят по карнизу. Погода – хорошо бы собаку купить.

– Может чаю – согреться?

– Нет, благодарю, мне не холодно. Только ноги промокли.

Действительно, чулки телесного цвета потемнели в тех местах, где пальцы соприкасаются с носком туфель. Ступни у нее маленькие, непропорционально маленькие для ее роста, стройные лодыжки, аккуратный подъем. Дальше уже юбка. В общем, черт побери, эффектная сцена: профессор психометрии в командировке.

Я приподнимаю второе кресло и устанавливаю его напротив Лоры. Напротив, но с таким расчетом, чтоб нельзя было дотянуться. У женщин, во время разговора, иногда бывают непроизвольные прикосновения и прочая атрибутика эффектных жестов. Подальше, подальше.

Лора нервно потирает руки.

– Если позволите, я начну с самого начала. Очень вас прошу, перебивайте меня, важно любое ваше замечание. Есть так много вопросов, на которые надо найти ответы, я не буду их задавать, но если по ходу рассказа вы увидите, то, пожалуйста... хорошо, да? Вы скажите мне, я вас очень прошу...

Ого, это почти истерика.

– Сразу после окончания средней школы я уехала учиться в Цфат. Нас было несколько подружек, обычная девчачья компания. Подружки все остались в Израиле, большинство замужем за психометристами, обычный маршрут для девочек из Цфатской психометрической.

– Не только из Цфатской. Иерусалимская и реховотская построены по тому же принципу.

– Да, я это быстро поняла, и мне стало скучно. Девчонки без конца обсуждали, какого мальчика они бы хотели заполучить, строили планы, где поселиться, как устроить квартиру, а мне хотелось чего-то иного. Не конкретных вещей, нет, а просто иного. Если бы я тогда смогла определить, чего же мне хочется, я бы, скорее всего, бросила школу и занялась бы интересующим меня делом. Проблема состояла в том, что дела никакого не было, а просто томление и тоска.

Через два года учебы нас стали потихоньку готовить к супружеской жизни, и мне стало еще тоскливее и противней. Неужели все упражнения и высокие идеи сводятся к тому, с каким умонастроением готовить мужу чай по утрам? Истории про Мастеров и учеников касались только мужчин, а мы должны были смиренно молить Космос, дабы он послал таких же в нашу постель. Я же чувствовала в себе силы и готовность к гораздо большему, чем участь многодетной мамы, почтительно заглядывающей в рот мужу, когда он возвращается с упражнений или уроков.

И тут приехал Паша. Моя мама передала с оказией маленькую посылку: бутылочку молока и горшочек с маслом, прямо волку и вручила. Паша арендовал машину и во время прогулки по Галилее закатил в Цфат. Мы встретились на променаде, вечером, когда с гор начинается дуть прохладный ветер, а блики желтых фонарей играют на отполированных плитах мостовой.

– Да вы поэт, Лора. Пишете?

– Пишу, – согласилась она без всякого кокетства. – Недавно вторую книжечку выпустила.

Опять о несчастной любви.

– А разве бывает счастливая любовь?

Лора усмехнулась:

– Бывает, нас учили. Это когда детей под ногами больше, чем картофеля в супе, а муж все не возвращается, потому, что его выбрал Мастер, и он укатил на край света за просветлением. Зато потом он приходит, окруженный толпой учеников и, указывая на толстую седую тетю в морщинах от одиноких бессонных ночей, гордо провозглашает:

– Всем, чего я достиг, я обязан моей жене.

Ученики плачут, а вместе с ними плачут соседи, корреспонденты радио и телевидения, начинающие психометристы, девочки из цфатской, иерусалимской и реховотской школ. Плачут все, кроме тети, потому как слезы у нее давно кончились.

– У вас очень резкий ум, Лора. С таким умом и женским телом трудно пробиваться.

– Бьется рыба об лед, когда ее вытаскивает ловкий рыбак. Побьется, побьется и затихнет.

Я тоже перестала.

Паша мне понравился. Он был такой милый, улыбчивый, добродушный и весь какой-то свой. Я думала просто взять посылку и уйти, но он попросил показать ему Цфат, и мы пустились гулять по улочкам. Около часа все шло обыкновенно, Паша шутил, выискивал общих знакомых, немножко дурачился. И вдруг я совершенно четко ощутила, что выйду за него замуж. Просто так, без всякого предварительного размышления. От этой мысли ноги мои остановились, Паша тоже замер, прямо напротив меня. Посреди улицы было сделано небольшое углубление, вроде канавки, вымощенной желтым камнем. В дождливые дни вода бежит по канавке и журчит, словно настоящий ручей. Я стояла по одну ее сторону, а Паша по другую.

– Знаешь, – вдруг сказал он, – если ты сейчас перейдешь на мою сторону, мы завтра поженимся.

Не знаю, какая сила подхватила меня, но через секунду я уже стояла возле него. Он взял меня за руку и сказал:

– А ведь мама тебя предупреждала, не заговаривать с волками.

Мы расхохотались и, не расцепляя рук, зачем-то побежали вниз по улице.

За несколько дней до встречи с Пашей у меня с девчонками произошла небольшая размолвка. Даже не размолвка, а просто спор, но очень горячий. К тому времени некоторых из нашей компании уже начали знакомить с мальчиками. Воспитательницы школы встречались с Ведущими мужской, говорили с родителями, а потом предлагали знакомиться.

Одна девочка сходила на такую встречу. Предложение ей сразу не понравилось, но по правилам нужно встретиться минимум три раза, прежде чем сказать «нет». На второй она откровенно сказала парню, что он ей не интересен, а на вопрос, как она себе представляет своего избранника, довольно точно описала свою мечту.

– О! – сказал парень. – Ты говоришь о моем двоюродном брате.

На третью встречу вместо рекомендованного претендента явился его родственник. Всего в нем хватало, кроме одного – к психометрии родственник не имел ни малейшего отношения. Но девочку это не остановило, она продолжала с ним встречаться, пока не объявила о дате свадьбы.

Воспитательницы были в шоке, школа так и гудела. В нашей компании большинство стояло за девочку, и только я, дуреха, объявила во всеулышанье, будто Космос не пошлет счастья тем, кто идет против учителей. И ведь не знала, не думала, что о себе говорю.

– Лора, это известный парадокс – судьба даже начинающего психометриста полностью лежит в его руках: Космос не в силах осудить его. Но как же наказать тех, кто сбивается с пути? Ему посылают человека с похожей историей и предлагают вынести приговор. И он судит себя сам, и как он решит, так оно и случится.

– Увы, так и случилось. Но начало было таким прекрасным!

На следующее утро я отпросилась в школе, соврала, будто еду в Иерусалим за посылкой от родителей, и помчалась на автобусную станцию. В маленьком городе все на виду, и даже мелочь может показаться подозрительной. В одном из переулков меня поджидал Паша в своем БМВ, я прыгнула внутрь машины, и мы покатали в Акко. Там я провела самые счастливые часы моей жизни.

Целый день мы гуляли по городу: взбирались на прекрасно сохранившиеся крепостные башни, пили кофе в арабских кофейнях, приценивались в лавочках к аляповатым ожерельям из дутого золота. Паша затащил меня в замок крестоносцев, и мы долго ходили, согнувшись, по подземным переходам, освещенные дрожащим светом тусклых лампочек. Со стен сочилась вода, экскурсовод глухо бубнил никому не интересные имена и цифры. Когда проход сужался и мы выстраивались цепочкой, Паша становился передо мной и брал за руку, словно охраняя. Живое прикосновение его пальцев встряхивало мою ладонь, точно удар электрическим током.

Перед закатом мы оказались в кафе прямо у входа в гавань. К старинным стенам были приделаны деревянные помосты, и на них расставлены столики. Черные фелюги рыбаков медленно возвращались с лова, перекупщики ждали их на берегу, выкрикивая гортанные арабские слова. Напротив нашего столика из воды торчало основание разрушенной морем башни, больше напоминающее природную скалу, чем сооружение рук человеческих. Загорелые мальчишки, словно обезьянки, карабкались по коричневым уступам на самый верх и прыгали в зеркальную воду. Паша бросал им монетки, мальчишки ныряли за ними, находили среди камней и, выскакивая на поверхность, скалили зубы с зажатой в них денежкой.

Солнце в Средиземном море садится не как в Одессе, за спину, а прямо перед тобой, точно присутствуешь на спектакле. Светло-зеленая вода превращается в блестящее красное зеркало, которое начинает постепенно наливать синевой.

Когда от диска осталась только верхушка, зеркало потускнело, превращаясь в черное покрывало, замерзшие мальчишки уплыли за выступ крепостной стены, и над притихшей гаванью разнесся протяжный крик муэдзина.

Тогда я еще соблюдала диетарные предписания психометрии и никогда бы не подумала обедать в арабском ресторане, но закат и Паша подействовали на меня, словно дурман. Через полчаса я поймала себя на том, что доедаю кебаб, а перед моей тарелкой красуется наполовину опустошенный бокал с вином.

– Ну и все равно, – подумала я, – значит, так надо.

Паша отвез меня в гостиницу на окраине Акко. Мы долго сидели на холме перед гостиницей, поросшим одуряюще пахнущими цветами. На следующий день администратор гостиницы рассказал, что холм – братская могила наполеоновских солдат, штурмовавших Акко, и среди них лежит командовавший осадой, знаменитый генерал Деревянная нога.

Запах цветов окончательно свел меня с ума, и когда Паша осторожно прикоснулся губами к моим губам, я ответила ему с такой страстью, точно целый день ждала этого поцелуя. До Паши меня никто не целовал, и холм поплыл, закачался подо мной, словно фелюга. Мы поднялись в номер, и там произошло то, что обычно происходит в таких ситуациях.

Лора переменяла позу.

– Можно закурить?

Я сокрушенно развел руками.

– Ладно, посижу с вами без никотина. Вот, я хочу вас предупредить...

Она отвела глаза в сторону и покраснела.

– Мне придется рассказывать всякие подробности, вы извините. Но без них картина не будет цельной. Я отношусь к вам, как к учителю, как к врачу, вы не подумайте, будто мне легко или приятно это говорить, но сил уже нет, а посоветоваться ...

Она вдруг по-девчачьи всхлипнула, лицо сморщилось, из глаз покатались слезы.

– Сейчас, сейчас, извините, сейчас.

Лора достала из сумочки носовой платок и промокнула слезы.

– Все, уже все.

Вид у нее был обиженной девчонки. А, в сущности, сколько ей лет? Наверняка двадцати пяти еще нет. Самая настоящая девчонка, хоть держится, словно выдавшая виды женщина. Прибежала к старому профессору жаловаться на жизнь. Ладно, будем утешать. Меня бы кто так утешил...

– Лора, вы меня с кем-то перепутали. Я не Мастер, я маленький человек, со множеством личных проблем, я только могу цитировать великих предшественников, иногда по делу и к месту. Если вас устраивает такая помощь...

– Меня устраивает любая помощь, лишь бы помогло.

– Тогда продолжим.

– На следующий день мы пошли выяснять, где можно расписаться. Оказалось, что это довольно длинная история, требуется целая гора бумажек, свидетели, документы. Сейчас мне трудно объяснить, для чего мне понадобилось так стремительно прыгать в омут, но тогда я шла за Пашей, закрыв глаза и млея от восторга. Чувство к нему возникло стремительно и безо всяких оснований, словно какой-то волшебник вложил его в мое сердце.

Под вечер мы возвращались в Цфат через Рош-Пину. В лучах заходящего солнца розовели Голаны, печально угасал Кинерет. Ветер врвался в приоткрытые окна машины и свистел, высвистывал древний разбойничий мотив.

– Послезавтра я возвращаюсь в Одессу, – вдруг сказал Паша. – Бросай, на фиг, свою школу, и поехали со мной. Там у меня все схвачено, поженимся за два дня. Если захочешь учиться, куплю тебе место в любом университете, моих денег хватит наших внуков в люди вывести.

Он, как всегда, завирал процентов на семьдесят, но на тридцать, все-таки, говорил правду. Мне он казался добрым принцем из сказки: красивым и всемогущим.

Я собрала вещи, написала заявление директору школы, оставив его у дежурного воспитателя, и под изумленный шепот подружек укатила к своему счастью. Мы вернулись в Иерусалим, провели там оставшиеся два дня, покупая в лучших магазинах одежду для свадьбы и всякую ерунду, которая нам тогда казалось обязательной для устройства семейной жизни. Паша вел себя изумительно, и я с каждым часом влюблялась в него все больше и больше, хотя, казалось бы, больше уже было невозможно.

Одна только досадная мелочь слегка портила безоблачный горизонт: у меня там, внизу, началось какое-то воспаление. Поначалу мне казалось, что так со всеми бывает после первого раза, но ранка быстро поджила, а раздражение не проходило. Внутри меня образовалась белая кашица, по виду напоминающая творог, все жгло и кусалось, и от одной мысли о повторном внедрении Паши становилось дурно. Я очень любила его и старалась не огорчать, ведь есть много способов не обидеть любимого человека, ну, вы понимаете, но все это было не то, суррогат, подмена.

– Ерунда, – не унывал Паша, – или само пройдет, или за деньги. Ты не волнуйся, у меня их много, на любых докторов хватит.

Мы прилетели в Одессу, формальности Паша уладил еще в Иерусалиме, по телефону, и свадьба действительно состоялась через два дня, в «Кемпински». Потом мы долго искали квартиру, Паша хотел в новом районе, возле Аркадии, где живут все его приятели-бизнесмены, а я меня тянуло в старый центр. В конце-концов, мы купили квартиру в Театральном переулке, в ста метрах от бульвара. Огромная коммуналка, бывшие барские хоромы, стала полностью нашей, как бы вернувшись к первоначальному статусу. Паша действительно зарабатывал очень много денег, у него тогда была целая сеть магазинов модной одежды, которую покупали только крутые «новые украинцы».

– Почему была, Лора?

– Он почти разорился, из-за меня. Я сбила его с панталыку.

– Лора, человек и деньги не могут вечно быть вместе. Или деньги отбирают у человека, или человека отбирают от денег. Первое, все-таки, лучше, чем второе.

– Да, конечно, пусть лучше так. Но тогда мы об этом не думали, я все время лечилась. К кому только меня не возили, чем только ни травили. Поначалу врачи рьяно брались за дело:

– Всего-навсего вагинальный грибок. Раз-два, и конец!

Но за «раз-два» следовало «три-четыре», за ним «пять-шесть» и «семь-восемь». Когда счет доходил до «семнадцати-восемнадцати», специалисты разводили руками и, сокрушенно покачивая головами, жаловались на ограниченность человеческих возможностей. Паша сильно ругался: клял почем-зря медицину, медиков, уровень украинского здравоохранения, его стоимость, а спустя несколько дней все равно вез меня к другому «светилу».

И везде, везде заставляли раздеваться, укладываться в позорную позу и позволять незнакомым мужчинам копаться в самом сокровенном месте моего тела. Только от проверок можно было заработать отвращение к любой близости. Они засовывали в меня свои пальцы в скользкой холодной резине, загоняли зонды и зеркала! Б-р-р, мерзость и издевательство!

Не знаю, сколько они брали с Паши, да толку от этих посещений было мало. Творог потихоньку рассасывался, но когда я, убедившись, что все внутри чисто, допускала Пашу, оно немедленно возвращалось, словно подсмеиваясь над рецептами, микстурами и умными физиономиями специалистов. Через полгода мне стало совсем плохо. Все внутри болело, спать удавалось по два-три часа, нервы разболтались, меня бросало от смеха к плачу. К счастью, с Пашей мы виделись только по вечерам, и к его приходу мне удавалось собраться и держать себя в руках.

Он очень много работал, возвращался голодный и серый от усталости. Я уговаривала его обедать в какомнибудь ресторане, но Паша отказывался наотрез.

– Я хочу есть еду моей жены.

Ремонтом и обстановкой квартиры я занималась самостоятельно. Паша хотел переделать ее под современный стиль, сбить лепку, выкрасить стены в яркие цвета. Еле удалось отговорить. Полгода ушли на устройство, а потом я начала скучать. Да и болезнь точила, не давала покоя. Паша тоже весь извелся, бедненький.

Один из гинекологов посоветовал обратиться в Психоневрологический институт. Паша договорился, и меня принял зав. кафедрой психиатрии, ученик самого Шевелева. Обследование продолжалось несколько недель, подключили самую совершенную аппаратуру, проверяли на томографе, даже в барокамеру сажали. Потом потащили на обследование Пашу. Он страшно ругался, подсчитывал, сколько стоит каждый час его рабочего времени, но ходил. После всех мучений зав. кафедрой пригласил нас на собеседование.

– Видите ли, молодые люди, – сказал он, рассматривая меня и Пашу с нескрываемым любопытством. – Случай у вас редкий, но интересный. Интересный для науки, я имею в виду. Дело в том, что у вашей жены всего-навсего аллергия, неприятная, но аллергия. Хуже другое – на кого эта аллергия. Вы догадываетесь?

Нет, мы не догадывались.

– Есть виды аллергенов, которые ничем себя не проявляют, пока не оказываются в особо чувствительных местах. Человек может всю жизнь не сознавать, что является источником раздражения. Не для всех, для кого-то одного. И беда, если пострадавший – близкий родственник или, того хуже, супруг.

– Так вы хотите сказать, – чуть не подавился Паша, – будто у нее это из-за меня?

– Абсолютно справедливо. Пока вы не попадаете внутрь своей жены, все замечательно и прекрасно, но стоит вам оказаться там, даже на несколько минут, как механизм аллергии включается.

– Это можно как-то вылечить, устранить? – спросила я.

– Если бы я такое умел, то давно бы получил Нобелевскую премию.

– А вы уверены в правильности диагноза? – набычился Паша. – Может, какая-нибудь реакция не туда приткнулась и все скособочила?

– Уверен я только в одном, – усмехнулся зав. кафедрой, – что все там будем.

Он посмотрел на потолок и развел руками.

– Правильность диагноза можно проверить только экспериментальным путем. Но рекомендовать его я не могу.

– То есть? – уточнил Паша.

Зав. кафедрой отвел глаза в сторону.

– Для чистоты эксперимента необходимо выяснить реакцию пациента на воздействие другого вида аллергенов. Простите за нескромный вопрос, – он перевел глаза на меня, – у вас были до замужества интимные отношения с другими мужчинами?

– Нет, – тяжело сказал Паша.

– Простите, я спрашиваю не вас.

– Да, – подтвердила я, – не было.

– Таким образом, в общем, вы сами понимаете... Возможно, это проблема не только вашего мужа, а общая реакция на мужчину, такое тоже бывает.

– А нельзя ли проверить другим способом, – спросил Паша. – Ввести вытяжку, соскобы, я знаю... Короче, без живого носителя другого вида аллергенов.

– Понимаете ли, человеческий организм выделяет десятки видов всякого рода раздражителей. Запах пота складывается из тринадцати ингредиентов, плюс кожа, волосы, микрофлора

корней волос... На сегодняшний день наука еще не умеет настолько точно копировать человеческий организм. Увы, увы.

– Так что же делать? – спросила я.

– Ничего. Ждать. Организм постоянно меняется, возможно, с течением времени, в нем произойдут сдвиги в положительную сторону. Иногда сильный стресс или значительные физические усилия также оказывают благоприятное воздействие.

– И сколько ждать? – угрюмо произнес Паша. – Неделю, месяц, год?

– Никто не знает. Но не месяц. И вряд ли год. А большего вам никто не скажет. Ни один специалист.

Пока мы шли к машине, Паша ругался не переставая:

– Экспериментаторы хреновы! Нет, что он мне предлагает, а? Может, он сам решил опыт поставить, как настоящий врач, прямо на себе, а? Мученик науки, плешь психиатрическая! Ты знаешь, сколько они с меня сорвали, за это обследование? Ни в сказке сказать, ни пером описать! И вот вам результат, своими руками мужика в постель к жене привести! Охренели, ошалели, долбанулись!

– Знаешь, Паша, – сказала я, когда машина тронулась с места. – Давай разведемся. Толку от меня, как видно, не будет.

– Сумасшедшая! Я скоро закончу одну раскрутку, и махнем в Штаты, к докторам получше. О деньгах не беспокойся, сколько будет нужно, столько и заплатим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.